HV9712
.K72

Materialy k izsliedovaniiu
istorii russkikh tiurem.

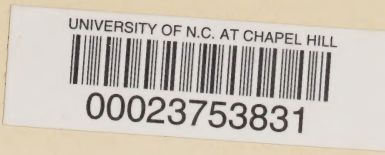
D. V. Krainskiĭ

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

HV9712
.K72

NOV 9
NOV 9 1973



This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
EP 07 [illegible]			
SEP 12 [illegible]			
Form No. 513			

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/materalykizslied00krai

4604 II/71

Д. В. Краинскій.

МАТЕРІАЛЫ

КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЮ ИСТОРІИ РУССКИХЪ ТЮРЕМЪ

въ связи съ исторіей учрежденія

Общества Попечительнаго о тюрьмахъ.

ЧЕРНИГОВЪ.
Типографія Губернскаго Земства.
1912.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

На стран. 57, строка 4 сверху. Напечатано 12, слѣдуетъ читать 6.

Д. В. Краинскій.

HV 9712
.K72

МАТЕРІАЛЫ

КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЮ ИСТОРІИ РУССКИХЪ ТЮРЕМЪ

въ связи съ исторіей учрежденія

Общества Попечительнаго о тюрьмахъ.

ЧЕРНИГОВЪ.
Типографія Губернскаго Земства.
1912.

„Объ устройствѣ русскихъ тюремъ въ древнюю эпоху мы имѣемъ очень мало свѣдѣній. Тюремныхъ зданій сохранилось немного, и эти немногія не описаны и публикѣ неизвѣстны; свидѣтельства писателей-современниковъ кратки и отрывочны", такъ опредѣляетъ профессоръ Н. Д. Сергѣевскій положеніе тюремнаго вопроса въ его историческомъ прошломъ [1]).

Образованная 28 февраля 1877 года особая комиссія изъ членовъ Государственнаго Совѣта подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота для разсмотрѣнія проектовъ преобразованія мѣстъ заключенія, признала, что наше тюремное дѣло находилось въ то время въ полномъ разстройствѣ. Поэтому законодательная власть должна была встрѣтить непреодолимыя затрудненія при разрѣшеніи не только подробностей, но и многихъ общихъ вопросовъ тюремнаго устройства. По мнѣнію комиссіи, очевидно, что подобные вопросы не могутъ быть разрѣшены съ точки зрѣнія началъ отвлеченныхъ. Здѣсь нужны свѣдѣнія и данныя, добытыя наблюденіемъ и опытомъ, между тѣмъ наше тюремное дѣло въ этомъ отношеніи не имѣетъ прошлаго, въ немъ ничего еще не изучено и не испытано [2]).

Въ такомъ же смыслѣ даетъ намъ указанія вообще литература по тюрьмовѣдѣнію въ каждомъ случаѣ, когда затрагивается вопросъ о прошломъ нашихъ тюремныхъ учрежденій.

Такое положеніе исторіи тюремнаго дѣла, мнѣ кажется, обязываетъ каждаго, имѣющаго въ своемъ распоряженіи матеріалъ, могущій пролить свѣтъ на выясненіе историческихъ

---

[1]) Н. Д. Сергѣевскій. Русское уголовное право, часть общая стр. 177.

[2]) Тюремное преобразованіе. Изданіе Главнаго Тюремнаго Управленія 1905 года стр. 5. (Высочайше утвержденная особая комиссія для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія).

вопросовъ по тюрьмовѣдѣнію, представить на обсужденіе науки и литературы добытый матеріалъ, не стѣсняясь пробѣлами и выводами, которые могутъ быть исправлены критикой и поправками, ведущими лишь къ выясненію истины.

Занимаясь болѣе 8 лѣтъ практически тюремнымъ дѣломъ сначала въ качествѣ помощника губернскаго тюремнаго инспектора, а затѣмъ тюремнаго инспектора, мнѣ приходилось неоднократно изслѣдовать спеціальные вопросы, которые по сложности ихъ приводили къ необходимости углубляться въ далекое прошлое, теряющееся въ исторіи тюремнаго законодательства.

Выясняя постепенно такіе вопросы, мнѣ удалось добыть весьма цѣнный матеріалъ по исторіи нашихъ тюремныхъ учрежденій.

Считая, что матеріалъ этотъ можетъ послужить къ разработкѣ затронутыхъ мною вопросовъ и побудить спеціалистовъ провѣрить мои выводы дальнѣйшими изслѣдованіями, я рѣшилъ представить вниманію общества свой трудъ въ систематической его разработкѣ.

Приношу глубокую благодарность моему сотруднику гражданскому инженеру Д. Д. Афанасьеву, любезно содѣйствовавшему мнѣ въ выясненіи вопросовъ техническаго характера.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I.

Состояніе тюремныхъ учрежденій до введенія въ дѣйствіе учрежденія губерній 1775 года.

1. Реформа Екатерины II и состояніе казенныхъ строеній въ провинціи.
2. Состояніе тюремъ ко времени учрежденія о губерніяхъ.
3. Описаніе стараго Черниговскаго губернскаго острога и типъ остроговъ въ уѣздныхъ городахъ.
4. Исчисленіе времени существованія типа стараго острога.
5. Острогъ, какъ военная крѣпость.
6. Острогъ, какъ тюремное помѣщеніе.
7. Древность русской тюрьмы.
8. Учрежденіе провинціальныхъ тюремъ по уложенію царя Алексѣя Михайловича и организація тюремнаго управленія.
9. Происхожденіе названія „острогъ“.
10. Колодничья изба.

Часть II.

Періодъ тюремнаго строительства.

1. Составленіе смѣтъ и плановъ на устройство новыхъ остроговъ и починку ветхихъ.
2. Переустройство Черниговскаго острога съ замѣною деревянной ограды кирпичною стѣною.
3. Дѣятельность Малороссійскаго генералъ-губернатора князя Куракина въ области тюремнаго дѣла.

4. Постройка тюремъ новаго типа.

5. Нормальные чертежи устройства тюремныхъ замковъ, согласно требованіямъ новаго уголовнаго законодательства.

6. Тюремные замки въ Черниговской губерніи.

7. Сельская тюрьма.

Часть III.

Исторія учрежденія Общества попечительнаго о тюрьмахъ.

1. Историческія условія возникновенія идеи учрежденія Общества.

2. Значеніе Говарда и Венинга въ учрежденіи Общества попечительнаго о тюрьмахъ въ Россіи.

3. Утвержденныя Императоромъ Александромъ I правила для попечительнаго о тюрьмахъ Общества.

4. Дѣятельность Петербургскаго Комитета Общества.

5. Учрежденіе Комитетовъ въ губернскихъ городахъ.

6. Учрежденіе Комитетовъ Общества въ уѣздныхъ городахъ.

7. Упадокъ дѣятельности Общества къ сороковымъ годамъ прошлаго столѣтія.

8. Система Предсѣдателя Общества графа Бенкендорфа.

9. Открытіе уѣздныхъ Комитетовъ Общества въ Черниговской губерніи.

10. Привлеченіе должностныхъ лицъ къ участію въ дѣятельности Общества.

11. Новая организація Общества по уставу 1851 года.

12. Учрежденіе Главнаго Тюремнаго Управленія и устраненіе Общества попечительнаго о тюрьмахъ отъ завѣдыванія мѣстами заключенія.

13. Современное положеніе Общества въ общей системѣ управленія тюрьмами.

14. Роль Общества въ его историческомъ прошломъ.

ЧАСТЬ I.

Состояніе тюремныхъ учрежденій до введенія въ дѣйствіе учрежденія губерній 1775 года.

Послѣдовательный ходъ историческаго развитія тюремнаго дѣла въ Черниговской губерніи несомнѣнно представляетъ изъ себя часть общей исторіи тюремныхъ учрежденій въ Россіи.

Черниговская губернія въ былыя времена входила въ составъ обширной территоріи Малороссійскаго генералъ-губернаторства, состоявшаго изъ Черниговской, Полтавской и Харьковской губерній, а потому прошлое тюремъ этой громадной территоріи южнаго района должно служить вполнѣ опредѣленной картиной состоянія тюремнаго вопроса въ его далекомъ прошломъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи тюремное дѣло въ Черниговской губерніи стояло въ зависимости отъ общей постановки тюремнаго вопроса въ Россіи, такъ какъ указанія по всѣмъ вопросамъ тюремнаго управленія исходили изъ центра и слѣдовательно развитіе въ общихъ мѣропріятіяхъ могло отличаться на мѣстахъ лишь по времени и формѣ выполненія общихъ предначертаній.

Конечно, дальность разстояній мѣстныхъ учрежденій отъ центра, самостоятельность на мѣстахъ высшихъ должностныхъ лицъ, а также пережитокъ старины въ глуши отдаленныхъ городовъ, могли создавать своеобразныя формы устройства отдѣльныхъ мѣстъ заключенія, но съ теченіемъ времени и постепенно эти различныя формы приводились въ систему общую для всѣхъ и нынѣ во всѣхъ губерніяхъ существуетъ одинъ общій порядокъ.

Тюрьма, какъ учрежденіе государственное, необходимое для существованія самаго государства въ цѣляхъ защиты общежитія

и охраны правопорядка, естественно находилась всегда въ общей связи съ другими обще-административными учрежденіями и въ своемъ развитіи должна была обусловливаться тѣми историческими моментами государственной жизни, съ которыми связана та или иная постановка карательной системы. Изслѣдованіе исторіи тюрьмы внѣ всякой связи съ другими государственными учрежденіями, врядъ-ли раскрыло бы истинное положеніе дѣла.

Въ исторіи каждаго вопроса, а тѣмъ болѣе въ исторіи государственнаго учрежденія всегда наблюдаются такіе моменты, которые составляютъ эпоху или по крайней мѣрѣ ясно обозначенные періоды, опредѣляющіе ту или иную постановку дѣла и состояніе изслѣдуемаго вопроса. Каждый разъ, когда подъ вліяніемъ историческихъ событій ставился на очередь вопросъ объ общемъ преобразованіи государственной жизни, въ связи съ карательной системой возникалъ вопросъ и тюремнаго преобразованія.

Реформы Петра Великаго вызвали цѣлый рядъ измѣненій въ карательной системѣ и связанной съ ней постановкѣ тюремной жизни. Огромная потребность въ рабочихъ людяхъ для исполненія предпринятыхъ Петромъ въ Россіи портовыхъ сооруженій, при отрицательномъ отношеніи правительства къ установившейся въ то время системѣ ссылки, привели къ созданію въ Россіи каторжныхъ работъ.

Почти одновременно цѣлый рядъ причинъ экономическаго и соціальнаго характера побудили правительство принять мѣры къ искорененію развившихся до небывалыхъ размѣровъ въ государствѣ бродяжества, нищенства и праздности среди низшихъ слоевъ населенія. По примѣру Западной Европы Петръ I предполагалъ учредить рабочіе дома для содержанія въ постоянной работѣ людей „непотребнаго житья“. Екатерина II довершила эти начинанія, предписавъ учредить рабочіе и смирительные дома во всѣхъ губернскихъ городахъ въ вѣдомствѣ приказовъ общественнаго призрѣнія.

Параллельно этимъ начинаніямъ развивалось постепенно и общее тюремное законодательство, но всѣ узаконенія въ этой области носили характеръ отрывочныхъ распоряженій, не создавая реформы или даже коренныхъ преобразованій.

При Екатеринѣ II подъ вліяніемъ общественнаго настроенія въ Западной Европѣ тюремный вопросъ привлекъ особое вниманіе правительства, при чемъ сама Императрица даже пыталась создать систему тюремнаго заключенія, собственноручно написавъ въ 1787 году уставъ о тюрьмахъ, предполагая учредить мѣста заключенія для различныхъ категорій заключенныхъ, но начинанія эти носили болѣе характеръ теоретическій, чѣмъ практическій и даже самый уставъ Императрицы остался не осуществленнымъ.

Тѣмъ не менѣе, если Императрицѣ не удалось внести улучшенія въ тюремную жизнь и создать нѣкоторую опредѣленность въ вопросѣ тюремнаго заключенія, то общія реформы ея въ государствѣ силою вещей положили начало періоду коренныхъ преобразованій провинціальныхъ тюремъ на обширномъ пространствѣ всей Русской Имперіи.

Учрежденіе губерній—этотъ историческій памятникъ законодательства Екатерины II, захвативъ всѣ стороны общественной и государственной жизни, поставилъ на очередь и вопросъ тюремнаго переустройства.

Реформы Екатерины II—это историческій моментъ жизни государства, когда старый и самобытный укладъ русской государственной и общественной жизни отходитъ въ область „русской старины“ и государство выстраивается на новыхъ началахъ, послужившихъ основою современнаго государственнаго устройства.

Эпоха реформъ Екатерины II заканчиваетъ существованіе многихъ исторически сложившихся учрежденій государственной и общественной жизни. Съ упраздненіемъ прежнихъ мѣстъ и устройствомъ новаго управленія наступаетъ новый періодъ исторической жизни государства, который долженъ служить началомъ при изслѣдованіи исторіи какой бы то ни было стороны общественной жизни русскаго государства.

Въ тюремномъ вопросѣ этотъ моментъ является также границею прошлаго и настоящаго. Реформы Екатерины II застаютъ обветшалую русскую тюрьму такою, какъ создала ее русская старина. „Старый русскій острогъ“, прототипомъ котораго была ста-

ринная русская крѣпость, постепенно прекращаетъ свое существованіе и вмѣсто него возводятся „тюремные замки“.

Обширный матеріалъ, хранящійся въ центральномъ архивѣ Черниговской губерніи, касающійся не только Черниговской губерніи, но и характеризующій положеніе тюремнаго дѣла въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, даетъ возможность заглянуть въ далекое прошлое и возстановить картину состоянія тюремъ съ самаго начала XVIII вѣка и освѣтить постановку тюремнаго вопроса въ первые два періода историческаго развитія тюремнаго дѣла: до преобразованія Екатериною II мѣстныхъ учрежденій и послѣ введенія въ 1775 году новыхъ губернскихъ учрежденій.

Манифестъ Екатерины II, предшествовавшій учрежденію о губерніяхъ вполнѣ ясно опредѣляетъ состояніе провинціальной жизни наканунѣ реформъ: „Входя вновь во всѣ подробности внутренняго управленія въ Имперіи,— гласитъ манифестъ,— нашли мы, во 1-хъ, что по великой обширности нѣкоторыхъ губерній, округи недостаточно снабжены какъ правительственными, такъ и надобными для управленія людьми, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правленіе губерніи и казенные доходы и счеты, обще съ благочиніемъ и полиціей, и сверхъ того еще уголовные и гражданскіе суды отправляются и таковымъ же неудобствамъ тѣхъ же губерній не менѣе подвержены, ибо въ одной воеводской канцеляріи совокуплены находятся дѣла всякаго рода и званія“ [1]).

Вся административная, судебная и финансовая часть принадлежала воеводамъ, а съ 1708 года и губернаторамъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ эта должность была учреждена.

Въ мѣстномъ управленіи господствовалъ приказный характеръ съ широкими полномочіями полицейской власти. Задачи полиціи въ то время были опредѣлены столь широко, что ими исчерпывалось почти все правленіе, подъ которымъ разумѣлись судъ, управленіе и благоустройство, взятые вмѣстѣ.

Законодательство не различало правленія и полицію въ современномъ значеніи этого слова, считая послѣднюю за часть

---

[1]) П. С. З. 1775 г. ст. 14392.

первой, а потому и не разграниченныхъ. На мѣстахъ дѣйствовали агенты центральнаго правительства, которые въ большей части не имѣли прочной связи съ тѣмъ населеніемъ, среди котораго дѣйствовали, и провинція, переживая исторически сложившійся характеръ мѣстнаго самоуправленія, жила въ своей повседневной жизни самостоятельною, самобытною жизнью, съ трудомъ воспринимая новыя учрежденія, перенесенныя Петромъ Великимъ съ запада и часто измѣняемыя и упраздняемыя въ зависимости отъ взглядовъ высшаго правительства.

При общей неурядицѣ и отсутствіи правильной организаціи въ провинціи царствовалъ хаотическій безпорядокъ и произволъ административныхъ властей, стоявшихъ въ зависимости лишь отъ центральныхъ коллегій и Сената.

Подчиняясь велѣніямъ мѣстныхъ властей, провинція устраивала необходимыя для государства учрежденія, отводя помѣщенія для нихъ въ старыхъ строеніяхъ городскихъ крѣпостей, гдѣ сохранились таковыя или приспособляя строенія упраздненныхъ повѣтовыхъ земскихъ судовъ и сотенныхъ канцелярій, носившихъ громкое названіе „присутственныхъ мѣстъ“.

Учрежденіемъ о губерніяхъ введено новое раздѣленіе на губерніи съ перераспредѣленіемъ территоріи уѣздовъ. Во главѣ управленія губерніями оставлены губернаторы съ подчиненіемъ ихъ главнокомандующимъ или генералъ-губернаторамъ, какъ Государевымъ намѣстникамъ, при общемъ для каждой губерніи установленіи губернскаго правленія, какъ высшаго коллегіальнаго управленія административною частью въ губерніи.

Реформа губерніи разграничила прежде всего судебную и административную сферы съ выдѣленіемъ дѣлъ казеннаго интереса или финансовыхъ и дѣлъ благоустройства и общей полиціи. Такими учрежденіями были, для судебныхъ дѣлъ,—палаты уголовныхъ и гражданскихъ судовъ, а въ уѣздахъ—уѣздные судьи, для финансовыхъ—казенныя палаты, а на мѣстахъ казначейства, для дѣлъ по благоустройству—приказы общественнаго призрѣнія.

Важнѣйшимъ полицейскимъ органомъ былъ нижній земскій судъ, вѣдавшій всю уѣздную полицію и состоявшій изъ капитана-исправника и двухъ или трехъ выборныхъ засѣдателей.

Городничій, какъ начальникъ городской полиціи, пользовался одинаковыми съ исправникомъ правами, но распространялъ свою власть только въ предѣлахъ городскихъ населеній [1]).

Учрежденіе губерній вышло въ двухъ частяхъ. Первая часть, содержащая въ себѣ всѣ губернскія и уѣздныя учрежденія, вышла въ 1775 году, а вторая, опредѣляющая формальныя отношенія мѣстныхъ властей и положеніе судебныхъ установленій—въ 1780 году.

Новыя учрежденія проводились въ жизнь постепенно. Сначала реформа коснулась большихъ центровъ и главныхъ губернскихъ учрежденій казенныхъ палатъ и губернскихъ правленій, а затѣмъ преобразованія пошли дальше вглубь уѣздныхъ городовъ и провинцій.

Вмѣстѣ съ перемѣщеніемъ, расширеніемъ и открытіемъ новыхъ административныхъ пунктовъ, съ присоединеніемъ къ нимъ населенныхъ мѣстностей, представлявшихъ ранѣе, хотя и мелкія, но самостоятельныя административныя единицы, жизнь уѣздныхъ городовъ сильно оживилась. Въ новыя учрежденія стали направляться дѣла всякаго рода и содержанія, привлекая мѣстное населеніе въ эти новые пункты для рѣшенія всякаго рода дѣлъ. Мѣстами уже существовали такъ называемыя „присутственныя мѣста“, состоявшія изъ казенныхъ строеній, въ которыхъ помѣщались раньше упраздненныя учрежденія; въ другихъ пунктахъ такихъ строеній не было вовсе, а въ большей части казенныя зданія были въ весьма плачевномъ состояніи, до крайности тѣсныя и пришедшія въ полную ветхость.

Между тѣмъ въ каждомъ уѣздномъ городѣ надлежало открыть: уѣздный полицейскій органъ—нижній земскій судъ, вѣдавшій всею уѣздною полиціею, городническое управленіе и казначейство тамъ, гдѣ его не было.

Въ большинствѣ уѣздныхъ городовъ Черниговской и Полтавской губерній учрежденія эти были введены въ періодъ вре-

---

[1]) Очеркъ науки полицейскаго права И. Т. Тарасова § 14 и государ. право Н. О. Куплевасскаго т. II «мѣстныя учрежденія».

мени съ 1781 по 1797 г.г., когда закончилась формальная передача дѣлъ этимъ новымъ учрежденіямъ [1]).

Испытывая большія затрудненія въ размѣщеніи введенныхъ по новому учрежденію присутственныхъ мѣстъ, представители административной власти на мѣстахъ—городничіе—представляли въ казенную палату весьма неутѣшительныя свѣдѣнія, требуя ассигнованія денегъ на исправленіе ветхихъ строеній, на устройство новыхъ или хотя бы на наемъ помѣщеній въ частныхъ домахъ.

Губернскія власти въ свою очередь возбуждали вопросъ о построеніи и починкѣ казенныхъ зданій передъ центральнымъ управленіемъ. Заваленный массою такихъ представленій и изыскивая средства къ удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ, Правительствующій Сенатъ указомъ, послѣдовавшимъ въ 1791 году, строжайше подтвердилъ городничимъ и нижнимъ земскимъ судамъ наблюдать за состоящими въ вѣдомствѣ ихъ городахъ и уѣздахъ присутственными строеніями „и какъ только въ которомъ малѣйшее поврежденіе потребуетъ починки, то не упуская времени, учиня смѣту, представлять въ казенную палату, не допуская отнюдь дальнѣйшихъ ветхостей подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности“.

Распоряженіе это вызвало наплывъ въ казенную палату свѣдѣній, ярко обрисовывающихъ убогое состояніе присутственныхъ мѣстъ въ провинціи.

Оказалось, что ко времени учрежденія о губерніяхъ всѣ бывшія въ уѣздныхъ городахъ казенныя строенія пришли въ полную ветхость. Всѣ донесенія по характеру своему аналогичны, поэтому не безъинтересно привести нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе обстоятельно изображающія положеніе дѣла. Гадячскій, Полтавской губерніи, городничій коллежскій ассесоръ Грановскій 11 сентября 1797 года пишетъ въ Малороссійскую Казенную Палату [2]). „Прошлыхъ 1795 и 1796 годовъ іюля отъ 18 и октября отъ 19 чиселъ я, исполняя законоположеніе по Всевысочайшихъ

---

[1]) Архивныя дѣла Черниговской губернской строительной и дорожной комиссіи 1781—1797 годовъ.

[2]) Арх. дѣло № 28—1797 г. Черниговск. строит. и дорожн. комиссіи стр. 8.

учрежденій статьею 276 въ должность мнѣ предписанное, въ Черниговскую казенную палату рапортами представлялъ, что казенныя строенія присутственныхъ Гадячскихъ мѣстъ отъ пришедшихъ время отъ времени ветхости требуютъ починки и исправленія и что на всѣхъ корпусахъ присутственныхъ здѣшнихъ мѣстъ крыши по давному ихъ строенію обветшали, въ иныхъ же мѣстахъ согнили, также рундуки, присьбы, подвалины и внутренніе въ строеніяхъ тѣхъ полы и печи требуютъ вновь своего исправленія, да и сихъ казенныхъ присутственныхъ мѣстъ господа присутствующіе присылаемыми ко мнѣ сообщеніями знать даютъ, что въ оныхъ мѣстахъ отъ дождей бываетъ великая течь, такъ что и содержащихся текущихъ казенныхъ дѣлъ хранить, равно самимъ присутствующимъ, секретарямъ и канцелярскимъ служителямъ отправлять оныя подъ часъ бываемыхъ дождей негдѣ, отчего де и въ отправленіи должности каждаго дѣлается остановка, въ разсужденіи чего требовали о семъ по должности моей о починкѣ тѣхъ мѣстъ; такъ равно какъ и о находящейся близь оныхъ казенной архивѣ (которая гораздо прежде, нежели присутственныя мѣста состроена и которая до крайности пришла въ ветхость, коей стѣны держатся отъ однихъ только приставленныхъ и прибытыхъ къ нимъ вокругъ столбиковъ, гдѣ хранящіяся въ оной прежнія письменныя дѣла отъ бываемой течи верхніе совсѣмъ почти согнили) имѣть попеченіе. Потому же и я вышедоложенными моими представленіями просилъ казенной палаты, что не соблаговолено ли будетъ отъ оной кому слѣдуетъ о починкѣ и исправленіи на казенныхъ присутственныхъ мѣстахъ и архивѣ всѣхъ наружныхъ и внутреннихъ ветхостей предписать смѣту ученить и сохранить оныя черезъ скорую починку и исправленіе вновь что надобно, отъ конечной порчи и согнилія. Но на сіи мои представленія я никакой резолюціи не имѣю. А какъ строенія казенныя сверхъ описанія прежняго и болѣе пришли въ ветхость такъ что во многихъ мѣстахъ уже крыши провалились, потолки погнили, равно и фундаментъ столбъ повыгнивалъ, что не только корпусъ поддерживать отъ паденія, но и дыры подъ стѣнами подѣлались такъ, что уже и защиты отъ стужи вовсе нѣтъ, а изъ сего ясно видно, каково внутри покоевъ во время дождей

и стужи отправленіе дѣлъ людямъ производить можно. И какъ черезъ непочинку тѣ казенныя строенія часъ отъ часу приходятъ въ истлѣніе на явный казнѣ убытокъ, за что я дабы безвинно отвѣту не подпалъ, о семъ по долгу моему Малороссійской казенной палатѣ на благоусмотрѣніе третично представляю и когда уже почему либо невозможно большому корпусу починки учинить, то покорнѣйше прошу хотя тотъ малый корпусъ приказать оправить, въ коемъ повѣтовое казначейство и городничество съ тюрьмою и караульнею помѣщены. И о семъ не оставить меня снабдить въ резолюціи указомъ".

28 августа 1797 года Малороссійское губернское правленіе разсматривало рапортъ Золотоношскаго, Полтавской губерніи, городничаго Невѣровскаго о состояніи тамошнихъ казенныхъ строеній: „Имѣющіеся на тамошнихъ двухъ корпусахъ построенныхъ съ бывшихъ по Малороссійскому и Переяславскому полку повѣтовыхъ земскихъ судовъ и сотенныхъ канцелярій, въ которыхъ помѣщены состоятъ Золотоношское городничество и повѣтовое казначейство, и при нихъ штатной команды караульня и двѣ избы для содержанія преступниковъ, составляющихъ одну связь такожъ гдѣ нынѣ вмѣщается уѣздный и нижній земскій суды, въ коемъ до сего были Золотоношскіе городовой магистратъ и словесный судъ дырявыя крыши, сдѣланныя до открытія еще помянутыхъ мѣстъ въ 1781 году, находящіеся съ того времени понынѣ безъ всякой починки крайне обветшали такъ, что отъ бываемыхъ дождей не малая черезъ потолки во внутренность бываетъ течь, отчего строенія приходятъ въ гнилость и съ дѣлами, находящимися въ сихъ мѣстахъ по причинѣ сгорѣнія тамошней архивы вмѣщаться равно и пребываніе имѣть настоить крайняя невозможность, а какъ по вышеизъясненному всѣ сіи строенія подѣланы изъ старыхъ бывшихъ присутственныхъ мѣстъ, то по обветшалости оныхъ въ казначействѣ потолки и сволоки совсѣмъ повалились такъ что уже подперти столбами не можно" [1]).

Въ Новгородсѣверскѣ, Черниговской губерніи, казенныхъ зда-

---

[1]) Арх. дѣло № 28—1797 г. Черниговск. строит. и дорожн. коммисіи стр. 13.

ній, гдѣ бы можно было бы помѣстить вводимыя учрежденія, не было: городничество было помѣщено въ партикулярномъ помѣщичьемъ домѣ, казначейство въ собственномъ домѣ казначея „въ двухъ избахъ“, а для содержанія казны нанятъ погребъ у купца Карабана за 25 руб. въ годъ и только нижній земскій судъ помѣщенъ въ казенномъ упраздненномъ корпусѣ, принадлежащемъ бывшему генералъ-губернаторскому дому, который былъ въ такомъ состояніи, что починить его было невозможно [1]).

Въ уѣздномъ городѣ Конотопѣ казенной кладовой вовсе не было, а хранилась собираемая сумма въ обывательскомъ амбарѣ, который „по ветхости онаго есть ненадеженъ“ [1]). Въ Нѣжинѣ казенныя строенія, въ коихъ помѣщается городничество и казначейство, пришли въ полную ветхость [1]).

Стародубскій нижній судъ 27 іюня 1798 года рапортуетъ гражданскому губернатору, что „состоящіе сего суда корпусы, какъ-то: камера присутственная и канцелярскія избы пришли въ такую обветшалость, что крайне и вовсе неудобно нынѣ въ оныхъ быть, а потому бываемыхъ дождей происходитъ всегда течь, такъ что и дѣламъ бываетъ черезъ то порча, поелику крыша вся на оныхъ согнила и грубы обветшали совсѣмъ, коихъ въ зимнее время никакъ нельзя топить, также и окошки пришли въ гнилость“ [1]).

Такое состояніе казенныхъ строеній, гдѣ пріютились новыя, только что введенныя уѣздныя учрежденія въ связи съ другими потребностями, вызванными переустройствомъ провинціальной жизни, требовали отъ государства денегъ, которыхъ не было. Тѣмъ не менѣе, сознавая весьма затруднительное положеніе мѣстныхъ властей, правительство должно было найти выходъ изъ положенія. Указомъ Правительствующаго Сената 14 февраля 1797 года были образованы особыя экстроординарныя губернскія суммы на наемъ для присутственныхъ мѣстъ домовъ, починку строеній, на мосты и перевозы, на содержаніе колодниковъ и перенесеніе изъ уѣздныхъ городовъ въ губерній денежной казны и т. д.

---

[1]) Арх. дѣло № 28—1797 г. Черниговск. строит. и дорожн. комиссіи стр. 35, 65, 99 и 177.

На чрезвычайныя издержки по Малороссійской губерніи было назначено 10000 рублей, но этихъ суммъ оказалось слишкомъ недостаточно. Вслѣдствіе представленій мѣстныхъ властей казенная палата продолжала просить дополнительныхъ ассигнованій. Громадныя суммы, которыя требовались на мѣстахъ, ставили Государственное Казначейство въ затрудненіе. Нужно было создать какую нибудь систему и порядокъ въ удовлетвореніи этихъ требованій и вотъ казенная палата въ концѣ 1797 года, по предложенію Государственнаго Казначея барона Васильева, предписала безъ всякаго отлагательства учинить освидѣтельствованіе всѣхъ казенныхъ строеній, въ которыхъ размѣщены въ уѣздныхъ городахъ острогъ, кладовая при казначействѣ и тѣ казенныя строенія, въ коихъ помѣщается городничество, казначейство и нижній земскій судъ и если потребуется необходимый ремонтъ, то немедленно представить смѣту съ указаніемъ стоимости матеріала и работъ.

Изъ поступавшихъ отъ городничихъ свѣдѣній о состояніи казенныхъ строеній было видно, что таковыя едва могутъ держаться.

Назначаемая сумма на экстроординарныя надобности ежегодно увеличивалась и не смотря на то, что на 1799 годъ было ассигновано 27664 рубля 33 копѣйки средствъ этихъ далеко не хватало.

Такое положеніе обратило серіозное вниманіе губернской администраціи и въ 1798 году гражданскій губернаторъ Миклашевскій отправляется для обозрѣнія Малороссійской губерніи. Въ результатѣ губернаторъ сообщаетъ въ Малороссійскую палату, что почти во всѣхъ городахъ казенныя строенія, будучи построены еще до „открытія намѣстничества пришли совсѣмъ въ обветшалость и гнилость“ и потому имъ предположено выстроить вновь во всѣхъ городахъ Малороссіи, кромѣ Козельца и Глухова Черниговской губерніи, и Переяслава и Полтавы Полтавской губерніи, „новые корпуса для присутственныхъ мѣстъ, какъ то: нижнихъ земскихъ судовъ, повѣтовыхъ казначействъ съ каменными погребами для храненія денежной казны и для городничихъ и караульныхъ съ арестанскими избами“. Имѣя же въ виду за-

трудненія Государственнаго Казначейства онъ полагалъ отнести постройки корпусовъ для городничихъ и караулень при нихъ и арестантскихъсъ сѣнями, какъ находящихся въ вѣдѣніи полиціи и городовъ, на городскія суммы, а прочіе выстроить и починить за счетъ экстроординарныхъ по губерніи суммъ [1]). Въ своемъ предположеніи губернаторъ Миклашевскій высказываетъ пожеланіе, чтобы постройки эти начались съ весны 1800 года и въ первую очередь приступить къ постройкѣ деревяннаго острога въ г. Черниговѣ, какъ это уже предположено, вслѣдствіе полной ветхости стараго острога.

Въ наихудшемъ состоніи оказались помѣщенія для содержащихся подъ стражей и въ этомъ отношеніи городничіе были поставлены въ особо затруднительное положеніе. Донесенія ихъ удѣляли больше всего мѣста совершенной обветшалости существующихъ въ уѣздныхъ городахъ съ давнихъ временъ остроговъ съ указаніемъ на необходимость или капитальнаго ремонта ихъ или совершеннаго переустройства. Содержаніе колодниковъ тамъ, гдѣ не было остроговъ, въ особыхъ избахъ при городничествѣ признавалось неудобнымъ, такъ какъ съ перемѣщеніемъ административныхъ пунктовъ и открытіемъ новыхъ уѣздовъ „по многолюдству оныхъ и по немалому числу почти всякій день пересылочныхъ столько арестантовъ умножилось, что въ находящейся при городничествѣ тюремной избѣ вмѣщать оныхъ вовсе нѣтъ средства“ [2]). Помѣщеніе подъ городническое правленіе и казначейство можно было нанять въ обывательскихъ домахъ, но отсутствіе казеннаго строенія для заключенныхъ въ тѣхъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ не было особаго острога, создавало большія затрудненія, такъ какъ на отдачу домовъ въ аренду подъ такое помѣщеніе мѣстные обыватели не соглашались.

Это новое обстоятельство поставило въ большое затрудненіе высшую административную власть и такимъ образомъ вопросъ тюремный самъ собою постепенно отдѣляется отъ общаго вопро-

---

[1]) Арх. дѣло № 53—1799 г. строит. и дорожн. комиссіи стр. 25.

[2]) Арх. дѣло № 28—1797 г. строит. и дорожн. комиссіи.

са приведенія въ надлежащее состояніе казенныхъ строеній въ уѣздныхъ городахъ.

Сообщенія мѣстныхъ властей съ приложеніемъ смѣтъ на починку старыхъ и устройство новыхъ „остроговъ“ даютъ богатый матеріалъ къ изслѣдованію вопроса о состояніи мѣстъ заключенія ко времени преобразованія губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій.

Данныя эти устанавливаютъ, что ко времени реформъ Екатерины II при общей неопредѣленности провинціальныхъ учрежденій, мѣста заключнія представляли изъ себя вполнѣ опредѣлившіяся учрежденія однообразныя повсюду не только по своєму устройству, но и по внѣшнему виду.

Такими мѣстами заключенія были: типичный старый русскій острогъ, существованіе котораго нужно отнести къ глубокой старинѣ, и колодничья изба, составлявшая принадлежность каждаго административнаго пункта въ той мѣстности, гдѣ не было острога.

Реформа Екатерины II застаетъ эти виды тюремнаго заключенія издавна сложившимися въ опредѣленную форму въ такомъ видѣ, какъ создала ихъ самобытная русская жизнь временъ нашего древняго деревяннаго зодчества, ведущаго свое начало съ самыхъ отдаленныхъ временъ.

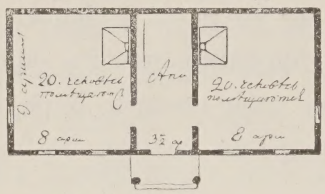
Мы имѣемъ подробное описаніе стараго и ветхаго Черниговскаго деревяннаго острога съ планомъ, составленнымъ современникомъ реформъ губернскимъ архитекторомъ Карташевскимъ въ 1797 году наканунѣ продажи этого острога съ публичныхъ торговъ на сносъ за полною его ветхостью. Этотъ цѣнный историческій памятникъ, великолѣпно сохранившійся и изображенный ниже безъ всякихъ измѣненій, найденъ мною въ дѣлахъ центральнаго архива Черниговскаго губернскаго правленія [1]) и даетъ самыя точныя данныя объ устройствѣ типичнаго острога въ серединѣ и даже началѣ XVII вѣка задолго до введенія въ дѣйствіе учрежденія о губерніяхъ.

---

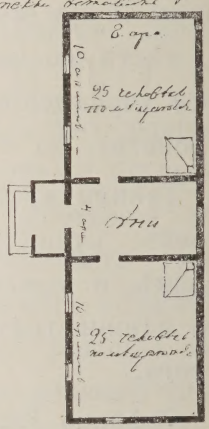
[1]) Арх. дѣло № 6—1797 г. Черниг. губ. строит. и дорожн. комиссіи стр. 8.

Планъ Черниговскому деревянному острогу, въ какомъ положеніи онъ теперь находится.

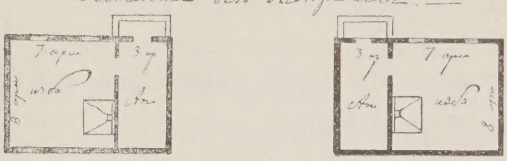
Старый корпусъ, въ которомъ помѣщаются, кухня, кладовая кирпичная, и — отхожія въ одномъ общемъ помѣщеніи.



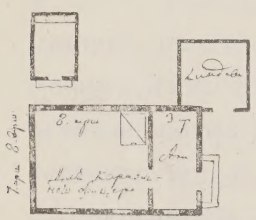
Недавно выстроенный корпусъ въ которомъ нижній этажъ перекрытъ полъ-подъ-полъ, предназначенъ для кухни, кладовой и отхожихъ мѣстъ.

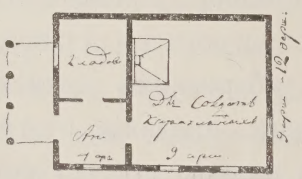


Сѣни для каторжныхъ баковъ вѣтхи и осыпаются безъ употребленія.



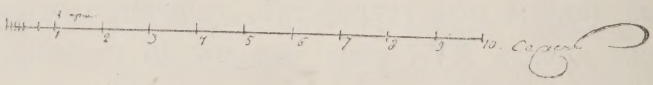
Сѣни для каторжныхъ баковъ вѣтхи.





Въ семъ домѣ каторжныхъ помѣщаются 72 человѣка въ своемъ составѣ имѣетъ кладовую, избу для солдатъ караульныхъ и отхожихъ мѣстъ вѣтхихъ.

Планъ



Городской Архитекторъ Антонъ Кортацевичъ

Въ Малороссійское Губернское Правленіе.

Состояніе этой старой тюрьмы съ подробнымъ описаніемъ отдѣльныхъ частей ея и наружнаго вида, изложено весьма обстоятельно губернскимъ архитекторомъ Карташевскимъ, а еще раньше Черниговскимъ комендантомъ генералъ-маіоромъ Сахновскимъ, по донесенію котораго въ сущности и былъ возбужденъ вопросъ объ освидѣтельствованіи пришедшаго въ ветхость Черниговскаго острога. Рапортомъ отъ 19 сентября 1797 года за № 922 [1]) генералъ Сахновскій сообщаетъ въ Малороссійскую казенную палату „что въ Черниговскомъ острогѣ внутри онаго имѣются четыре связи (отдѣльныя строенія), но изъ нихъ одна только способная для содержанія колодниковъ, послѣднія же три по ветхости, а также и двѣ связи (отдѣльныя строенія) за острогомъ, въ одной офицерской, въ другой, гдѣ караульные солдаты, вовсе неспособные, а какъ въ острогѣ въ казармахъ колодничихъ, въ караульняхъ, офицерской и солдатской печи, окошки состоятъ обветшалые, такъ что топить печи, а въ окошкахъ за неимѣніемъ стеколъ многихъ по ветхости рамъ обогрѣвать избъ не можно; а потому по наступившему холодному времени колодники не имѣя вовсе одѣянія могутъ претерпѣвать крайную нужду, и находящимся въ караулѣ солдатамъ по смѣнѣ съ карауловъ обогрѣться будетъ негдѣ“.

Осмотромъ острога архитекторомъ Карташевскимъ установлено, что только одинъ изъ всѣхъ корпусовъ, недавно выстроенный, оказался въ удовлетворительномъ состояніи, остальные же за крайнею ветхостью починкою и переустройствомъ исправить вовсе нельзя. Представляя приведенный здѣсь планъ всѣхъ зданій острога, архитекторъ Карташевскій высказывается за невозможность поддержать его починкою и проектируетъ постройку новыхъ корпусовъ взамѣнъ пришедшихъ въ полное разрушеніе [2]).

Заключеніе губернскаго архитектора подробно изображаетъ состояніе Черниговскаго острога: „бревна ограды погнувшись въ разныя стороны, разошлись мѣстами такъ опасно, что едва держатся въ верху глинцами кои также примѣтно, что разрушаются,

---

[1]) Арх. дѣло № 27—1797 г. строит. и дорожн. комиссіи.

[2]) Арх. дѣло № 6—1797 г. строит. и дорожн. комиссіи стр. 7.

они всѣ почти внизу къ землѣ погнили и столько, что палкою насквозь иныя протолкнуть возможно, однимъ словомъ, ежели посильнѣе нѣсколько десятковъ человѣкъ порядочно упрутся въ стѣну, то повалить его могутъ, каковая гниль и обветшаніе черезъ мокроту наступающихъ осени и зимы безъ всякаго сумнѣнія и болѣе усилятся, почему съ наступленіемъ весны онъ долженъ необходимо совсѣмъ вновь повалиться" [1]). Такое состояніе привело къ тому, что по повелѣнію начальства Черниговскій острогъ „по неспособности къ употребленію" былъ упраздненъ и вмѣсто него начатъ постройкою въ 1800 году на старомъ земляномъ валу Елецкаго монастыря новый острогъ. Палата постановила старый острогъ продать на сносъ съ публичныхъ торговъ, учинивъ ему описаніе и оцѣнку.

Описаніе и оцѣнка стараго острога, представленныя Черниговскимъ магистратомъ обще съ Черниговскимъ городничимъ въ 1801 г. [2]) даютъ ясное представленіе объ устройствѣ тюрьмы-острога и устанавливаютъ вмѣстѣ съ изображеннымъ выше планомъ типъ этой старинной постройки. Острогъ состоялъ изъ дубовыхъ свай въ два ряда вбитыхъ въ землю съ остроконечными вершинами, причемъ наружный рядъ этихъ свай былъ выше, внутренній ниже. Острогъ (ограда) длиною въ 25 саж. и шириною 17 саж. имѣлъ 424 дубовыхъ свай большого размѣра длиною „со вкопомъ въ землю" девятиаршинныхъ и 424 меньшихъ, а всего 848 палъ (свай). Острогъ имѣлъ одинъ входъ. Внутри острога было „четыре связи: 1) съ правой стороны корпусъ изъ бруска сосноваго изрубленный покрытый дранью подъ желѣзный гвоздь длиною 25½, шириною 9½ аршинъ съ небольшимъ рундукомъ (крыльцомъ) изъ шелевокъ. Въ немъ избъ двѣ, сѣни одни, съ шестью прорубами для окошекъ, но оныхъ нѣтъ, а побиты, въ немъ печей двѣ съ простыхъ изразцовъ и сводною трубою, дверей трое съ завѣсами и клямками въ двоихъ только дверяхъ и съ пробоями въ нихъ. Полы на брусьяхъ, сдѣланные изъ досокъ.

2) При входѣ въ острогъ напротивъ корпусъ ветхій съ

---

[1]) Арх. дѣло № 53—1797 г. строит. и дорожн. комиссіи стр. 9.

[2]) Арх. дѣло № 78—1801 г. губернск. строит. и дорожн. комиссіи стр. 15.

кругляка сосноваго покрытый дранью подъ деревянный гвоздь длиною 20, а шириною 9 аршинъ, въ немъ избъ двѣ съ потолками дощатыми, а помосты совсѣмъ сгнили, печей двѣ изъ кирпича съ двумя трубами, прорубовъ для окошекъ шесть, но окошекъ нѣтъ, дверей трое безъ завѣсовъ и безъ крючковъ.

3) Корпусъ съ лѣвой стороны изъ кругляка ветхій и ни къ какому употребленію неспособный кромѣ на дрова, безъ потолку и помосту, безъ окошекъ и безъ дверей длиною 10, а шириною 6 аршинъ, въ немъ очагъ изъ кирпича.

4) При острогѣ корпусъ, гдѣ было офицерское пребываніе изъ кругляка покрытый дранью подъ деревянный гвоздь, длиною 10, а шириною 6 аршинъ, въ немъ жилая офицерская комната одна, сѣни одни съ потолкомъ и помостомъ деревяннымъ, окошекъ съ стеклами двое, дверей на завѣсахъ и кручья двое, печь съ зеленыхъ изразцовъ, одна при томъ корпусѣ маленькая коморка забытая изъ драни (весь этотъ корпусъ оцѣненъ въ 7 рублей).

5) Противъ оной офицерской корпусъ изъ кругляка для караульныхъ солдатъ, покрытый дранью подъ желѣзный и деревянный гвоздь съ небольшой повѣткою мѣрою въ длину $14^1/_2$, а въ ширину $9^1/_2$ аршинъ, въ немъ одна большая изба съ потолкомъ безъ мосту съ тремя прорубами для окошекъ, но оныхъ нѣтъ, печь изъ кирпича, дверей на завѣсахъ одни".

Черниговскій острогъ представлялъ изъ себя типъ тюрьмы того времени. Устройство остроговъ въ уѣздныхъ городахъ отличалось отъ описаннаго лишь меньшимъ размѣромъ, количествомъ строеній внутри острога и отсутствіемъ отдѣльнаго корпуса для офицерскаго пребыванія. Острогомъ называлась ограда изъ двойного ряда свай вокругъ тюремной избы. Ограда — это основной и главный признакъ понятія тюрьмы, носившей обобщающій терминъ „острогъ" какъ мѣсто заключенія преступниковъ. Тюремное строеніе безъ ограды называлось „колодничья изба" или просто „колодничья", а иногда „тюремная изба" или „тюрьма".

Острогъ выстраивался по опредѣленному плану и носилъ это названіе только въ томъ случаѣ, если имѣлъ всѣ признаки такого строенія. Обыкновенный штакетъ, заборъ или огорожа, устраиваемые въ иныхъ случаяхъ при тюремной избѣ съ цѣлью отдѣ-

лить такое строеніе отъ сосѣднихъ или устройства при тюрьмѣ особаго двора, если не были устраиваемы такъ, какъ это требовалось для постройки острога, назывались „полисадомъ“ или „полисадникомъ“.

Острогъ состоялъ обыкновенно изъ двойного ряда бревенъ, вкопанныхъ однимъ концомъ въ землю и заостренныхъ съ другого конца. Бревна употреблялись или дубовыя или сосновыя толщиною отъ 5 до 8 вершковъ. Для обнесенія стѣны въ первый рядъ употреблялись бревна или сваи, какъ ихъ называли, длиною отъ 8 до 11 аршинъ, для обнесенія стѣны во второй рядъ – отъ 6 до 7 аршинъ, которыя вкапывались въ землю глубже первыхъ „дабы онымъ укрѣпленіемъ быть“. Въ иныхъ случаяхъ какъ для перваго, такъ и для второго ряда употреблялись бревна одинаковой длины, но врытіе однихъ глубже другихъ было обязательно. Для скрѣпленія бревенъ или „на связки оныхъ“ или „для связки оныхъ внутрѣ“ употреблялись сосновые или дубовые брусья длиною 9-ти аршинъ, шириною 6-ти, а толщиною 5 вершковъ „полагая оные распилить пополамъ на глинцы“ (поперечныя жерди).

Такъ были устроены „остроги“ во всѣхъ городахъ Черниговской и Полтавской губерній, гдѣ только они сохранились ко времени введенія въ дѣйствіе учрежденія о губерніяхъ.

Существованіе такого острога относится къ времени значительно болѣе раннему, чѣмъ мы имѣемъ описаніе ихъ. Это свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что при возобновленіи остроговъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ таковые были упразднены за полною ветхостью ихъ или вслѣдствіе пожара и гдѣ требовалось реставрировать остатки полуразрушенныхъ и оставленныхъ съ давнихъ временъ остроговъ, они возобновлялись по тому же типу, какъ строились раньше. Мы имѣемъ такой случай въ уѣздномъ городѣ Стародубѣ. Еще въ 1798 году Стародубскій городничій рапортуетъ губернатору, „что состоящій въ г. Стародубѣ острогъ такъ пришелъ въ ветхость, что съ трудностью содержать въ ономъ колодниковъ и не соразмѣрное оной количество людей содержать караулъ, да и находящаяся внѣ онаго караульня также пришла въ крайнюю ветхость и требуетъ починки“, но уже

черезъ два мѣсяца городничій сообщаетъ, что во время случившагося въ городѣ 3-го августа пожара, въ числѣ прочихъ строеній сгорѣлъ острогъ съ караульнею и „имѣющихся тамъ подъ стражею колодниковъ, кромѣ обывательскихъ домовъ содержать негдѣ“, почему дабы колодники не могли сдѣлать побѣговъ онъ полагалъ необходимымъ нынѣ же по представляемой смѣтѣ выстроить для содержанія тѣхъ преступниковъ новый острогъ [1]).

Новый острогъ предполагалось выстроить на томъ же мѣстѣ съ возстановленіемъ плана сгорѣвшаго острога. Составленная 12-го августа 1798 года смѣта съ описаніемъ отдѣльныхъ частей острога и предполагаемыхъ работъ показываетъ, что для возстановленія острога требовалось „350 сосновыхъ колодъ для обнесенія стѣны на первый рядъ длиною 10 аршинъ, толщиною 8 вершковъ и 354 сосновыхъ колодъ длиною 7 аршинъ такой-же толщины для обнесенія стѣны во второй рядъ“.

Въ уѣздномъ городѣ Козельцѣ, Черниговской губерніи, по ветхости острога еще въ 1795 году арестанты были переведены въ солдатскую караульню, состоящую при присутственномъ дворцѣ. (Въ Козельцѣ сохранилось это старинное кирпичное зданіе и нынѣ въ немъ помѣщается полицейское управленіе и казначейство), а бывшій острогъ совсѣмъ ветхій, стоявшій въ виду того дворца, остался пустымъ полуразрушеннымъ. Составленная 12 іюня 1797 г. смѣта на возстановленіе разрушенныхъ частей этой руины показываетъ, что устройство стараго Козелецкаго острога было того же типа, какъ остроги въ другихъ городахъ. На постройку острога потребовалось 500 деревъ сосновыхъ въ отрубѣ шестивершковыхъ, длиною въ семь аршинъ. Внутри острога предполагалось построить вновь двѣ избы съ сѣнями и поставить въ обѣихъ избахъ по одной печкѣ. Въ 1798 году эта смѣта была выполнена и старый Козелецкій острогъ былъ обновленъ, имѣя внутри острога двѣ избы съ сѣнями для содержанія колодниковъ и внѣ острога избу для солдатъ [2]).

Весьма обстоятельное описаніе устройства острога имѣется

---

[1]) Арх. дѣло № 37—1798 г. строит. и дорожн. комиссіи.

[2]) Арх. дѣло № 23—1797 г. строит. и дорожн. комиссіи.

въ смѣтныхъ исчисленіяхъ „показывающихъ цѣну матеріаламъ и работы для полагаемаго къ состройкѣ въ городѣ Прилукахъ (Полтавской губерніи) острога и въ немъ тюремнаго строенія". Смѣта эта составлена Прилукскимъ городничимъ 25 ноября 1797 года вслѣдствіе предписанія Кіевскаго намѣстничества возстановить „вслѣдствіе открытія повѣта" сгорѣвшій въ давнія времена острогъ. „Полагая острогъ въ одну стѣну—40, а во всѣ четыре 160 аршинъ, причитается дерева полуаршиннаго въ нижнемъ отрубѣ 320 и какъ сіе дерево должно быть длиною не менѣе 11 аршинъ, и для прочности дубовое, то по здѣшнимъ цѣнамъ полагается каждое по 3, а всего цѣною 960 рублей. Въ срединѣ острога тюремныхъ избъ, одна противъ другой для удобнѣйшаго помѣщенія, или различія больныхъ отъ здоровыхъ, мужескаго пола отъ женскаго, а между ими караульная изба съ сѣнцами" [1]).

Всѣ три избы составляли по смѣтѣ одну связь, т. е. одно строеніе подъ одной крышей съ 4 дверьми, пятью окнами и двумя печами.

Деревянный острогъ въ окружности своей дѣлался различной величины въ зависимости отъ значенія и населенности пункта, гдѣ устраивалась тюрьма. Черниговскій острогъ, напримѣръ, имѣлъ въ окружности 84 саж., занимая площадь въ 425 квадр. сажень. Въ уѣздныхъ городахъ площадь, занимаемая тюрьмами была значительно меньше, такъ, въ г. Сосницѣ острогъ имѣлъ въ окружности 40 саж., занимая слѣдовательно площадь въ 100 квадр. сажень. Въ г. Стародубѣ острогъ былъ длиною 18, а шириною въ 16 саж., что составитъ въ окружности 68 саж., а площадью 288 квадр. саж.. Въ г. Глуховѣ „деревянный острогъ, состоящій обширностью въ окружности 64 трехаршинныхъ сажень" занималъ площадь 256 квадр. сажень. Въ г. Нѣжинѣ на возстановленіе пришедшаго въ ветхость острога требовалось 420 „полуаршинныхъ въ нижнемъ отрубѣ" палъ (свай), слѣдовательно окружность его была 210 аршинъ или 70 саж., а площадь въ 289 кв. сажень. Въ г. Козельцѣ на устройство новаго острога взамѣнъ пришедшаго въ ветхость потребовалось 500 полуаршин-

---

[1]) Арх. дѣло № 28—1797 г. губ. строит. и дор. комиссіи стр. 57.

ныхъ бревенъ, слѣдовательно въ окружности острогъ былъ въ 83 саж., занимая площадь въ 400 кв. саж.. Мы имѣемъ свѣдѣнія также о величинѣ въ окружности остроговъ въ нѣкоторыхъ городахъ Полтавской губерніи: Прилукахъ, Зѣньковѣ и Полтавѣ. Въ первомъ острогъ, имѣя „въ одну стѣну 40, а во всѣ четыре 160 арш.“ занималъ площадь 169 кв. сажень. Въ Зѣньковѣ острогъ въ окружности въ 88 саж. занималъ площадь въ 484 кв. сажени. Въ Полтавѣ въ 1797 году предположено было выстроить острогъ длиною въ 12, шириною въ 8 саж., т. е. въ окружности 50 саж. [1]).

Внутри острога, обыкновенно въ центрѣ тюремнаго двора, были расположены тюремныя строенія.

Въ большихъ населенныхъ центрахъ острогъ заключалъ въ себѣ нѣсколько строеній. Въ Черниговѣ было 4 строенія, въ уѣздныхъ городахъ обычно ставилось одно строеніе, въ которомъ было двѣ, а въ большинствѣ случаевъ одна изба съ сѣнцами (сѣнями).

Наиболѣе обстоятельное описаніе тюремнаго строенія внутри острога имѣется въ Прилукскомъ, Полтавской губерніи, острогѣ: „Въ срединѣ острога тюремныхъ избъ одна противъ другой для удобнаго размѣщенія или различія больныхъ отъ здоровыхъ и мужескаго пола отъ женскаго пола, а между ими караульная изба съ сѣнцами, каждая изба въ стѣнахъ въ длину и ширину по 8 аршинъ, да въ гору къ потолку по 4 аршина съ 2 вершками, полагая тутъ и подпалины съ упускомъ въ землю. Въ этомъ строеніи дверей четверо, стеклянныхъ окошекъ пять, въ окошкахъ желѣзныхъ рѣшетокъ четыре, печей двое и вьюшекъ двѣ“ [2]).

Въ Сосницѣ „въ острогѣ для колодниковъ изба длиною и шириною по 4 сажнѣ 3 аршинныхъ“. Къ этой избѣ подѣланы сѣни длиною 7 аршинъ, а шириною 4 сажня [3]). Въ Стародубѣ въ острогѣ двѣ связи одна съ избой для колодниковъ, другая внѣ острога для караульни [4]). Въ г. Козельцѣ въ 1798 году законченъ капитальный ремонтъ полуразрушеннаго острога и двухъ

---

[1]) Арх. дѣло № 28—1797 г. строит. и дорожн. комиссіи.

[2]) Арх. дѣло № 28—1797 г. строит. и дорожн. комиссіи.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Тамъ-же.

избъ въ немъ. Изъ выполненной смѣты видно, что внутри острога выстроены вновь изъ стараго матеріала съ добавленіемъ новаго въ одной связи двѣ избы подъ одной крышей, покрытой дранью „окошекъ два въ обѣихъ избахъ по одному величиною въ три четверти аршина“ съ желѣзными рѣшетками: „въ двохъ избахъ по печи“. Изъ смѣты „о нужныхъ на исправленіе для содержанія колодниковъ тюремной связи матеріаловъ и на все то суммъ“ въ г. Кременчугѣ въ 1797 году видно, что тюремная связь (строеніе) состояла изъ двухъ избъ и сѣней подъ одной крышей [1]). Въ Новгородсѣверскѣ тюремное зданіе состояло изъ одной связи съ избой и сѣнями.

Во всѣхъ смѣтахъ за работу значится „за издѣлку острога и двухъ избъ съ сѣнями“.

Караульная для солдатъ всегда представляла изъ себя отдѣльную связь (строеніе), состоящую изъ одной избы съ сѣнями, расположенную внѣ острога противъ входныхъ воротъ въ острогѣ.

Караульная при острогѣ съ сѣнями строилась обыкновенно длиною и шириною 7 аршинъ, при одной двери и одномъ окнѣ съ крыльцемъ, одной печкой, подъ крышей изъ драни подъ гвоздь. Приведенныя выше данныя устанавливаютъ, что ко времени учрежденія о губерніяхъ 1775 г. мѣста заключенія преступниковъ въ провинціи хотя и были въ ветхомъ и полуразрушенномъ состояніи, но типъ ихъ былъ одинаковъ повсюду.

Тюрьма представлялась въ слѣдующемъ видѣ: Острогъ (деревянная ограда) состоялъ изъ двойного ряда заостренныхъ вверху свай, изъ которыхъ внутренній рядъ вкапывался въ землю глубже наружнаго и былъ ниже послѣдняго. Внутри острога располагалось тюремное строеніе, состоявшее изъ одной или двухъ избъ (комнатъ) съ сѣнями, составлявшихъ одну связь (строеніе) подъ одной крышей, покрытой дранью подъ деревянный или желѣзный гвоздь съ небольшими окнами съ рѣшетками или безъ нихъ и съ крылечкомъ у входа и навѣсомъ надъ нимъ Острогъ имѣлъ одинъ входъ, а внѣ острога у воротъ стояла караульня для

---

[1]) Арх. дѣло № 28—1797 г. строит. и дорожн. комиссіи.

солдатъ, состоявшая изъ одной избы съ сѣнцами. Въ большихъ пунктахъ острогъ былъ больше, въ малыхъ городахъ меньше. Въ большомъ острогѣ внутри было нѣсколько строеній съ отдѣльными избами. Въ малыхъ городахъ обыкновенно было одно строеніе о двухъ или одной избѣ.

Типъ тюремной постройки, который застастъ реформа Екатерины II — это типъ стараго русскаго острога, сложившійся задолго до времени его описанія современниками реформъ.

Козелецкій острогъ и такой же острогъ въ г. Глуховѣ, сваи которыхъ къ 1797 году совершенно погнили, а также развалины Черниговскаго острога указываютъ на несомнѣнную древность этихъ построекъ.

Если допустить, что типичный бревенчатый Козелецкій острогъ, представлявшій руину ко времени учрежденія о губерніяхъ, простоялъ съ его дубовыми сваями около 100 лѣтъ, то время его постройки уже падаетъ на XVII столѣтіе, а это вполнѣ вѣроятное предположеніе приближаетъ насъ къ возстановленію исторіи провинціальныхъ тюремъ въ Россіи въ ту глубокую старину, которая дала лишь неясныя свѣдѣнія о большихъ Московскихъ тюрьмахъ XVII столѣтія и отрывочныя данныя о Бѣлозерской, Муромской и Устюжской тюрьмахъ, описаніе которыхъ приводитъ профессоръ Сергѣевскій въ своихъ изслѣдованіяхъ объ исторіи русской тюрьмы [1]).

Если вникнуть въ приводимое проф. Сергѣевскимъ краткое описаніе этихъ тюремъ, то станетъ яснымъ, что даже эти неполныя свѣдѣнія устанавливаютъ тождество съ описанными нами тюрьмами.

Наиболѣе подробно приводится устройство тюрьмы въ Бѣлозерскѣ въ 1682 г. Тюремный дворъ огражденъ стоячимъ бревенчатымъ тыномъ, двѣ стѣны котораго имѣютъ по 12 саж. длиною и двѣ по 9 саж. слѣдовательно весь дворъ имѣетъ въ окружности 42 саж. и занимаетъ площадь въ 108 кв. сажень. Тынъ врытъ въ землю на три аршина и укрѣпленъ въ землю заложенными

---

[1]) Н. С. Сергѣевскій. Уголовное право, часть общая стр. 178.

туда бревнами. Въ тыну двери и „притюремникъ“ съ дверями же, крытый; этотъ „притюремникъ“ устроенъ, какъ и тынъ изъ стоячихъ, врытыхъ въ землю, бревенъ. Внутри двора двухъ-этажная „изба“ четырехъ сажень длиною и трехъ съ половиною въ ширину. Около избы идетъ малый, внутренній тынъ, врытый въ землю на 3 аршина.

Въ городѣ Шуѣ въ 1674 году велѣно построить тюремный тынъ „четыре стѣны по восьми сажени“, слѣдовательно площадь двора имѣла 64 кв. сажени и 32 сажени въ окружности.

Въ Муромѣ, по описи 1687 г., значится подъ тюремнымъ дворомъ площадь около 58 кв саж. и 31 саж. въ окружности.

Въ Устюгѣ построены въ 1654 г., на триста пятьдесятъ арестантовъ, два тюремныхъ двора по 217 кв. саж. слишкомъ и въ окружности по 60½ саж. Поставлено въ нихъ четыре избы по четыре сажени, да двѣ караульни.

По заключенію профессора Сергѣевскаго архитектура такихъ тюремъ была весьма не сложна: пространство, огороженное стоячимъ тыномъ, составляло такъ называемый „тюремный дворъ“, въ этомъ дворѣ, смотря по надобности, ставилась одна или нѣсколько избъ. Каждая изба ограждалъсь особо малымъ тыномъ или частоколомъ. Въ Московскомъ тюремномъ дворѣ такихъ избъ было восемь, каждая подъ своимъ названіемъ: опальная, барышкина, заводная, холопья, сибирка, разбойная, татарка и женская. Въ другихъ мѣстахъ упоминаются: одна, двѣ, четыре. Избы эти по общему правилу были одноэтажныя; въ нѣкоторыхъ городахъ строились двухъ-этажныя.

Если принять нашу терминологію и считать установленнымъ, что избою называлось не отдѣльное строеніе, въ современномъ значеніи этого слова, а лишь отдѣльнымъ помѣщеніемъ (комнатой), то тождество устройства этихъ тюремъ съ описанными нами не можетъ подлежать сомнѣнію.

Само собою разумѣется, что, если избою называлась комната, находившаяся въ общей связи съ другими, то изба не могла быть окружена особымъ малымъ тыномъ. Вполнѣ, конечно, возможно, что въ Московскихъ большихъ тюрьмахъ, въ которыхъ было 8 избъ, каждая изба помѣщалась въ отдѣльномъ строеніи и потому

можно допустить, что въ тюремномъ дворѣ было восемь отдѣльныхъ строеній, но могло быть и такъ, что въ Московскомъ тюремномъ дворѣ было не 8 отдѣльныхъ строеній, а 8 комнатъ, распредѣленныхъ, можетъ быть, въ двухъ-трехъ-четырехъ отдѣльныхъ строеніяхъ.

Понятіе „изба“ несомнѣнно соотвѣтствовало въ прежнее время понятію отдѣльной комнаты. Чаще всего тюрьма въ небольшихъ пунктахъ состояла изъ одной избы съ сѣнцами, окруженной тыномъ-острогомъ. Въ этомъ случаѣ понятіе „изба“ совпадало съ понятіемъ отдѣльнаго строенія. Въ болѣе крупныхъ пунктахъ тюремное строеніе въ острогѣ имѣло двѣ избы — одна противъ другой, съ сѣнцами между ними, а въ большихъ тюрьмахъ было и по нѣсколько зданій съ избами для различныхъ категорій заключенныхъ.

Отсюда ясно, что изба не могла ограждаться особымъ малымъ тыномъ. Указаніе на существованіе большого и малаго тына, изъ которыхъ первый окружалъ тюремный дворъ въ его окружности, а второй ставился вокругъ каждой избы, несомнѣнно должно быть истолковано въ томъ смыслѣ, что малымъ тыномъ назывался второй рядъ свай или бревенъ, вкопанныхъ въ землю глубже перваго ряда.

Если принять эту поправку, то станетъ очевиднымъ, что описанныя тюрьмы по своему устройству совершенно тождественны съ устройствомъ остроговъ въ Козельцѣ, Глуховѣ, Нѣжинѣ и другихъ городахъ Черниговской и Полтавской губерній.

Доказательствомъ тому служитъ еще и то обстоятельство, что такія старыя тюрьмы, какъ Глуховская и Козелецкая, представлявшія руины ко времени учрежденія о губерніяхъ, должны были простоять не менѣе 50-60 лѣтъ если не всѣ 100 лѣтъ, слѣдовательно постройка ихъ должна быть отнесена если не къ концу XVII, то не позже начала XVIII столѣтія. Если въ г. Шуѣ тюремный тынъ поставленъ въ 1674 году, если въ Бѣлозерскѣ тюрьма устроена въ 1682 году, если описаніе Устюжской тюрьмы, построенной въ 1654 году, указываютъ на полное сходство этихъ тюремъ съ Глуховскимъ, Козелецкимъ и Черниговскимъ острогами, выстроенными позже лишь на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а

можетъ быть и одновременно, то нужно признать, что типъ острога, который застаетъ реформа Екатерины Великой, тотъ же самый, что былъ въ Шуѣ, Бѣлозерскѣ и Устюгѣ въ XVII столѣтіи. И это вполнѣ понятно. Тюрьма-острогъ имѣла своимъ прототипомъ русскую крѣпость, т. е. мѣсто обороны военными силами, огражденное тыномъ или частоколомъ, какъ это показано здѣсь на старинныхъ чертежахъ города Пелыма и Якутска въ концѣ XVII вѣка [1]).

Черт. 2. Городъ Пелымъ на Тавдѣ
(по «Чертежной книгѣ Сибири» Семена Ремезова, 1701 года).

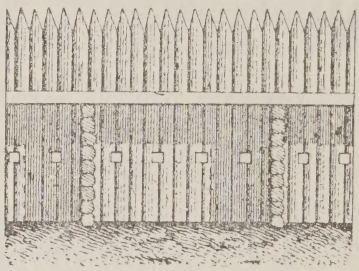
[1]) Чертежи эти помѣщены здѣсь съ разрѣшенія Императорской Археологической Комиссіи, любезно предоставившей мнѣ право воспользоваться иллюстраціями, помѣщенными въ изданномъ комиссіею въ 1907 году изслѣдованіи Н. В. Султанова «Остатки Якутскаго острога и нѣкоторые другіе памятники деревяннаго зодчества въ Сибири».

Черт. 3. г. Якутскъ въ самомъ концѣ XVII вѣка
(по Семену Ремезову).

Изслѣдованія Н. В. Султанова, которыми мы воспользовались для выясненія характера устройства военнаго острога, какъ крѣпости, чтобы установить тождество принциповъ въ устройствѣ острога-крѣпости и острога-тюрьмы, даютъ основаніе утверждать, что тюремный острогъ, появившійся въ жизни русскаго народа значительно позже военнаго острога, устроенъ по типу острога-крѣпости въ простѣйшей его формѣ съ перенесеніемъ принципа устройства двухъ оградъ — одна въ другой и караульней для солдатъ внѣ острога, какъ внѣшней охраны мѣста заключенія.

Древняя деревянная крѣпостная стѣна съ давнихъ временъ носила названіе „острогъ“, обобщая этимъ названіемъ и самую

крѣпость и городъ, окруженные частоколомъ. Въ простѣйшей своей формѣ крѣпостной острогъ представлялъ изъ себя только замкнутую ограду, изъ тына или частокола въ такомъ видѣ, какъ изображена здѣсь тыновая ограда [1]), т. е. острогомъ называлась внѣшняя ограда, состоявшая изъ отвѣсно вкопанныхъ въ землю свай, заостренныхъ сверху (стоячій острогъ). Дальнѣйшее развитіе этой формы состояло въ томъ, что тыновая ограда усиливалась башнями (чертежъ гор. Пелымъ), сохраняя прежнее свое названіе „острогъ“. Затѣмъ для лучшей обороны частоколъ замѣнялся рубленной стѣной и острогъ превращался въ „городъ“.



Черт. 4. Тыновая ограда съ внутренней стороны (по Ласковскому).

Самый сильный способъ укрѣпленія признавался тотъ, когда „городъ“ соединялся съ „острогомъ“, при чемъ въ первомъ располагались наиболѣе важныя зданія съ воеводскимъ управленіемъ и военными силами, а второй окружалъ „посадъ“, т. е. обыкновенные обывательскіе дома, примыкавшіе къ городу, или охватывалъ всю крѣпость, образуя двойное кольцо [2]).

По другому опредѣленію острогъ съ половины XII вѣка представлялъ укрѣпленное мѣсто, обнесенное оградой, состоявшей изъ тына, отвѣсно вкопаннаго и сверху заостреннаго (стоячій острогъ), тына наклонно вкопаннаго (косой острогъ) и такъ называемыхъ тарасъ (рубленныхъ стѣнъ), устраиваемыхъ для прикрытія стѣнъ и воротъ. Деревянная ограда для острога помѣщалась на мѣстномъ горизонтѣ, или на вершинѣ небольшого зем-

---

[1]) Н. В. Султановъ. Остатки Якутскаго острога стр. 99.

[2]) Н. В. Султановъ. Остатки Якутскаго острога стр. 70-73.

ляного вала (острожнаго) и была окружена съ наружной стороны рвомъ. Остроги большею частью имѣли фигуры четырехугольника, а по угламъ его стояли башни; сообщеніе съ полемъ устраивалось черезъ проѣзжія башни на срединѣ одной изъ сторонъ острога [1]).

Весьма обстоятельное описаніе устройства военной крѣпости въ старину имѣется въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича 11 мая 1649 года Хотьмыжскому воеводѣ Арсеньеву — о постройкѣ на Хотьмыжскѣ земляного города съ башнями [2]). „. . . . . и какъ къ тебѣ сія наша грамота придетъ, и ты бъ съ Хотьмыжскими служилыми и съ жилецкими всякихъ чиновъ людьми помысля, сдѣлалъ на Хотьмыжскомъ земляной городъ, близко земляному валу, а входъ въ башни учинить съ земляного города сверху, чтобъ по земляному валу опричъ воротъ, никакова полова мѣста не было. А будетъ за большою за какою нужею, или для утѣсненія земляного дѣла сдѣлать не мочно, и ты бъ на Хотьмыжскомъ устроилъ острогъ деревянной съ тарасы и съ облами, а башни рубленныя и бои на острогу и по башнямъ верхніе и поземные учинилъ, и катки по острогу велѣлъ покласть и ровъ около острогу велѣлъ выкопать и всякими крѣпостями острогъ укрѣпить какъ въ приходъ воинскихъ людей и въ осадное время быти бестрашно и надежно. А дѣлалъ бы еси острогъ и всякой крѣпости Хотьмышаны всякихъ чиновъ людьми, межъ пашеннаго время, чтобъ острогъ со всякими крѣпостями устроить, а хотьмышаномъ бы пашенъ не отбыть, а башни по острогу устроить не частые. А какъ на Хотьмыжскомъ острогѣ со всѣми крѣпостями устроить, а какимъ образцомъ, и каковъ тотъ острогъ и башни въ вышину, и каковы башни мѣрою, и сколько межъ башенъ острожныя стѣны, и на колькихъ саженяхъ около острогу рву выкопаютъ, и каковъ тотъ ровъ въ глубину и въ ширину: и тыбъ по все велѣлъ написать въ книги подлинно, да о томъ къ намъ отписать“.

Для тюрьмы-острога эти сложныя приспособленія обороны

---

[1]) Леер. Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ т. V стр. 504.

[2]) П. С. З. 1649 ст. 36.

были излишни. Важно было создать укрѣпленное мѣсто для содержанія подъ стражей заключенныхъ и укрѣпить его отъ побѣговъ и насилій противъ стражи, т. е примѣнить принципъ обратный оборонѣ—осаднаго положенія, столь извѣстнаго въ крѣпостномъ дѣлѣ, когда за стѣной острога выдерживались въ заключеніи жители, лишенные возможности выйти изъ укрѣпленнаго мѣста.

Этотъ принципъ примѣнялся и въ самой крѣпости. Изъ приводимаго Н. В. Султановымъ росписному списку Якутскаго острога 1759 года видно, что по списку зданій въ Якутской крѣпости были: „Возлѣ оной башни караулка..... да сдѣланная въ бытность воеводы полковника Жеребятникова тюремныхъ 2 избы съ перерубами, въ нихъ 4 печи, кругомъ ихъ стоячій новой острогъ“ [1]).

Войти въ тюремный острогъ или выйти изъ него иначе какъ черезъ ворота, охраняемыя карауломъ снаружи не было возможности и цѣль была достигнута.

Названіе тюрьмы „острогомъ“ происхожденія позднѣйшаго и присвоено главнымъ образомъ провинціальнымъ тюрьмамъ. Въ исторіи нашего законодательства первоначально мѣста заключенія преступниковъ носили названіе „тюрьма“, если не считать широко примѣнявшагося въ старое время заточенія въ монастыри и еще болѣе древнихъ указаній княжескаго періода на „заключенія въ порубы и погреба“, которые служили не мѣстомъ наказанія, а мѣстомъ лишенія свободы до наказанія.

Считается установленнымъ, что впервые тюрьма, какъ наказаніе, упоминается въ судебникѣ Іоанна IV—1550 г. Затѣмъ въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича—1649 г. тюрьма встрѣчается уже болѣе, чѣмъ въ 40 случаяхъ какъ самостоятельное наказаніе.

Закрѣпляя такимъ образомъ намѣченную въ судебникѣ 1550 г. юридическую природу наказанія тюрьмою, уложеніе 1849 г. развиваетъ эту новую форму наказанія, признавая принудительное лишеніе свободы актомъ возмездія за совершенное преступное

---

[1]) Н. В. Султановъ. Остатки Якутскаго острога стр. 105.

дѣяніе. Установленіе новаго вида наказанія потребовало, конечно, и разъясненій законодателя о повсемѣстномъ примѣненіи его, и въ этомъ отношеніи уложеніе не упустило дать надлежащія указанія. создавшія естественнымъ путемъ первую организацію постановки тюремнаго дѣла.

Заканчивая перечень преступленій, караемыхъ тюрьмой, уложеніе отводитъ мѣсто вопросу объ устройствѣ и содержаніи тюремъ и порядкѣ надзора за ними: „А тюрьмы на Москвѣ строить изъ Разбойнаго приказу Государевою казною. А въ цѣловальникахъ [1]) и въ сторожахъ у Московскихъ тюремъ быти Московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ тяглымъ людемъ изъ подмоги, а на подмогу деньги тѣмъ цѣловальникомъ и сторожемъ имать съ тѣхъ же сотенъ и слободъ по годомъ, и выборы на нихъ имати у сотенныхъ людей за ихъ руками. А въ палачи на Москвѣ прибирати изъ вольныхъ людей, и быть имъ въ палачахъ съ поруками; а Государево имъ жалованье давать изъ Государевы казны изъ разбойнаго приказу.

А въ городѣхъ тюрьмы строити и цѣловальниковъ и подъячихъ, и тюремныхъ сторожей и палачей выбирать съ посадовъ и съ уѣздовъ съ сохъ, съ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей и со всякихъ сошныхъ людей. . . . . ; а быти тѣмъ цѣловальникомъ и сторожемъ съ подмогою же; а подмогу тѣмъ цѣловальникомъ и сторожемъ и въ губныя избы на всякіе расходы сбирати деньги съ тѣхъ же съ посадскихъ и сошныхъ людей, по ихъ договору [2]) . . . . . “.

Указъ царя Алексѣя Михайловича 23 іюля 1649 г., [3]) отмѣнившій присылку изъ городовъ колодниковъ въ Разбойный приказъ по многолюдству Московскихъ тюремныхъ сидѣльцевъ съ приказаніемъ оставлять ихъ на мѣстахъ, а въ приказъ направлять лишь дѣла на нихъ, указываетъ на то, что Московскія тюрьмы ко времени уложенія существовали уже долгое время и включали

---

[1]) Губные старосты и цѣловальники въ царскій періодъ—представители общины, естественные органы полиціи, находившіеся подъ вѣдѣніемъ разбойнаго приказа.

[2]) П. С. З. 1649. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича гл. XXI о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ ст. 94, 95, 96 и 97.

[3]) П. С. З. 1649—ст. 527.

въ свои стѣны не только мѣстныхъ обывателей, но и преступниковъ всего московскаго государства. Уложеніе лишь закрѣпляетъ учрежденіе Московскихъ тюремъ и принимаетъ содержаніе ихъ на государеву казну. Ко времени уложенія Алексѣя Михайловича при Московскихъ приказахъ были тюрьмы, каждая подъ своимъ наименованіемъ: Опальная, Барышкина, Заводная, Холопья, Сибирка, Разбойная, Татарка и Женская. Упоминается еще особая бражная тюрьма, въ которую заключались лица, задержанныя въ пьяномъ видѣ. Нужно полагать, что каждая изъ нихъ представляла изъ себя отдѣльную тюрьму, состоявшую въ вѣдѣніи соотвѣтствующаго приказа или боярина, поставленнаго во главѣ приказа. На это указываетъ и названіе ихъ по наименованію приказа (холопій, разбойный, барышкина) и самое указаніе въ уложеніи на Московскія тюрьмы, а не на Московскую тюрьму.

Иное положеніе было въ провинціи.

Если до уложенія 1649 г. провинція обходилась своими средствами, сплавляя въ тюрьмы разбойнаго приказа, а въ иныхъ случаяхъ и въ монастыри, весь преступный элементъ, то съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго уложенія и отмѣною отправки колодниковъ въ Москву, мѣстныя власти должны были примѣниться къ требованіямъ новаго уголовнаго кодекса, расширяя и приспособляя помѣщенія при губныхъ избахъ, гдѣ временно содержались преступники до отправки ихъ въ приказъ.

И это предусмотрѣно уложеніемъ въ видѣ указанія на необходимость повсемѣстнаго устройства тюремъ: „А въ городѣхъ тюрьмы строити“. Это общее указаніе, давшее въ послѣдующихъ статьяхъ уложенія организацію новаго дѣла, ясно указывало какъ должна быть осуществлена мысль законодателя на мѣстахъ: „въ городѣхъ тюрьмы вѣдаютъ губные старосты, и губнымъ старостамъ доведется тюрьмы и тюремныхъ сидѣльцевъ осматривать почасту, чтобы тюрьмы были крѣпки, и у тюремныхъ бы сидѣльцевъ въ тюрьмахъ ничего не было, чѣмъ имъ изъ тюрьмы вырѣзаться“. Въ этой же статьѣ предусмотрѣна и отвѣтственность тюремныхъ цѣловальниковъ и сторожей за побѣгъ арестантовъ: „А которые разбойники, подрѣзавъ тюрьмы въ городѣхъ, утекутъ, а тюремные цѣловальники и сторожи про тѣхъ утеклицовъ

съ пытокъ учнутъ говорить, что тюрьмы разбѣжались не ихъ хитростью, а исцы учнуть на нихъ бить челомъ о вытяхъ, и чтобы выти велѣти за нихъ правити на тѣхъ людяхъ, кто тѣхъ губныхъ цѣловальниковъ и сторожей выбиралъ [1]) . . . . .“

Такимъ образомъ оставалось лишь осуществить велѣніе закона въ области тюремнаго строительства: „А въ городѣхъ тюрьмы строити“....

„Укрѣпить избу“ для заключенія въ тюрьму преступника было не трудно. Готовая идея укрѣпленія города „острогомъ“ была быстро схвачена національнымъ плотникомъ-строителемъ, создавшимъ тюрьму—острогъ по типу крѣпости-острога.

Поставленный въ тюрьмѣ „острогъ“ закрѣпилъ въ представленіи самобытнаго русскаго человѣка это названіе, освободившее его отъ необходимости воспринять иноземное слово „тюрьма“, происхожденіе котораго обыкновенно приписываютъ нѣмецкому слову Thurm—башня.

Такимъ образомъ одновременно и параллельно съ наименованіемъ въ законѣ мѣста наказанія „тюрьмою“ русская жизнь выдвигаетъ терминъ „острогъ“, установившійся вѣками въ представленіи русскаго человѣка, привыкшаго обобщать этимъ названіемъ всякое строеніе, обнесенное вокругъ стоячимъ, заостреннымъ тыномъ.

Терминологія нашего законодательства долго не признавала за тюрьмою этого національнаго русскаго названія „острога“ и лишь много времени спустя сначала въ отдѣльныхъ указахъ, а затѣмъ въ законоположеніяхъ тюрьма-острогъ вводится въ законъ, какъ опредѣленное представленіе о провинціальной тюрьмѣ.

Одновременно съ существованіемъ тюрьмы-острога, какъ укрѣпленнаго оградой мѣста, посреди котораго помѣщалось тюремное строеніе, весьма распространеннымъ типомъ мѣста заключенія ко времени учрежденія губерній была „колодничья изба“ или, какъ она называлась въ иныхъ случаяхъ, „колодничья тюрьма“, или просто „тюрьма“.

---

[1]) П. С. З. 1649 г. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича гл. XXI ст, 101.

Колодничья изба устраивалась въ силу необходимости держать въ заключеніи колодниковъ въ той мѣстности, гдѣ не было тюрьмы-острога. Колодничья должна напоминать нынѣшнія арестантскія при полиціи съ той только разницей, что при каждой такой избѣ должна была быть другая изба для штатной команды караула при ней. Колодничья изба вполнѣ замѣняла собою „острогъ“ и вмѣщала въ себѣ лицъ, осужденныхъ за преступленія, пересыльныхъ и арестантовъ другихъ разрядовъ.

Первый признакъ такого строенія — это отсутствіе острога, какъ ограды вокругъ тюрьмы. Колодничья изба представляла изъ себя тюремное строеніе безъ острога.

Сообщая въ 1797 году о тѣснотѣ Гадецкой, Полтавской губерніи, тюрьмы, городничій коллежскій ассесоръ Грановскій запрашиваетъ Малороссійскую казенную палату „не повелѣно ль будетъ оной тюрьмы обнести острогомъ, а для случающихся нерѣдко въ преступленіяхъ дворянъ и неважныхъ колодниковъ особую избу внутри острога выстроить“ [1]).

Колодничья изба устраивалась и тамъ, гдѣ по случаю полной ветхости или сгорѣнія острога необходимо было гдѣ-либо помѣстить колодниковъ. Въ г. Козельцѣ въ 1791 году, по ветхости острога, арестанты были переведены въ колодничью избу при присутственномъ дворцѣ. Въ Стародубѣ по случаю сгорѣнія въ 1797 году острога арестанты были помѣщены въ колодничью при городничествѣ.

Съ открытіемъ новыхъ уѣздовъ и расширеніемъ прежнихъ колодничьи избы въ большинствѣ уѣздныхъ городовъ, гдѣ не было „острога“ помѣщались при городничествѣ и находились въ одномъ помѣщеніи съ присутственными мѣстами. Въ уѣздномъ городѣ Золотоношѣ, Полтавской губерніи, въ 1797 году городничество, повѣтовое казначейство, а при нихъ „штатной команды караульня и двѣ избы для содержанія преступниковъ“ составляли одну связь. Въ г. Конотопѣ въ 1797 году городничій сообщаетъ „что острога въ Конотопѣ нѣтъ, а имѣется при городничествѣ

---

[1]) Арх. дѣло № 28—1797 г. строит. и дорожн. ком. стр. 5.

тюрьма, которая 1793 г. на мѣсто обветшалой вновь сдѣлана и теперь подчиненія еще не требуетъ".

Въ Зѣньковѣ, Полтавской губерніи, острога особаго какъ въ другихъ городахъ не было „а содержатся колодники въ томъ корпусѣ, гдѣ нижній земскій судъ, въ прежде бывшей Зѣньковской ратуши прихожей комнатѣ, но оная крайне тѣсна, черезъ что дѣлается колодникамъ угнетеніе".

Въ Лубнахъ, Полтавской губерніи, городничество, казначейство, и колодничья изба съ караульней помѣщались въ одномъ корпусѣ.

Въ г. Прилукахъ, Полтавской губерніи, въ 1798 голу „не только острога, но ниже нарочитой тюрьмы со времени сгорѣнія бывшихъ здѣсь въ прежнихъ годахъ не имѣется, содержатся колодники въ одной состоящей при городническомъ управленіи караульной избѣ для штатной команды".

Въ Мглинѣ, Черниговской губерніи, острога не было, а была „колодничья изба" [1]).

Въ отношеніи размѣра такихъ избъ имѣются положительныя данныя, указывающія на крайнюю тѣсноту помѣщеній.

По сообщенію Гадецкаго, Полтавской губерніи, городничаго въ 1797 году „за открытіемъ повѣта по многолюдству онаго и по немалому числу почти всякій день пересылочныхъ столько арестантовъ умножилось, что въ находящемся въ вѣдомствѣ его городской тюрьмѣ, которая имѣетъ пространство въ длину только два сажня и одинъ съ половиною аршинъ, а въ ширь четыре сажня да печь четвертую почти часть занимаетъ вмѣщать въ оныхъ вовсе нѣтъ средства тѣмъ болѣе, что по наступившимъ нынѣшнимъ чрезвычайнымъ жарамъ отъ стѣсненія множества людей въ вышеозначенной одной небольшой тюремной избѣ хотя въ оной окошки вынуты и днемъ дверь открыта бываетъ столь воздухъ ядовитъ и вреденъ, что люди немалымъ числомъ впадаютъ въ болѣзни, коихъ онъ городничій хотя съ опасностью

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія разбросаны въ отдѣльныхъ сообщеніяхъ, хранящихся въ подлинныхъ документахъ архивнаго дѣла № 28—1797 г. строит. и дорожн. комиссіи, весьма легко отыскиваемыхъ, почему здѣсь и не сдѣланы ссылки на документы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

и съ отягощеніемъ въ прикомандированіемъ отъ городскихъ обывателей караульныхъ для спасенія жизни ихъ, а при томъ дабы и здоровые отъ нихъ не столько заражались, принужденъ онъ позволять по днямъ на открытомъ воздухѣ безъ всякой ограды выпущать и на ономъ до ночи ихъ караулить“ [1]).

Иногда колодничья изба отдѣлялась отъ прочихъ смежныхъ помѣщеній особою огорожею. Огорожа ставилась изъ бревенъ, пластинъ или „деревъ сосновыхъ“. Въ такихъ случаяхъ при колодничьей избѣ получался особый тюремный дворъ съ отдѣльнымъ входомъ въ колодничью избу. Такая огорожа никогда не называлась „острогомъ“, а носила названіе или просто „огорожи“ или „полисадника“. Такъ, Зѣньковскій, Полтавской губерніи, городничій, указывая на тѣсноту въ колодничьей избѣ, проектируетъ въ представленной имъ въ 1798 году смѣтѣ сдѣлать „полисадникъ въ 44 аршина изъ новаго дерева длиною въ одинъ трехаршинный сажень, толщиною въ шесть вершковъ“.

„Полисадомъ“ называлась также составная часть „острога“. Если шла рѣчь о починкѣ острога, то говорилось о необходимости починить „часть полисада острожнаго“. При починкѣ Стародубскаго острога въ 1797 г. на мѣсто сгнившихъ полисадинъ тамошняго острога сдѣланы новыя полисадины, при чемъ тогда же былъ возбужденъ вопросъ объ осадкѣ острога въ землю на одинъ аршинъ. По смѣтѣ значится: „для опущенія на одинъ аршинъ полисада всего острога, котораго въ длину 18, въ ширину 16 сажней полагается рабочихъ . . . . “. При исправленіи Глуховскаго острога старый верхній полисадникъ острога за отрубомъ сгнившей части употребленъ въ нижній полисадникъ [2]).

Въ Новгородсѣверскѣ въ 1797 году исправлена „часть острожнаго полисада“. Въ Глуховѣ „полисадины острога пришли въ ветхость и связь внутри острога, а также связь внѣ острога, гдѣ караульная изба“.

При открытіи уѣзднаго города Новозыбкова (уѣздный городъ Новозыбковъ открытъ 12 мая 1809 года) вновь назначенный

---

[1]) Арх. д. № 28—1797 г. строит. и дорожн. комис. стр. 5.

[2]) Арх. дѣло № 28—1797 г. строит. и дорожн. комиссіи, стр. 96 и 85.

полиціймейстеръ рапортуетъ губернатору барону Френсдорфу, что острога въ немъ не засталъ, а имѣется лишь, острожная изба, въ которой въ числѣ 40 арестантовъ содержится 12 преступниковъ весьма важныхъ. Изба эта составлена изъ самаго обыкновеннаго дерева, употребляющагося для мужичьихъ хатъ и находится въ совершенной ветхости, ничѣмъ не укрѣпленная, а „содержащіеся арестанты по важнымъ преступленіямъ свойство коихъ ло здѣшнимъ мѣстамъ отличается противъ прочихъ городовъ, требуетъ сильнаго укрѣпленія, ибо покушеніе ихъ къ побѣгамъ, кои были до сего времени отвращаемы, отнимаютъ черезъ непостройку въ городѣ острога всякое обезпеченіе нынѣ въ побѣгѣ оныхъ. Укрѣпить же оной и обнесть вокругъ для безопасности столбами по причинѣ лежащей близъ самой острожной избы сосѣдней земли, на присоединеніе которой хозяинъ оной не соглашается“ онъ не находитъ возможнымъ. Сверхъ того неблагонадежность военно-служителей обезсилившихъ старостью и долговременнымъ служеніемъ не могутъ впредь обезопасить присмотра за арестантами [1]).

Въ виду такого положенія и недостаточности средствъ предполагалось первоначально построить деревянные корпусы для арестантовъ и караульни съ временной плетневой „огорожею“ на 44 погонной сажень.

Тяжелыя условія заключенія въ колодничьихъ избахъ видны изъ сообщенія тѣхъ же мѣстныхъ властей.

Прилукскій городничій доноситъ въ 1798 году, что за неимѣніемъ острога помѣщеніе арестантовъ въ одной избѣ при городничествѣ представляетъ опасность и величайшее неудобство „такъ что не только колодниковъ по важнымъ дѣламъ содержащихся и изъ разныхъ мѣстъ подлежащихъ на Прилуку семи главнымъ трактамъ ежедневно пересылаемыхъ, но ниже больныхъ отъ здоровыхъ отдѣлить негдѣ и по причинѣ стѣсненія въ одной избѣ поелику ежечасно случается въ содержаніи отъ 30 до 60 человѣкъ часто временно ввергается въ болѣзни и нерѣдко умираетъ“ [2]).

---

[1]) Арх. дѣло № 467—1812 г. строит. и дорожн. комиссіи.

[2]) Арх. д. № 28—1797 г. строит. и дорожн. комис. стр. 126.

Конотопскій городничій 3 декабря 1797 года сообщаетъ въ Малороссійскую казенную палату, что выстроенная въ 1793 году при городничествѣ колодничья изба починки не требуетъ, но „что оная на случай умноженія колодниковъ тѣсна и между присутственными мѣстами оной быть не удобно ибо по тѣснотѣ мѣста за умноженіемъ отъ колодниковъ нечистоты нерѣдко особливо въ лѣтнее время приключаются имъ болѣзни; да и проѣзжающимъ и проходящимъ мимо онучъ людямъ есть не безвредно то не повелѣно ль будетъ вновь на особомъ отдаленномъ мѣстѣ сдѣлать для содержанія острогъ и въ какую пространствомъ мѣру“ [1]).

Прилукскій городничій отношеніемъ отъ 25 ноября 1797 года сообщаетъ, что по случаю сгорѣнія здѣшняго острога въ прежнихъ годахъ содержатся колодники въ одной состоящей при городничествѣ избѣ и „поелику кромѣ сего содержаніе колодниковъ въ той избѣ за неимѣніемъ острога опасно, и по умноженію ихъ за учрежденіемъ повѣта крайне неудобно, ибо всегда содержится до 30, а ежечасно случается и до 60 человѣкъ и отъ стѣсненія въ одной избѣ по неимѣнію другой, чтобы различить больныхъ отъ здоровыхъ ввергаются въ болѣзни и нерѣдко умираютъ“ [2]).

Таково состояніе тюремъ и тюремнаго дѣла въ провинціи ко времени введенія въ дѣйствіе учрежденія о губерніяхъ 1775 года. Еще долгое время состояніе провинціальныхъ тюремъ находилось въ такомъ безотрадномъ положеніи, ставя мѣстныя власти въ крайне тяжелое положеніе въ отношеніи содержанія и окарауливанія все увеличивающагося количества тюремнаго населенія.

Ревизія графа Ивелича въ 1832 г. [3]) устанавливаетъ ветхость тюремныхъ строеній и тѣсноту помѣщеній, а въ Велижской тюрьмѣ арестанты содержались по неимѣнію особаго тю-

---

[1]) Арх. дѣло № 28—1797 г. строит. и дорожн. ком. стр. 65.

[2]) Арх. дѣло № 28—1797 г. строит. и дорожн. комиссіи стр. 55.

[3]) Тюрьмы на пути отъ Смоленска до С.-Петербурга въ 1832 г. Тюремн. Вѣстн. 1905 г. стр. 657.

ремнаго зданія въ нижнихъ этажахъ дома, занимаемаго присутственными мѣстами, отчего при многихъ выходахъ сего дома надзоръ за ними былъ затруднителенъ и обременялъ инвалидную команду. Для обезпеченія оной всѣ арестанты за исключеніемъ одного имѣли на ногахъ желѣза. Находя сіе отяготительнымъ для содержимыхъ, графъ Ивеличъ настоялъ, дабы желѣза оставались только на тѣхъ, коихъ назначено держать закованными по опредѣленію судебныхъ мѣстъ.

ЧАСТЬ II.

Періодъ тюремнаго строительства.

Убогое состояніе казенныхъ строеній присутственныхъ мѣстъ ко времени введенія въ дѣйствіе учрежденія о губерніяхъ и совершенное отсутствіе ихъ въ нѣкоторыхъ вновь открываемыхъ уѣздныхъ городахъ, ставило губернскую администрацію въ большое затрудненіе. Ежегодно увеличиваемыхъ суммъ на экстро-ординарные расходы по губерніи едва хватало на поддержаніе ветхихъ присутственныхъ мѣстъ и на постройку и починку „самонужнѣйшихъ“ зданій и сооруженій, какъ-то: кладовыхъ при казначействахъ, остроговъ, мостовъ, перевозовъ и т. д. Смѣтныя предположенія, составленныя на мѣстахъ по требованію государственнаго казначея, достигали громадной суммы, превышающей возможность ассигнованій. Постепенно вопросъ о постройкѣ и поддержаніи такихъ административныхъ учрежденій, какъ городничество и нижній земскій судъ, которыя могли быть размѣщены въ наемныхъ помѣщеніяхъ, отходятъ на второй планъ. Главную заботу составлялъ вопросъ о приведеніи въ надлежащее состояніе тѣхъ уѣздныхъ учрежденій, которыя не могли быть размѣщены въ наемныхъ помѣщеніяхъ, таковы: остроги и кладовыя при казначействахъ для храненія денежной казны.

Наконецъ именной Высочайшій указъ, 22 апрѣля 1800 года состоявшійся на Всеподданнѣйшемъ докладѣ Сената о необходимости ассигновать къ отпуску 168381 руб. 36 коп. на постройку вновь въ Малороссійской губерніи 9 денежныхъ кладовыхъ и 12 остроговъ, на которомъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему, зачтя въ ежегодный ремонтъ, который должно положить на всѣ остроги“ вызвалъ въ

исторіи тюремнаго дѣла весьма продолжительный періодъ тюремнаго строительства [1]).

Съ этого времени тюремный вопросъ выдѣляется совершенно отъ другихъ административныхъ вопросовъ провинціальной жизни, получая въ дальнѣйшемъ самостоятельное развитіе, давшее въ результатѣ основаніе къ выдѣленію тюремнаго дѣла въ отдѣльную отрасль государственнаго управленія. Правда, долгое время еще тюремное дѣло входило въ компетенцію мѣстнаго полицейскаго управленія, но по существу организаціи самаго дѣла и направленія его изъ центра государственной власти оно получаетъ вполнѣ опредѣленную тенденцію къ выдѣленію въ самостоятельную область управленія.

Характерной чертой этого новаго періода „тюремнаго строительства“ нужно признать централизацію тюремнаго дѣла. Не только вопросы о постройкѣ новыхъ остроговъ, но и о починкѣ старыхъ съ проектами смѣтъ, плановъ и фасадовъ восходили на разсмотрѣніе центральнаго управленія. Въ связи съ вопросами объ учрежденіи новыхъ уѣздныхъ городовъ и устройствѣ въ нихъ присутственныхъ мѣстъ всегда возникалъ вопросъ и тюремнаго строительства. Иниціатива исходила отъ органовъ мѣстнаго управленія. Проекты смѣтъ и плановъ составлялись на мѣстахъ и представлялись центральному правительству на утвержденіе.

Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ проекты на постройку новыхъ и передѣлку старыхъ остроговъ имѣли въ основѣ установившійся типъ „стараго острога“, расширяемаго лишь устройствомъ въ предѣлахъ тюремной ограды нѣсколькихъ отдѣльныхъ зданій или помѣщеній для разобщенія арестантовъ разныхъ категорій.

Изъ смѣтъ и проектовъ, составленныхъ въ іюлѣ 1800 года уже послѣ Высочайшаго указа 22 апрѣля видно, что по распоряженію губернской администраціи были выработаны два разряда остроговъ — одинъ для большихъ городовъ (Нѣжинъ, Кременчугъ, Полтава, Глуховъ и Стародубъ), другой для 14 меньшихъ городовъ.

---

[1]) Арх. дѣло № 66—1800 г. губ. строит. и дорожн. комиссіи стр. 1.

Для первыхъ смѣтою было исчислено на каждый 4977 руб. 20 коп., для вторыхъ на каждый 4313 руб. 10 коп. Смѣта была составлена для каждаго разряда остроговъ одна.

Смѣта „сколько потребно суммы на покупку разныхъ матеріаловъ и въ уплату рабочимъ людямъ на выстроеніе деревяннаго острога съ тюремными избами и караульнею на каменномъ фундаментѣ въ повѣтовыхъ малороссійской губерніи большихъ городахъ по прежектированному плану и фасаду“ [1]), устанавливаетъ, что техника строительнаго искусства на мѣстѣ не дала ничего новаго въ отношеніи построенія острога. Острогъ по смѣтѣ предполагалось строить на прежній ладъ „сосновыхъ колодъ длиною 12 аршинъ, толщиною 6 вершковъ для обнесенія стѣны кругомъ острога на первый рядъ 550 и сосновыхъ колодъ длиною 7 аршинъ, толщиною 6 вершковъ для обнесенія кругомъ острога во второй рядъ дабы первому ряду былъ укрѣпленіемъ 560“. Внутри острога корпусъ съ тюремными избами съ караульнею внѣ острога.

Для меньшихъ городовъ смѣтою устанавливался лишь меньшій размѣръ острога „для обнесенія стѣны кругомъ острога на первый рядъ установлено 500 палъ, а для второго 510“.

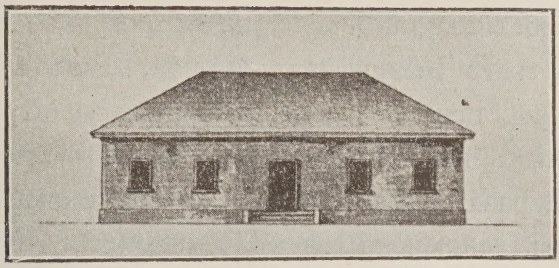
Единственное отступленіе отъ установившагося типа „стараго острога“ заключалось въ проектированіи кирпичнаго фундамента для жилыхъ корпусовъ.

По всей вѣроятности проекты эти были бы осуществлены и остроги выстроены, но затрудненіе государственнаго казначея ассигновать назначенную сумму пріостановило исполненіе Высочайшаго указа. Въ силу крайней необходимости было приступлено лишь къ постройкѣ такого острога въ губернскомъ городѣ Черниговѣ, а нѣсколько раньше возобновленъ полуразрушенный острогъ въ г. Козельцѣ, при чемъ уже тогда въ отношеніи постройки губернскаго острога было сдѣлано большое отступленіе отъ прежняго типа въ томъ отношеніи, что внутри острога были выстроены два деревянныхъ корпуса на каменномъ фундаментѣ, а третій корпусъ въ два этажа каменный. Караульня для

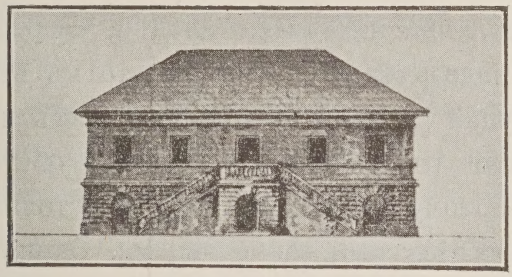
---

[1]) Арх. дѣло № 66—1800 г. губ. строит. и дорожн. комиссіи.

солдатъ внѣ острога осталась деревянная, но на каменномъ фундаментѣ.



Черт. № 5. Фасадъ двумъ деревяннымъ боковымъ корпусамъ внутри Черниговскаго острога, выстроеннымъ въ 1801 г. и показаннымъ на планѣ чертежа № 7.
(Снимокъ съ чертежа, хранящагося въ музеѣ Черниговской губернской ученой архивной коммиссіи подъ № 76).



Черт. № 6. Фасадъ каменному корпусу внутри Черниговскаго острога, построенному въ 1801 г. и показанному на планѣ чертежа № 7.
(Снимокъ съ чертежа, хранящагося въ музеѣ Черниговской губернской ученой архивной коммиссіи подъ № 76).

Вѣроятно долгое время длилась бы еще переписка мѣстныхъ властей о необходимости построенія остроговъ и не одна еще смѣта восходила бы на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената, если бы не энергія новаго малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. Б. Куракина, заставшаго при вступленіи въ должность въ февралѣ 1802 г. тюремныя помѣщенія въ уѣздныхъ городахъ въ полуразрушенномъ состояніи и содержаніе колодниковъ въ безотрадномъ положеніи.

Энергичная дѣятельность князя Куракина въ области тюремныхъ вопросовъ не могла остаться безъ вліянія на общей постановкѣ тюремнаго дѣла въ его дальнѣйшемъ развитіи, поэтому здѣсь будетъ умѣстнымъ возстановить документально предприня-

тыя имъ начинанія, послужившія началомъ разрѣшенія столь сложнаго въ то время тюремнаго вопроса.

13 августа 1802 года князь Куракинъ Всеподданнѣйше доноситъ: „Всемилостивѣйшій Государь, правосудное милосердіе Вашего Императорскаго Величества внушаетъ мнѣ вѣрноподданническій долгъ представить Всеавгустѣйшему усмотрѣнію Вашему, что жертвы самыхъ непредвидѣнныхъ несчастныхъ случаевъ бываютъ иногда нераздѣльны съ тѣми, коихъ злодѣянія закономъ осуждаются быть заключенными въ темницахъ.

Сіе происходитъ отъ того, что въ городахъ не токмо повѣтовыхъ, но и губернскихъ устраиваются остроги для содержанія колодниковъ, не взирая на мѣру одного предъ другимъ преступленій, въ одномъ и томъ же самомъ мѣстѣ и на одинаковомъ положеніи содержимыхъ.

Въ оной совокупно находятся злодѣй, смертоубійца, святотатъ, человѣкъ, подозрѣваемый еще только въ преступленіи какомъ-либо и могущій доказать невинность, какъ иногда и злополучный, потерявшій отъ разныхъ стекшихся обстоятельствъ все безъ остатка, а потому пришедшій не въ состояніе платить своихъ долговъ и преслѣдуемый заимодавцами. Однимъ словомъ сказать, несчастные всякаго рода, не раздѣляя и самаго пола лѣтъ. Если бы Всевысочайшее соизволеніе Вашего Императорскаго Величества послѣдовало Всемилостивѣйше опредѣлить и различное вседневное содержаніе, судя по лицу и преступленію на оное вносимому, и чтобъ въ острогахъ содержались изобличенные въ тяжкихъ преступленіяхъ и судимые съ ними въ воровствѣ и распутствахъ, за долги же и по подозрѣніямъ лишь однимъ сажались въ арестантской при городническомъ правленіи, кои на сей конецъ особо и устрояться должны,—колико-бы облегчены были страданія человѣка.

Дерзновеніе мое о семъ Всеподданнѣйше донести имѣетъ основаніемъ прямое удостовѣреніе, что никакой подвигъ безкорыстнаго человѣколюбія не остается безъ вниманія Вашего Императорскаго Величества“.

28 августа 1802 года Его Императорскому Величеству благоугодно было осчастливить князя собственноручнымъ письмомъ.

„Князь Алексѣй Борисовичъ, представленіе Ваше о раздѣленіи колодниковъ въ мѣстѣ и образѣ содержанія ихъ по роду преступленія и степени обвиненія служитъ мнѣ новымъ доказательствомъ, что входя во всѣ подробности ввѣреннаго Вамъ управленія печетеся Вы о пользѣ человѣчества и введеніи правды и справедливости.

Съ удовольствіемъ утверждая Ваше предложеніе, Я буду ожидать донесенія Вашего, какимъ точно образомъ произведете его въ дѣйство, гдѣ на какія суммы построены будутъ особыя арестантскія, дабы потому и въ другихъ губерніяхъ постепенно можно было ввести сіе полезное и справедливое учрежденіе“ [1]).

Между Императоромъ и Малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ устанавливается обширная и продолжительная переписка, характеризующая удивительно отзывчивое отношеніе Императора Александра I къ проектамъ князя Куракина въ вопросахъ улучшенія положенія колодниковъ.

Вникая во всѣ подробности обширныхъ проектовъ Малороссійскаго генералъ-губернатора и удостаивая князя Куракина отвѣтами за собственноручною подписью безъ всякаго промедленія Александръ I-й въ концѣ концовъ разрѣшилъ тюремный вопросъ именнымъ указомъ на имя князя Куракина, собственноручно подписаннымъ 20 апрѣля 1803 года въ С.-Петербургѣ.

Указъ этотъ, санкціонируя разработанныя Малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ предположенія о постройкѣ повсемѣстно остроговъ въ части за счетъ городскихъ доходовъ, а въ части на средства казны, вывелъ изъ затруднительнаго положенія государственнаго казначея и далъ возможность осуществить давно назрѣвшую необходимость урегулировать, наконецъ, не получавшій долгое время разрѣшенія вопросъ о необходимости возстановить пришедшіе въ полную негодность мѣста содержанія преступниковъ.

Въ виду особаго значенія этого историческаго документа, положившаго начало длинному періоду тюремнаго строительства и характеризующаго отношеніе Императора Александра I-го къ

---

[1]) Арх. дѣло № 103—1803 г. Черниговск. строит. и дорожн. комиссіи стр. 7.

тюремному вопросу, указъ этотъ приводится здѣсь безъ всякаго измѣненія съ упускомъ лишь п. 4, относящагося къ устройству моста черезъ рѣку Днѣпръ возлѣ города Кременчуга.

„Господину дѣйствительному тайному совѣтнику Малороссійскому генералъ-губернатору князю Куракину.

Разсмотрѣвъ представленіе Ваше относительно устроенія во ввѣренныхъ Вамъ губерніяхъ остроговъ, раздѣленія колодниковъ на три разряда и назначенія въ каждомъ изъ нихъ особаго содержанія, согласно предположеніямъ Вашимъ, повелѣваю:

1. Остроги, какъ по Полтавской, такъ и по Черниговской губерніи устроить, держась сколько мѣстное положеніе дозволитъ представленныхъ Вами, и при семъ возвращаемыхъ, планамъ съ перемѣною въ нихъ воротъ сообразно общимъ планамъ на сіи зданіи предположеннымъ.

2. Устроеніе остроговъ произвести во внутренности ихъ по обыкновенію того края мазанками или земляным битьемъ строеніемъ изъ городскихъ доходовъ, по тѣмъ расположеніямъ, какія на употребленіе въ нихъ Вами вообще сдѣланы и по мѣстному Вашему усмотрѣнію, гдѣ и когда начаться строеніе будетъ нужнѣе и удобнѣе.

3. Въ помощь симъ капиталамъ приказалъ Я изъ общей, строительной по государству, суммы отпустить въ нынѣшнемъ году для остроговъ въ распоряженіе Ваше единовременно двадцать пять тысячъ рублей.

4. . . . . .

5. Утверждая назначеніе Ваше содержаніе колодниковъ въ 1-мъ разрядѣ по 3 коп., во 2-мъ по 4 коп., въ 3-мъ по 5 коп. въ сутки, повелѣваю производить оное изъ общей экстро-ординарной суммы по губерніямъ, при чемъ въ тѣхъ помѣщеніяхъ и казенныхъ людей, кои на время задержаны будутъ и подлежатъ къ возвращенію въ ихъ мѣста удержанные на содержаніе ихъ деньги взыскивать и возвращать въ казну черезъ нижніе земскіе суды“ [1]).

Представляя Государю свои проекты о содержаніи заключен-

---

[2]) Арх. дѣло № 103—1803 г. губ. строит. и дорожн. комиссіи стр. 17.

ныхъ, князь Куракинъ предполагалъ всѣхъ колодниковъ распредѣлить по содержанію на 3 разряда.

Къ I-му разряду отнести судимыхъ въ смертномъ убійствѣ, святотатствѣ, измѣнѣ, разбоѣ, дѣланіи фальшивыхъ монетъ и носимыхъ, ко 2-му разряду — за воровство, кражу, ложные поступки, азартныя игры и распутство. Для такого рода преступниковъ, рапортуетъ Государю князь Куракинъ, „опредѣляю я устроеніе двухъ казармъ въ острогѣ, изъ коихъ въ одной окнамъ быть съ желѣзными рѣшетками и колодники въ оковахъ, а въ другой окна обыкновенныя, а преступники въ однихъ только колодкахъ, полагая на содержаніе первыхъ 3 к., а вторыхъ 4 к. въ сутки. Сдѣлать въ каждой по небольшому особому отдѣленію для женскаго пола, изъ которыхъ въ первомъ помѣщеніи будутъ и убійцы ребятъ тайно родившихъ. Въ третьемъ разрядѣ почитаю я отсылаемыхъ къ содержанію подъ стражею за мошенничество, за долги, за отступленіе отъ должности по подозрѣнію для свидѣтельства по ссылкѣ въ чьей либо и тому подобныхъ случаяхъ, кои содержатся въ арестантской, долженствующей устроиться при городническихъ правленіяхъ и гдѣ имѣть отдѣленіе особое отъ дворянъ и чиновниковъ и давать имъ на содержаніе по 5 к. въ сутки. Людей же всякаго рода безъ суда, но по усмотрѣнію полиціи, какъ попавшихся въ неприличномъ поведеніи и въ пьянствѣ, или другого рода винахъ, противныхъ благочинію, для привлеченія въ трезвости оставлять при съѣзжихъ дворахъ, буде не будутъ они достойны наказанія суду“ [1]).

Не теряя времени въ исполненіи Высочайшей воли, генералъ-губернаторъ не замедлилъ предписать казенной палатѣ приступить къ выясненію наличныхъ средствъ городскихъ доходовъ по уѣзднымъ городамъ и отнести на ассигнованныя Высочайшимъ указомъ 25000 руб. постройку остроговъ въ тѣхъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ городскихъ суммъ будетъ недостаточно.

Было рѣшено строить ограды и фундаменты каменные, а стѣны деревянныя или глино-соломенныя.

Составленные и Высочайше конфирмованные планы съ фаса-

---

[1]) Дѣло № 103—1803 г. губ. строит. и дорожн. комиссіи, стр. 11

дами и смѣтами были разосланы въ городскія думы, которымъ было предложено немедленно устроить повсемѣстно кирпичные заводы и приступить къ постройкѣ въ ближайшемъ времени оградъ для остроговъ на назначенныхъ по Высочайше утвержденнымъ городамъ планамъ мѣстахъ по указанію повѣтовыхъ землемѣровъ [1]).

Недавно составленныя общія смѣты на постройку остроговъ были оставлены. Новыя смѣты на каменныя стѣны и корпуса внутри оградъ на каменныхъ фундаментахъ кореннымъ образомъ измѣнили типъ острога стараго типа.

Въ Черниговской губерніи, какъ это и надлежало быть, первымъ прекратилъ свое существованіе старый полуразвалившійся типичный деревянный острогъ губернскаго города Чернигова, старинныя полисадины котораго, вмѣстѣ съ тюремными избами внутри и караульнями для солдатъ и офицерскаго пребыванія были проданы въ 1801 году съ публичныхъ торговъ за 520 рублей на дрова.

Построенный къ тому времени на новомъ мѣстѣ усадьбы Елецкаго монастыря новый острогъ хотя и видоизмѣненный постройкою внутри двухъ-этажнаго каменнаго корпуса, все же сохранилъ обликъ типичнаго острога, имѣя двойной рядъ полисадинъ вокругъ тюремныхъ помѣщеній и караульню за предѣлами острога у входа въ острогъ [2]).

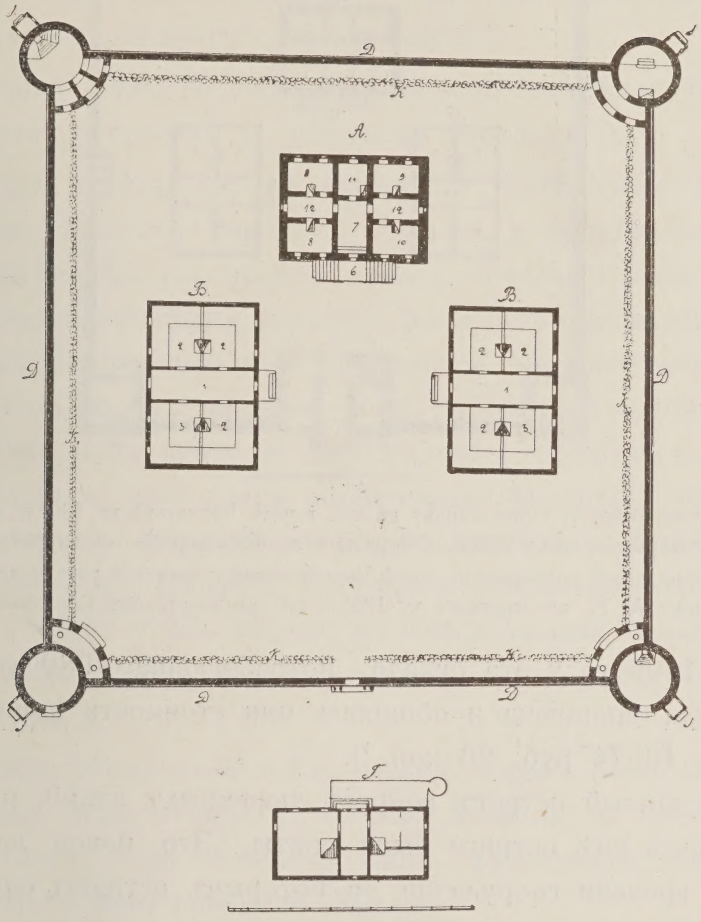
Эта новая постройка простояла недолго. Не соотвѣтствуя новымъ начинаніямъ Черниговскій острогъ подвергся переустройству въ самомъ непродолжительномъ времени. Сначала предполагалось ограничиться замѣной лишь деревяннаго острога кирпичной оградой съ круглыми башнями на углахъ съ оставленіемъ

---

[1]) На счетъ городскихъ суммъ надлежало выстроить остроги въ повѣтовыхъ городахъ: Черниговѣ, Нѣжинѣ, Стародубѣ, Борзнѣ, Конотопѣ, Глуховѣ и Мглинѣ, а недостающую сумму—4000 руб. по Новгородсѣверскому и по несостоянію городскихъ суммъ въ Сосницѣ, Козельцѣ и Городнѣ отнести на ассигнованные 25000 рублей. (дѣло № 103 1803 г. строит. и дорожн. комисси).

[2]) Старый Черниговскій острогъ находился въ чертѣ городской крѣпости вблизи бывшаго Архіерейскаго дома (нынѣ зданія губернскаго правленія).

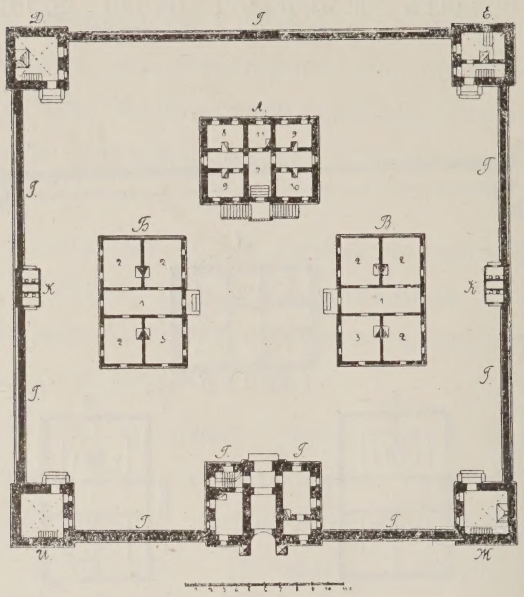
караульни для солдатъ за оградой около воротъ, но проектъ этотъ не прошелъ.



Черт. 7. Планъ острогу, выстроенному въ губернскомъ городѣ Черниговѣ въ 1801 году на новомъ мѣстѣ усадьбы Елецкаго Монастыря съ предполагаемою вновь каменною оградою съ 4 башнями. Пунктиромъ означенъ двойной рядъ свай только что построеннаго острога. Чертежъ вокругъ этихъ свай изображаетъ проектъ устройства кирпичной ограды съ круглыми башнями.

(Снимокъ съ плана, хранящагося въ музеѣ Черниговской губернской ученой архивной комиссіи подъ № 76, исполненнаго въ 1803 г. губ. архитекторомъ Карташевскимъ).

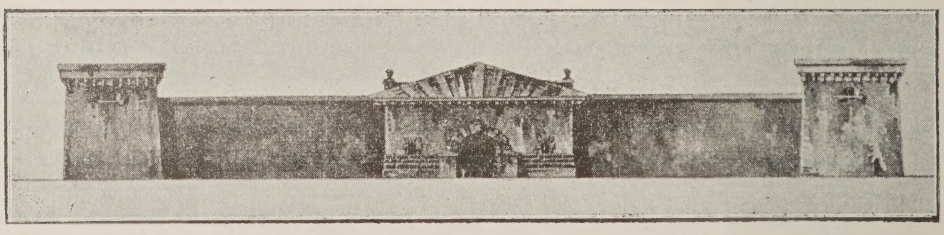
Въ 1803 году проектъ былъ измѣненъ княземъ Куракинымъ согласно Высочайше даннымъ указаніямъ. Караульня перенесена въ пристройку къ воротамъ тюрьмы, а круглыя башни замѣнены четырехугольными, какъ это изображено на чертежѣ № 8.



Черт. 8. Планъ острогу, выстроенному въ губ. городѣ Черниговѣ въ 1801 г., съ означеніемъ предполагаемой вновь каменной ограды и прочихъ передѣлокъ внутри острога.
(Снимокъ съ плана, хранящагося въ музеѣ Черниговской губернской ученой архивной комиссіи подъ № 77, исполненнаго въ 1803 г. губ. архитекторомъ Карташевскимъ).

Въ 1806 году эта ограда, потребовавшая 980 тысячъ кирпича, была закончена и обошлась при стоимости кирпича 5 руб. 50 коп,—16574 руб. 20 коп. [1]).

Деревянный острогъ вокругъ тюремныхъ зданій и караульня для солдатъ внѣ острога были сняты. Это новое колоссальное по тому времени сооруженіе, за которымъ осталось оффиціальное названіе „острогъ“, въ дѣйствительности не имѣло ничего общаго съ прежнимъ типомъ стариннаго деревяннаго острога.



Черт. 9. Фасадъ каменной ограды съ воротами и башнями, выстроенной въ г. Черниговѣ въ 1806 году.
(Снимокъ съ чертежа, хранящагося въ музеѣ Черниговской губ. ученой архивной комиссіи подъ № 76).

[1]) Дѣло № 103—1803 г. строит. и дорожн. коммисіи, стр. 47.

Это было сооруженіе, напоминающее средневѣковые западноевропейскіе замки или крѣпостъ новѣйшаго времени. Острогъ превратился въ тюремный замокъ, какъ впослѣдствіи и стали называть такія мѣста заключенія преступниковъ.

Кирпичная стѣна Черниговской тюрьмы послужила образцомъ переустройства остроговъ въ уѣздныхъ городахъ [1]).

Встрѣчая затрудненія въ постройкѣ указанныхъ въ разосланныхъ по уѣзднымъ городамъ планамъ и смѣтамъ остроговъ за недостаточностью городскихъ суммъ, которыхъ едва хватало на устройство кирпичныхъ заводовъ, но не останавливаясь передъ исполненіемъ Высочайшей воли, энергичный генералъ-губернаторъ не считался съ препятствіями и лично руководилъ начатымъ дѣломъ. Принявъ подъ контроль дѣятельность городскихъ думъ по устройству ими за свой счетъ кирпичныхъ заводовъ, князь Куракинъ приказалъ объявить торги на постройку остроговъ въ большихъ городахъ: Нѣжинѣ, Глуховѣ и Стародубѣ, отнеся расходъ по устройству этихъ тюремъ на ассигнованныя Высочайшимъ указомъ 25000 рублей, возлагая также часть расходовъ и на городскія думы [2]).

Постройка Нѣжинской и Глуховской тюремъ была закончена въ 1909 году, а въ Стародубѣ къ тому времени, за отсутствіемъ у города денегъ, были возведены лишь фундаментъ подъ одну казарму и три стѣны каменной ограды.

Весьма обстоятельная опись, составленная 14 іюля 1809 года при пріемкѣ отъ подрядчиковъ только что выстроеннаго въ Глуховѣ острога даетъ возможность возстановить не только распо-

---

[1]) Въ 1849 г. пришедшіе въ ветхость два деревянные флигеля и каменный корпусъ въ губернской тюрьмѣ были замѣнены однимъ двухъ-этажымъ каменнымъ корпусомъ, который стоитъ и въ настоящее время, видоизмѣненный лишь надстройкой въ 1910 году третьяго этажа.

[2]) Въ г. Нѣжинѣ постройка тюрьмы была сдана съ подряда по контракту отъ 28 августа 1805 года Шукурову и Чернявскому и съ ихъ матеріаловъ и рабочими за 13172 руб. Въ г. Глуховѣ кондиціи на постройку тюрьмы были приняты подрядчиками Ключенковымъ и Михайловымъ по условію, заключенному 20 марта 1806 года съ ихъ матеріаловъ и рабочими за 14500 рублей. Въ городѣ Стародубѣ выстроить острогъ взялась городская дума хозяйственнымъ способомъ. (д. №—1805 г. и № 250—1806—1814 г. губ. строит. и дорожн. комиссіи).

ложеніе зданій внутри тюремной ограды, но и представить ихъ внѣшній видъ [1]).

„Каменная ограда длиною вокругъ 87 погонныхъ саженей, 1 аршинъ и 6 вершковъ, вышиною отъ цоколя 7 аршинъ, а съ цоколемъ 8 аршинъ съ корпусомъ каменнымъ при воротахъ, въ ней крыши и на корпусѣ покрыты шаліовкою въ два ряда съ лиштвами и нарожниками; вся ограда съ цоколемъ внутрѣ и наружи, съ корпусомъ при воротахъ оштукатуренна и побѣлена съ фронтонами подъ воротами съ внутренней и наружной сторонъ; въ ней ворота деревянныя, полукруглыя, плотницкой работы, растворчатыя съ шестью желѣзными прочными завѣсами на желѣзныхъ крючкахъ повдѣланнымъ въ каменныя стѣны окрашенныя черною масляною краскою съ желѣзною внутри завѣскою; подъ корпусомъ между воротъ вымощенъ полъ кирпичемъ на ребро, въ корпусѣ при воротахъ, по правую сторону, комната для кладовой съ каменнымъ сводомъ вымощена досками геблюванными подъ гвоздь съ однимъ столярной работы глухимъ окошкомъ о шести полубѣлой воды стеклахъ окрашенное черною масляною краскою, двери плотничной работы, окрашенныя черною масляною краскою, а по лѣвую сторону комната для караульни.

Внутри острога три деревянные на каменныхъ фундаментахъ корпусы. Корпусъ со входу, по правую сторону, о трехъ комнатахъ съ сѣнцами, въ немъ сходцы съ сосновыхъ о двухъ ступенькахъ досокъ, прибитыхъ желѣзными гвоздями; въ сѣнцахъ по обѣ стороны дверей два глухіе полуокошка по четыре полубѣлой воды стекла столярной работы, окрашенныя черною масленною краскою, подъ сѣньми франтонъ съ полукруглымъ о восьми шибахъ столярной работы окрашенныя черною масляною краскою окошкомъ; въ семъ корпусѣ четверо плотницкой работы дверей, двѣ грубы простыхъ зеленыхъ изразцовъ на каменныхъ фундаментахъ съ дверцами и полудверцами желѣзными, въюшками, покрышками и затулками чугунными съ боровами и выведенною на крышу одною дымовою съ ощекатуркою и побѣлкою

---

[1]) Опись представляетъ изъ себя детальное описаніе каждой части, поэтому здѣсь приводятся лишь выдержки изъ нея (дѣло № 250—1806—1814 г. строит. и дорож. комиссіи).

трубою; во всѣхъ комнатахъ и сѣняхъ полы дощатые геблюванныхъ дощокъ, прибитыхъ желѣзными гвоздями, тамъ же дощатые потолки въ двухъ комнатахъ, со входу по два окошка растворчатыхъ столярной работы, окрашенныхъ сѣрою масляною краскою по восьми полубѣлой воды шибъ, по двѣ лавки и для спанья нары, а въ средней противъ входу комнатѣ одно окошко о восьми шибахъ полубѣлой воды съ подъемною кватиркою, окрашенное сѣрой масленной краской и таковою же желѣзною рѣшеткою съ лавками изъ геблюванныхъ сосновыхъ досокъ, прибитыхъ къ подставкамъ желѣзными гвоздьми; стѣны внутрѣ всѣхъ комнатъ и сѣней также снаружи сѣней и двери съ потолками выбѣлены мѣломъ съ клеемъ и наружныя стѣны строенія безъ сѣней ощекатурены по малороссійскому образцу съ клинушками съ набивкою кирпичнымъ грузомъ и глиною и побѣленны, фундаменты вокругъ корпуса покрыты шаліовкою и побѣлены; крыша покрыта шаліовкою въ два ряда съ лиштвами и нарожниками; по угламъ между крышею сѣней и корпуса для стоку воды подѣланы рынвы, крыша покрашена красною, а нарожники на оной бѣлою масленными красками, фронтонъ же надъ сѣньми побѣленъ бѣлою масленною же краскою.

Корпусъ со входу по лѣвую сторону, равное положеніе имѣющій, какъописанный по правой сторонѣ планомъ и фасадомъ и во всемъ сходственно тому сдѣланъ только безъ желѣзныхъ въ окошкахъ рѣшетокъ.

Корпусъ противъ воротъ, въ немъ возлѣ первой противной стѣны шесть деревянныхъ колоннъ съ навѣсомъ и сходцами о двухъ ступенькахъ, возлѣ этой стѣны насквозь вымощенъ полъ съ сосновыхъ геблюванныхъ досокъ, прибитыхъ желѣзными гвоздями; колонны побѣлены блейвасомъ на маслѣ; корпусъ сей о трехъ выходахъ, съ перваго входа противъ воротъ кухня съ кирпичною печью и очагомъ при печи, а другая комната съ перегородкою изъ досокъ на двѣ съ лавками и нарами; потолки дощатые, дверей трое, одна груба зеленыхъ изразцовъ на каменномъ фундаментѣ съ дымовою трубою, въ кухнѣ два полуокошка глухихъ по четыре въ каждомъ стекла полубѣлой воды, а въ другой и третьей комнатахъ по одномъ растворчатомъ окошку о

восьми полубѣлой воды шибахъ, стѣны снутри и перегородка дощатая съ потолками, крыша покрыта шаліовкою въ два ряда подъ желѣзной гвоздь съ лиштвами и нарожниками, покрашена крыша красною, а нарожники по одной бѣлой масленными красками, на крышѣ два слуховыя полукруглые окошка; съ другого входа отъ стѣны ограды по правой сторонѣ сходцы по одномъ ступенькѣ изъ сосновыхъ досокъ. Сѣни съ однимъ полуокошкомъ о трехъ шибахъ, съ лавками и комната банная, въ ней кирпичная печь, двѣ лавки и пять полокъ съ досокъ сосновыхъ, въ банѣ одно растворчатое о 8-ми полубѣлой воды шибахъ окошко, дверей въ сѣняхъ и банѣ двое, а съ третьяго входа отъ задней стороны ограды нужное мѣсто съ дверьми плотничной работы съ поломъ дощатымъ и дощатымъ потолкомъ съ двумя мѣстами изъ сосновыхъ досокъ.

Вокругъ острога снаружи шесть будокъ на столбахъ изъ брусовъ сосновыхъ обшитые шаліовками, крыши на нихъ покрыты шаліовкою въ два ряда съ лиштвами и нарожниками, окрашены снаружи крыши и наличники красною, нарожники по оной бѣлою, а стѣны пестрыми масленными красками.

Значащійся по сей описи острогъ со всей наличностью принялъ отъ подпоручика Клоченкова и сданъ въ вѣдомство Глуховскому полиціймейстру господину надворному совѣтнику Лазунову".

Этотъ новый типъ тюрьмы, планъ которой общій для всѣхъ предрѣшенныхъ къ постройкѣ въ уѣздныхъ городахъ Малороссійскаго края тюремъ, именуемыхъ по прежнему „острогомъ", въ дѣйствительности не соотвѣтствовалъ своему названію. Основной и самый существенный признакъ понятія „острога" двойной рядъ заостренныхъ вверху свай, окружающихъ стѣною тюремныя строенія, былъ уничтоженъ. Каменная ограда съ башнями по угламъ или выступами вродѣ башенъ, измѣнилъ кореннымъ образомъ типъ старинной тюремной постройки „острога", просуществовавшій не одно столѣтіе, прежде чѣмъ прійти въ полное разрушеніе ко времени распада русской жизни стараго уклада, обновленной реформами Екатерины II.

Эта новая постройка типа военной крѣпости или средневѣковаго замка тѣмъ не менѣе сохранила еще на нѣкоторое

время общую схему постройки стараго острога. Тюремная ограда включала деревянныя строенія на каменномъ фундаментѣ и лишь типичная караульня для солдатъ внѣ острога была перенесена въ помѣщеніе въ воротахъ каменной ограды. Но и это сходство было скоро вовсе уничтожено.

Съ одной стороны недобросовѣстность подрядчиковъ при постройкѣ первыхъ двухъ уѣздныхъ тюремъ Нѣжинской и Глуховской, отразившаяся на прочности деревянныхъ корпусовъ, а съ другой объединеніе вопроса тюремнаго строительства во вновь учрежденномъ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, куда направлялись проекты переустройства тюремъ, привели къ разрѣшенію тюремнаго строительства въ томъ смыслѣ, чтобы вмѣсто деревянныхъ казармъ въ тюремной оградѣ строить кирпичные двухъ-этажные корпуса.

Намѣченное строительство было пріостановлено впредь до утвержденія министерствомъ смѣтъ и плановъ на дальнѣйшія постройки. Къ тому же выяснившаяся недостаточность городскихъ средствъ потребовала вновь ассигнованія крупныхъ суммъ. Обремененіе государственнаго казначейства постройками во всей Россіи присутственныхъ мѣстъ по новому учрежденію о губерніяхъ, еще на дольше отдалило тюремное строительство. Наконецъ уже въ 20-хъ годахъ послѣдовали ассигнованія на окончаніе начатой еще въ 1803 году Стародубской тюрьмы и на постройку уѣздной Борзенской тюрьмы [1]). Почти одновременно съ постройкой этихъ двухъ тюремъ были составлены проекты на постройку двухъ-этажныхъ каменныхъ корпусовъ въ Глуховской и Нѣжинской тюрьмахъ, гдѣ выстроенныя въ 1809 году деревянныя казармы на каменныхъ фундаментахъ пришли въ совершенную ветхость.

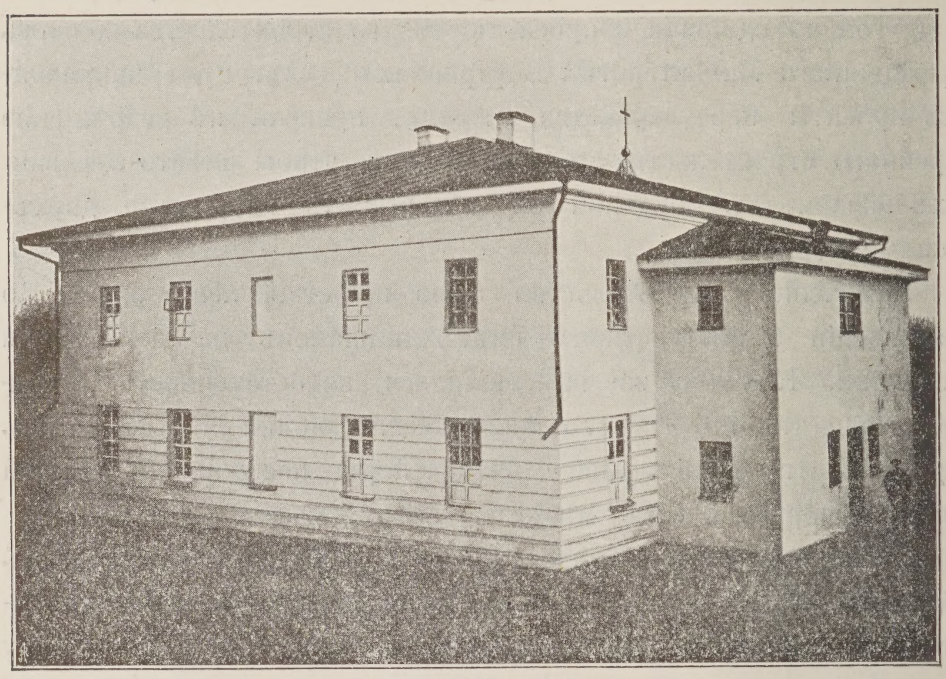
Въ скоромъ времени деревянныя постройки внутри тюремной ограды Глуховской тюрьмы, а затѣмъ Нѣжинской также были замѣнены однимъ двухъ-этажнымъ кирпичнымъ зданіемъ [2]).

---

[1]) Стародубская тюрьма закончена постройкою въ 1826 году, Борзенская—1827 г.. Первая обошлась казнѣ 18450 руб. 94¼ коп., а вторая—18005 руб. 7¼ коп.

[2]) Согласно проекту архитектора Рыбина, разсмотрѣнному и одобренному въ комиссіи проектовъ и Высочайше утвержденному 4 ноября 1838 года, всѣ деревянныя постройки

Всѣ четыре уѣздныя тюрьмы: Стародубская, Борзенская, Глуховская и Нѣжинская, хотя и построены въ разное время, но относятся несомнѣнно къ одному строительному періоду, представляя совершенно однотипныя строенія, изображеніе которыхъ помѣщено ниже. Тюрьмы эти сохранились и до настоящаго времени въ первоначальномъ ихъ видѣ, нѣсколько лишь приспособленныя къ современному содержанію арестантовъ.



Черт. 10. Борзенская уѣздная тюрьма.

По своему наружному виду и по расположенію помѣщеній внутри эти четыре тюрьмы совершенно одинаковы. Какъ видно изъ описаній современниковъ этихъ построекъ при составленіи

внутри тюремной ограды Нѣжинской тюрьмы, выстроенныя въ 1809 году рѣшено было замѣнить однимъ двухъ-этажнымъ кирпичнымъ зданіемъ. Постройка эта была закончена въ 1844 году и обошлась казнѣ 15380 рублей. Почти одновременно, т. е. 7 января 1836 года былъ утвержденъ проектъ переустройства Глуховской тюрьмы, но проектъ этотъ, очевидно, не осуществился, такъ какъ 25 марта 1842 года Совѣтомъ путей сообщенія и публичныхъ зданій былъ утвержденъ планъ и фасадъ, составленный губернскимъ архитекторомъ Куцевичемъ, согласно коимъ въ 1845 году и закончена постройкою Глуховская тюрьма. Двухъ-этажный корпусъ этой тюрьмы, однотипный съ постройкой Нѣжинской тюрьмы, обошелся казнѣ 11775 рублей.

проектовъ тюремъ этого типа, имѣлось въ виду, главнымъ образомъ, разобщеніе арестантовъ, содержащихся въ камерахъ, расположенныхъ одна противъ другой. Съ этою цѣлью корридоры въ обоихъ этажахъ были устроены шириной въ 12 аршинъ и раздѣлялись вдоль и поперекъ перегородками съ двумя изъ нижняго корридора лѣстницами на верхъ съ двухъ сторонъ зданія. Такимъ образомъ вся тюрьма раздѣлялась на 4 обособленныхъ отдѣленія, не сообщающихся между собою и съ отдѣльными входами въ тюрьму для каждаго отдѣленія. По тому времени, какъ видно изъ заключенія должностныхъ лицъ того періода, такое устройство тюремъ считалось наиболѣе совершеннымъ. Внутренней тюремной стражи въ тюрьмѣ ни днемъ, ни ночью не было, если не считать двухъ служителей, находившихся при смотрителѣ, который хранилъ ключи отъ камеръ съ заключенными у себя. Тюрьма окарауливалась лишь наружнымъ военнымъ карауломъ и потому, конечно, разобщенію арестантовъ, предоставленнымъ въ тюрьмѣ самимъ себѣ, придавалось огромное значеніе. Значительно позже, когда были установлены внутренніе посты стражи, перегородки эти въ корридорахъ этого типа тюремъ были сняты, но ширина корридоровъ и двѣ сходящіяся на верхнемъ корридорѣ съ нижняго этажа лѣстницы представляютъ крайнія неудобства для современнаго содержанія арестантовъ и создаютъ въ корридорахъ закоулки, которые вмѣстѣ съ темнотою дѣлаютъ тюрьму совершенно не приспособленной къ современной пенитенціарной системѣ.

Съ постройкою этихъ тюремъ совершенно прекращаютъ свое существованіе остроги стараго типа. Сохранившіеся къ тому времени остатки или вѣрнѣе развалины прежнихъ остроговъ въ уѣздныхъ городахъ были вовсе упразднены и замѣнены временно до постройки тюремъ „колодничьими избами“ при городничествѣ, а изъ нихъ тѣ, которыя можно было еще поддерживать ремонтомъ, исправлялись мѣстными властями по своему усмотрѣнію экономическимъ хозяйственнымъ способомъ. О возобновленіи ветхихъ остроговъ не подымался даже вопросъ. Распоряженіями городничихъ развалившіеся остроги поддерживались подпорками. Гнилыя полисадины замѣнялись досками въ одинъ рядъ, а въ большей

части случаевъ сгнившій острогъ снимался вовсе, оставляя одинокую тюремную избу безъ ограды. Когда и это строеніе приходило въ ветхость въ ожиданіи постройки тюрьмы новѣйшаго типа, арестанты переводились въ колодничью избу при городничествѣ или въ наемное помѣщеніе.

Постройка новыхъ тюремъ въ особенности въ мѣстахъ скопленія пересыльныхъ арестантовъ представляла предметъ большихъ заботъ мѣстныхъ властей, вызывавшая усиленную переписку о необходимости постройки тюремъ. Такое положеніе было не только на югѣ Россіи. Въ 1826 году, по случаю совершенной ветхости тюремныхъ зданій во Владимірской губерніи, послѣдовалъ именной указъ, коимъ предписывалось Министру Внутреннихъ Дѣлъ сдѣлать распоряженіе по всѣмъ губерніямъ, чтобы пока не будутъ окончены соображенія о единообразномъ построеніи новыхъ тюремъ, арестанты были переведены въ наемные дома [1]).

Первоначальный проектъ постройки тюремъ на городскія средства былъ оставленъ за отсутствіемъ у городовъ этихъ средствъ. Напряженное состояніе государственнаго казначейства, вызванное усиленными требованіями средствъ на устройство присутственныхъ мѣстъ по новому учрежденію о губерніяхъ по всей Россіи, создавало большія затрудненія въ удовлетвореніи представленій мѣстныхъ властей.

28 ноября 1839 года Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ объ отнесеніи построекъ въ губерніяхъ тюремъ и зданій для присутственныхъ мѣстъ на земскіе сборы, облегчило нѣсколько положеніе [2]), но вслѣдъ за тѣмъ намѣченная реформа нашего уголовнаго законодательства въ связи съ вопросомъ о переустройствѣ мѣстъ заключенія, вновь отдалила разрѣшеніе вопроса о постройкѣ тюремъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ.

Въ разъясненіи Министра Внутреннихъ Дѣлъ 1841 года [3])

---

[1]) П. С. З. 1826—ст. 604.

[2]) На суммы этихъ сборовъ были перестроены Нѣжинская и Глуховская тюрьмы.

[3]) Отношеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ къ Черниговскому, Полтавскому и Харьковскому генералъ-губернатору отъ 13 декабря 1841 г. за № 4305 (дѣло № 1621—1838 г. строительн. и дорожн. комис.).

указывалось, что самые планы, по коимъ должны быть устраиваемы тюрьмы, предположено во многомъ измѣнить и потому разрѣшить испрашиваемыя постройки не представлялось возможнымъ. Въ случаѣ же совершеннаго затрудненія поддержать тюремныя зданія починками впредь до возведенія новыхъ тюремныхъ замковъ, предложено было нанять для помѣщенія арестантовъ частные дома съ надлежащимъ ихъ укрѣпленіемъ.

Планы, по которымъ были построены тюрьмы въ Борзнѣ, Стародубѣ, Глуховѣ и Нѣжинѣ были признаны не соотвѣтствующими современнымъ требованіямъ тюремныхъ построекъ. Возвращая уже неоднократно разсмотрѣнные и даже утвержденные планы и смѣты, министерство разъяснило еще въ 1843 году, что проекты эти теперь не могутъ быть осуществлены и что въ ближайшемъ будущемъ по Высочайшему повелѣнію будутъ изданы новые нормальные чертежи устройства тюремныхъ замковъ, удовлетворяющихъ требованіямъ новаго уголовнаго законодательства. Между тѣмъ деревянныя тюремныя помѣщенія въ 9 городахъ Черниговской губерніи, приходя отъ времени все въ большую ветхость, ставили администрацію въ безвыходное положеніе. Изъ прежнихъ деревянныхъ остроговъ сохранились лишь остроги въ Конотопѣ и Козельцѣ при чемъ только Конотопскій острогъ сохранилъ свой внѣшній видъ, двойной рядъ полисадинъ котораго привлекалъ вниманіе современниковъ, а въ Козелецкомъ острогѣ по распоряженію начальства одна связь была вовсе разобрана, а полисадины острога съ добавленіемъ новаго матеріала, употреблены на пристройку казармы для арестантовъ [1]).

Наконецъ нормальные чертежи были выработаны и утверждены. Согласно Высочайше утвержденнаго 20 апрѣля 1849 года положенія Комитета Министровъ мѣстнымъ властямъ было предложено часть тюремъ построить за счетъ собранныхъ на устройство присутственныхъ мѣстъ и тюремъ капиталовъ, а для устройства остальныхъ пригласить частныхъ лицъ принять на свой счетъ постройку каменныхъ тюремныхъ замковъ и отдать ихъ въ наемъ Правительству на продолжительное время отъ 12 до 24 лѣтъ.

---

[1]) Арх. дѣло № 2996—1846—1850 г.г. стр. 5 и дѣло № 1075—1829—1832 г.г. строит. и дорожн. комиссіи.

Такимъ образомъ въ періодъ времени менѣе чѣмъ 10 лѣтъ, въ десяти уѣздныхъ городахъ Черниговской губерніи были построены прекрасныя трехъ-этажныя строенія съ кирпичными оградами, именуемыя по закону тюремными замками, изображеніе которыхъ приводится здѣсь.

Черт. 11. Конотопскій уѣздный тюремный замокъ.

Постепенно выстроенныя частными лицами тюрьмы были выкуплены Правительствомъ и такимъ образомъ закончился періодъ тюремнаго строительства, осуществившій губернскую реформу Екатерины II въ отношеніи устройства мѣстъ заключенія въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ Черниговской губерніи [1]).

---

[1]) Городнянская уѣздная тюрьма построена въ 1857 г. Савченко-Бѣльскимъ и сдана въ аренду Правительству на 30 лѣтъ. Козелецкая тюрьма выстроена за собственный счетъ купцомъ Слонимымъ въ 1859 году. По Высочайшему повелѣнію 30 декабря 1875 г. пріобрѣтена въ казну за 34267 руб. Конотопская тюрьма построена купцомъ Венгеровымъ въ 1859 г. и сдана имъ въ аренду Правительству. Кролевецкая—закончена постройкою въ 1869 г. и сдана владѣльцемъ ея купцомъ Слонимымъ въ аренду Правительству на 30 лѣтъ. Мглинская тюрьма построена въ 1860 г. купцами Слонимымъ, Быховскимъ и Брукомъ за собственный счетъ и отдана ими въ аренду Правительству. Затѣмъ по неисправности изъ владѣльцевъ Брука по

Чтобы дополнить картину состоянія провинціальныхъ мѣстъ заключенія въ этомъ неопредѣленномъ въ области тюремныхъ вопросовъ періодѣ тюремнаго строительства здѣсь будетъ умѣстнымъ вспомнить почти забытый терминъ „сельская тюрьма“, о которой упоминается въ ст. 390 устава о предупрежденіи и присѣченіи преступленій изданія 1857 г.

Право наказанія крестьянъ ихъ владѣльцами „по волѣ ихъ“ было извѣстно нашему законодательству уже издавна [1]). Въ сводѣ законовъ изданія 1832 г. (ст. 308 уст. о предупр. и пресѣч. преступленій) право это санкціонировано такъ: „Для удержанія крѣпостныхъ людей въ повиновеніи и добромъ порядкѣ, помѣщикъ имѣетъ право употреблять домашнія средства исправленія и наказанія по его усмотрѣнію“. Послѣдовавшія затѣмъ измѣненія и дополненія въ редакціи этой статьи закона для согласованія ея съ постановленіями изданнаго въ 1845 году новаго уложенія о наказаніи уголовныхъ и исправит., устанавливаютъ болѣе опредѣленно виды наказанія и примѣненія ихъ къ крѣпостнымъ людямъ, придавая сельской тюрьмѣ характеръ оффиціальнаго мѣста заключенія: „Во всѣхъ случаяхъ, въ коихъ на основаніи сей статьи право суда и расправы по преступленіямъ и проступкамъ крѣпостныхъ людей предоставляется помѣщикамъ или управляющимъ ихъ имѣніемъ по довѣренности они могутъ, смотря по большей или меньшей важности преступленія или проступка, учиненнаго крѣпостнымъ крестьяниномъ или дворовымъ человѣкомъ и по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ вину его, подвергать его наказанію розгами до

казенному подряду, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26 ноября 1874 г. поступила въ казну и обошлась ей 15000 р. Новозыбковская тюрьма построена въ 1854 г. Бруками и сдана ими въ аренду Правительству. Новгородъ-Сѣверская тюрьма построена купцомъ Слонимымъ въ 1857 году и отдана имъ въ аренду Правительству на 30 лѣтъ. Остерская тюрьма выстроена въ 1858 г. на счетъ суммъ, собранныхъ на устройство присутственныхъ мѣстъ и тюремъ и обошлась казнѣ 44465 руб 89 коп., Сосницкая тюрьма построена Брукомъ въ 1857 г., которымъ отдана въ аренду казнѣ на 30 лѣтъ. Затѣмъ по Высочайшему повелѣнію 23 августа 1871 г. поступила въ казну за 25000 руб., Суражская тюрьма закончена постройкою въ 1857 году на суммы, собранныя на устройство присутственныхъ мѣстъ и тюремъ и обошлась казнѣ 32982 руб. 20 к.

[1]) П. С. З. 1754 г. ст. 10233 п. 31.

40 или палками до 15 ударовъ, или же аресту на время отъ одного до семи дней, а въ случаѣ особой важности и до двухъ мѣсяцевъ съ тѣмъ, чтобы виновный былъ содержимъ въ сельской тюрьмѣ, сообразно съ правилами вообще для тюремнаго заключенія постановленными [1]).

Объ устройствѣ сельской тюрьмы того времени врядъ-ли остались-какія нибудь свѣдѣнія. Законъ приравнивалъ наказаніе сельской тюрьмою заключенію въ тюрьмѣ и требовалъ, чтобы къ содержанію въ сельской тюрьмѣ были примѣнены тѣ же правила, какія были установлены для отбытія наказанія въ тюрьмѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что при той власти помѣщиковъ, которою они обладали, наказаніе сельской тюрьмой имѣло широкое примѣненіе. Если до насъ не дошло описаніе сельской тюрьмы, то едва ли представилось бы затруднительнымъ вообразить себѣ ея устройство. Если колодничья изба представляла изъ себя простую хату съ помѣщеніемъ для арестантовъ, если колодники содержались въ избѣ при городничествѣ, подчасъ даже не укрѣпленной (т. е. безъ рѣшетокъ въ окнахъ), то станетъ яснымъ, что подъ сельскую тюрьму помѣщикъ могъ отвести комнату въ одномъ изъ строеній въ своемъ помѣстьѣ или приказать сельскому старостѣ отвести „избу“ на селѣ въ хатѣ при сельской управѣ.

Нужно полагать, что упомянутая въ законѣ сельская тюрьма отличалась весьма малымъ отъ нынѣшней арестантской при волостномъ и сельскомъ правленіи, гдѣ содержатся нынѣ по приговорамъ волостныхъ судовъ крестьяне за маловажные проступки, подлежащіе компетенціи волостныхъ судовъ.

---

[1]) П. С. З. 1846 г. (19640) текстъ, вошедшій въ статью 390 уст. предупр. и пресѣч. прест. изд. 1857 г.

ЧАСТЬ III.

Исторія учрежденія Общества попечительнаго о тюрьмахъ.

Слѣдующій періодъ развитія тюремныхъ учрежденій совпадаетъ съ выдающимся въ исторіи проявленіемъ общественнаго интереса къ тюремному вопросу и въ частности къ личности „невольника или колодника", какъ тогда называли заключенныхъ въ тюрьмѣ [1]). Моментъ этотъ подготовлялся исторически и постепенно и разрѣшился учрежденіемъ въ Россіи въ 1819 году Общества попечительнаго о тюрьмахъ.

Учрежденіе этого общества застаетъ наши тюремныя учрежденія въ дореформенномъ ихъ состояніи, если не считать тѣхъ начинаній, которыя были предприняты въ царствованіе Императрицы Екатерины II и начавшагося въ началѣ 19-го вѣка періода тюремнаго строительства, вызваннаго введеніемъ въ дѣйствіе учрежденія о губерніяхъ 1775 года, поставившаго на очередь вопросъ о переустройствѣ и устройствѣ мѣстъ заключенія.

Идея учрежденія общества попечительнаго о тюрьмахъ перешла къ намъ изъ Западной Европы, гдѣ подъ вліяніемъ исторически возникшаго умственнаго движенія XVIII вѣка, философія выдвинула идею естественнаго права человѣка безотносительно къ общественному его положенію, отрѣшаясь окончательно отъ прежняго взгляда поглощенія личности государствомъ. Являясь гуманною и филантропическою, философская мысль новаго направленія коснулась, конечно, прежде всего положенія личности въ

---

[1]) Содержащіеся подъ стражею при полиціи, въ тюрьмахъ, рабочихъ домахъ и арестантскихъ ротахъ стали называться арестантами только съ 1816 г. Прежде указа 1816 г. арестанты именовались невольниками и большею частью колодниками (ст. 6 уст. о содерж. подъ страж. изд. 1857 г.).

государствѣ. Подъ вліяніемъ политическихъ идей Вольтера, Монтескье, Руссо, просвѣтительная литература стала подвергать критикѣ государственныя учрежденія и соціальныя отношенія, указывая на необходимость гражданскихъ реформъ.

Литература XVIII вѣка имѣла громадное вліяніе во всѣхъ областяхъ государственной и общественной жизни, захватывая своимъ гуманизмомъ широкіе круги общественныхъ дѣятелей, и проникая въ самые высшіе слои свѣтскаго общества и въ правительственныя сферы. Охватывая постепенно всѣ вопросы государственной и общественной жизни, эти новыя идеи человѣчности выдвинули общественныхъ дѣятелей, посвятившихъ себя изученію и тюремнаго быта преступника, требуя по отношенію къ нему человѣчности и даже особую заботу. Таковъ извѣстный филантропъ англичанинъ Джонъ Говардъ, изслѣдованія котораго положили начало новому направленію въ области тюремнаго дѣла и отразились на тюремномъ законодательствѣ всѣхъ странъ Европы.

Не безъ вліянія остались эти новыя идеи и у насъ въ Россіи въ царствованіе Екатерины II. Сама Екатерина, будучи одной изъ образованнѣйшихъ женщинъ того времени, была воспитана на либеральныхъ основахъ современной французской философіи и была глубоко проникнута уваженіемъ къ представителямъ новаго литературнаго направленія и просвѣтительнымъ идеямъ XVIII вѣка. Состоя въ перепискѣ съ Вольтеромъ и Дидеротомъ, знакомясь лично съ произведеніями французской литературы, Екатерина II принимала участіе въ различныхъ отрасляхъ литературы и философіи, разрабатывая лично и законодательные проекты въ новомъ направленіи.

Подъ вліяніемъ этихъ идей филантропическаго направленія постепенно смягчается уголовное законодательство, начиная видѣть въ преступленіи не только объектъ сухой формулы закона, но и личность преступника. Изучая тюремный бытъ и личность преступника, современные публицисты энергично проповѣдывали объ участи заключенныхъ, о необходимости исправленія преступника разумнымъ тюремнымъ заключеніемъ, въ основаніе котораго должны быть положены обязательный трудъ, неусыпный надзоръ и религіозное воздѣйствіе на заключенныхъ. Эта задача въ прак-

тическомъ примѣненіи ея оказалась слишкомъ трудна. По природѣ своей тюрьма являлась наказаніемъ и слѣдовательно въ направленіи филантропическомъ долженъ быть извѣстный предѣлъ, съ нарушеніемъ котораго тюрьма могла бы превратиться изъ карательнаго учрежденія въ богадѣльню. Вотъ почему тюремный вопросъ продолжительное время оставался не разрѣшеннымъ. Между тѣмъ раздавались все чаще и громче голоса объ облегченіи участи заключенныхъ, о необходимости исправленія преступниковъ.

Эта новая идея не находила пути для реальнаго осуществленія ея. И вотъ разнесся слухъ, что вопросъ, захватывающій современниковъ, уже разрѣшенъ въ Сѣверной Америкѣ устройствомъ тюремъ въ Пенсильваніи и Нью-Іоркѣ. Для изученія этого вопроса на мѣстѣ европейскія правительства посылаютъ своихъ делегатовъ, которые въ результатѣ представили обстоятельные отчеты, съ важнѣйшими частями которыхъ познакомили публику въ популярныхъ изложеніяхъ. Вся Европа, точно сговорившись, выдвигаетъ на очередь тюремную реформу. Это движеніе относится къ концу XVIII столѣтія или, вѣрнѣе, къ концу XIX столѣтія, когда тюрьмы Западной Европы, за немногими исключеніями, находились въ самомъ безотрадномъ положеніи. Съ того времени во всѣхъ государствахъ запада начинается рѣзкое измѣненіе тюремнаго вопроса, какъ въ законодательной постановкѣ его, такъ и въ практическомъ примѣненіи [1]).

Прежде другихъ въ этомъ направленіи стала работать Англія. По примѣру Сѣверной Америки, гдѣ въ 1776 году въ Филадельфіи учреждено первое общество покровительства лицамъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія, преобразованное въ 1787 году въ общество устраненія бѣдственнаго положенія общественныхъ тюремъ въ Англіи, по мысли Джона Говарда, образовалось въ 1816 году Лондонское общество улучшенія мѣстъ заключенія, заботившееся о надлежащей постановкѣ ихъ внутренняго режима. Учредители этого общества не ограничились распространеніемъ своихъ идей въ своемъ отечествѣ, а вели пропаганду и на кон-

[1]) Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣд. И. Я. Фойницкаго стр. 312.

тинентѣ. Достаточно вспомнить, что смерть застала Говарда у насъ въ Россіи: онъ умеръ въ Херсонѣ 20 января 1790 года, заразившись при изслѣдованіи тюремнаго дѣла. Энергіи членовъ того же лондонскаго общества обязано своимъ существованіемъ также французское королевское общество попечительное о тюрьмахъ, основанное въ 1818 году; на тѣхъ же началахъ нѣсколько позже возникли подобныя общества въ Германіи.

Въ Россіи учрежденное въ 1819 году общество попечительное о тюрьмахъ всецѣло обязано своимъ существованіемъ послѣдователю и ученику Говарда члену лондонскаго общества Вальтеру Венингу.

Интересную историческую справку, выясняющую значеніе Венинга въ дѣлѣ учрежденія у насъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, даетъ В. Никитинъ въ своемъ историческомъ очеркѣ о малолѣтнихъ дѣтяхъ заключенныхъ [1]).

Будучи освѣдомленъ изъ Петербурга пасторомъ Стевеномъ о томъ, что „послѣ Англіи Россіи свыше предопредѣлено быть наибольшею благотворительницею на землѣ, ибо верховные начальники съ честью для себя и съ пользою для другихъ единодушно подвизаются въ служеніи религіи“. Вальтеръ Венингъ явился въ 1817 году въ Петербургъ, сблизился здѣсь съ секретаремъ русскаго библейскаго общества В. М. Поповымъ, а чрезъ него и съ президентомъ этого и человѣколюбиваго общества, княземъ А. Н. Голицынымъ (Министромъ Духовныхъ Дѣлъ и Просвѣщенія), который представилъ его Императору Александру I. Внимательно выслушавъ Венинга, Императоръ выразилъ полное сочувствіе его плану тюремнаго преобразованія и повелѣлъ допустить его къ осмотру тюремъ.

Изучивъ положеніе мѣстъ заключенія, Венингъ представилъ чрезъ Голицына Императору записку, содержавшую въ себѣ общія замѣчанія о лучшемъ содержаніи тюремъ, присовокупивъ къ тому изложеніе главныхъ правилъ, на каковыхъ лондонское общество основываетъ попеченія свои о тюрьмахъ.

---

[1]) В. Никитинъ. Покровительство малолѣтнимъ дѣтямъ, Тюремный Вѣстникъ 1895 г. № 1.

Записка эта привела къ утвержденію Александромъ I-мъ 19 іюля 1819 г. „Правилъ для попечительнаго общества о тюрьмахъ", учрежденіе котораго кореннымъ образомъ измѣняетъ постановку тюремнаго дѣла.

Содержаніе записки Венинга [1]), предшествуя утвержденнымъ Александромъ I правиламъ общества, вполнѣ опредѣленно проводитъ новую мысль борьбы съ преступностью путемъ исправленія преступника человѣколюбивыми мѣрами воздѣйствія на его личность и выясняетъ исторію вопроса: „Достопочтенный соотечественникъ мой г. Джонъ Говардъ, коего человѣколюбіе было безпредѣльно и благодѣтельные труды котораго могла прекратить единая смерть, представивъ публикѣ драгоцѣнное сочиненіе о тюрьмахъ и о безчисленныхъ несовершенствахъ, каковыя находятся въ сихъ заведеніяхъ, не только въ Англіи, но и во многихъ другихъ государствахъ, которыя онъ посѣщалъ. Всѣ послѣ него занимавшіеся симъ предметомъ, присовокупили свое подвержденіе къ трогательному изображенію имъ бѣдственнаго состоянія въ тюрьмахъ страждущаго человѣка". Венингъ констатируетъ, что работа Говарда не пропала даромъ, „нынѣ настало то счастливое время, когда божественная теплота, согрѣвшая столь сильное сердце его, обратилось въ великое пламя, оживотворило многихъ и составилось общество изъ нѣсколькихъ членовъ, коихъ первою и единственною обязанностью принято приводить въ лучшее устройство тюрьмы . . . . . Недавно общество сіе составилось въ Лондонѣ и великая цѣль онаго состоитъ въ томъ, чтобы исправлять преступниковъ средствами, внушаемыми человѣколюбіемъ, т. е. разлучать ихъ съ прежними сообщниками, отдѣлить ожесточенныхъ и упорствующихъ отъ подающихъ надежду къ исправленію, пріучать ихъ къ трудамъ, наставлять въ разныхъ рукодѣліяхъ, преподавать имъ правила религіи, снабжать исправившихся нужными видами и одобреніемъ для вступленія опять въ общество честныхъ людей и доставлять средства къ

---

[2]) П. С. З. 1819 года ст. 27895 іюля 19. Высочайшій докладъ Министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ Россіи попечительнаго общества о тюрьмахъ.

пропитанію, по истеченіи назначеннаго имъ заточенію времени . . . . . ". Наставленію въ религіи и нравственности въ запискѣ Венинга отводится главное мѣсто: „Преступники обыкновенно бываютъ люди порабощенные какими-либо страстями, не вѣрующіе въ религію и не имѣющіе понятія о должностяхъ своихъ ни къ Богу, ни къ ближнему. Посему должно научать ихъ главнымъ правиламъ религіи и нравственности. . . . . Должно ихъ научать уважать совѣсть свою и познавать гласъ ея; должно удостовѣрить и глубоко впечатлѣть въ сердцахъ ихъ, что всевидящее око Божіе всегда на нихъ устремлено и устрашать ихъ показаніемъ праведнаго гнѣва Божія къ нимъ, яко грѣшникамъ, противящимся святѣйшему Его закону, но при томъ объявлять имъ и увѣрять ихъ въ готовности Его всегда прощать тѣхъ, кои съ истиннымъ раскаяніемъ къ Нему обращаются и ищутъ оправданія въ заслугахъ Іисуса Христа . . . . . Вездѣ, гдѣ сіи орудія исправленія употребляются и благоразумно приводятся въ дѣйство, великое намѣреніе при томъ человѣколюбивомъ наказаніи, исправлять преступниковъ, достигается съ успѣхомъ",

Учрежденное съ этой цѣлью въ Петербургѣ попечительное общество о тюрьмахъ получило характеръ исключительно филантропическій и существовало первое время какъ частный союзъ безъ всякихъ административныхъ полномочій и даже безъ пособій отъ казны. У Венинга была мысль передать тюрьмы въ полное завѣдываніе общества и постепенно переустроить ихъ по особому плану, но проектъ этотъ не былъ осуществленъ. Сознавая всю пользу участія просвѣщенныхъ благотворителей въ тюремномъ дѣлѣ Императоръ Александръ I не рѣшился однако поручить тюремное управленіе всецѣло частному обществу [1]). Оставляя въ вѣдѣніи правительства управленіе мѣстами заключенія, Александръ I предоставилъ обществу широкое участіе въ тюремномъ дѣлѣ проявленіемъ заботъ по содержанію въ тюрьмахъ заключенныхъ.

---

[1]) Ф. М. Малининъ. Тюремный Патронатъ. Тюремн. Вѣстникъ 1905 г.

Въ общество могли вступать лица, добровольно пожелавшія посвятить свои средства, энергію и трудъ высокой идеѣ покровительства заключеннымъ. Членами общества могли быть всѣ лица, дѣлавшія въ его пользу опредѣленные ежегодные взносы или единовременныя пожертвованія. Согласно правиламъ 19 іюля 1819 года [1]) дѣятельность общества опредѣлялась задачею нравственнаго исправленія преступниковъ и улучшенія состоянія заключенныхъ за долги по другимъ дѣламъ (ст. I) „Обязанностью общества сего будетъ, стараться о томъ, чтобы въ тюрьмахъ и мѣстахъ заключенія вводимы были по удобности пять слѣдующихъ средствъ исправленія, которыя изъяснены пространнѣе въ приложенной запискѣ, а именно: 1) ближайшій и постоянный надзоръ надъ заключенными, 2) размѣщеніе ихъ по роду преступленій или обвиненій, 3) наставленіе ихъ въ правилахъ христіанскаго благочестія и доброй нравственности, на оной основанной, 4) занятіе ихъ приличными упражненіями, 5) заключеніе провинившихся, или буйствующихъ изъ нихъ въ уединенное мѣсто (ст. II)".

Дѣлами общества завѣдывалъ комитетъ, состоявшій изъ президента, нѣсколькихъ вице-президентовъ, двѣнадцати или болѣе директоровъ, казначея и двухъ секретарей. Всѣ члены, кромѣ президента, утверждались въ ихъ званіи Государемъ, а президентъ назначался Высочайшею властью непосредственно (ст. V).

Обществу было предоставлено развивать свою тюремно-благотворительную дѣятельность въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Члены комитета имѣли право посѣщать мѣста заключенія по своему усмотрѣнію во всякое время. Все замѣченное ими они должны были сообщать комитету, а послѣдній, чрезъ президента своего, доводить о томъ, что нужнымъ признаетъ, до свѣдѣнія начальства, въ вѣдомствѣ коего состоитъ мѣсто заключенія (ст. IX). Впрочемъ право активнаго участія въ дѣятельности общества имѣли только члены комитета, обыкновенные члены общества (благотворители) созывались лишь каждый годъ въ общее

---

[1]) П. С. З. 1819 г. ст. 27895.

(генеральное) собраніе членовъ для выслушанія и утвержденія отчета комитета.

На такихъ началахъ общество это образовалось въ Петербургѣ и раздѣлилось на мужской и дамскій комитеты, которые открыли свои дѣйствія въ октябрѣ 1819 года.

Первымъ президентомъ общества былъ назначенъ князь Голицынъ. Представители Петербургскаго комитета общества съ самаго начала усердно принялись за работу и въ интересахъ дѣла, кромѣ занятій внутри мѣстъ заключенія, пропагандировали свои мысли печатными отчетами, брошюрами и книгами и этимъ способомъ вызывали интересъ и симпатію къ дѣлу въ обществѣ.

Петербургскому комитету вмѣнялось въ обязанность не ограничивать кругъ дѣятельности Петербургомъ, но и помышлять о распространеніи дѣйствій своихъ чрезъ учрежденіе подобныхъ комитетовъ по разнымъ городамъ и мѣстамъ Россіи (ст. XVI).

Имѣя своею главною задачею нравственное исправленіе содержащихся въ мѣстахъ заключенія преступниковъ и улучшеніе ихъ состоянія, общество въ самомъ началѣ своей дѣятельности встрѣтило большія затрудненія къ осуществленію своей цѣли. Ветхое состояніе тюремъ, тѣснота помѣщеній, плохое содержаніе арестантовъ, отсутствіе прямой зависимости тюремной администраціи отъ общества лишало общество способовъ прямого воздѣйствія на преступниковъ. Осуществленіе нравственнаго воздѣйствія требовало прежде всего улучшенія въ самомъ содержаніи заключенныхъ. Оставаться въ предѣлахъ филантропическихъ задачъ, не имѣя власти и способовъ поставить заключенныхъ въ лучшія условія, признавалось обществомъ не возможнымъ, но сдѣлать что либо существенное въ этомъ направленіи общество не имѣло возможности пока тюремное хозяйство всецѣло находилось въ рукахъ администраціи. Уже во второй годъ своего существованія общество начало добиваться передачи въ его вѣдѣніе тюремнаго хозяйства. Эти домоганія постепенно осуществлялись. Сначала въ 1820 году въ распоряженіе общества были переданы собираемыя для арестантовъ кружечныя деньги. Затѣмъ въ 1825 году комитеты получили въ свое распоряженіе суммы, отпускаемыя изъ городскихъ и земскихъ сборовъ на отопленіе и

освѣщеніе тюремъ. Въ 1827, 1829 и 1837 г. г. состоялась передача обществу казенныхъ суммъ, ассигнуемыхъ на продовольствіе арестантовъ, снабженіе ихъ одеждою и на ихъ леченіе. Не ограничиваясь распоряженіемъ денежною частью, общество съ 1827 года начало завѣдывать продовольствіемъ арестантовъ въ С-Петербургѣ, а въ 1844 году послѣдовалъ указъ Правительствующаго Сената о передачѣ содержанія заключенныхъ изъ вѣдѣнія полиціи въ вѣдѣніе комитетовъ общества всюду, гдѣ таковые существовали.

Такимъ образомъ постепенно общество сосредоточило въ своихъ рукахъ какъ отпускаемыя на тюремное хозяйство денежныя средства, такъ и непосредственное завѣдываніе ими. Полиція, въ вѣдѣніи которой сосредоточивалось раньше какъ хозяйственная такъ и административная часть въ завѣдываніи мѣстами заключенія, была какъ-бы устранена.

Добившись расширенія своей дѣятельности весьма сложными обязанностями обширнаго хозяйства, общество съ громаднымъ подъемомъ настроенія принялось за дѣло. Распредѣливъ многоразличныя занятія между своими членами, тюремный комитетъ образовалъ хозяйственный комитетъ и 8 отдѣленій [1]). Хозяйственный комитетъ состоялъ изъ 9 членовъ. Первое отдѣленіе завѣдывало продовольствіемъ арестантовъ, снабженіемъ ихъ одеждою и призрѣніемъ ихъ въ болѣзни. II-е отдѣленіе завѣдывало содержаніемъ тюремнаго замка, освѣщеніемъ, отопленіемъ, поправками и проч.. Въ III-мъ отдѣленіи сосредоточивались дѣла по завѣдыванію работами и занятіями арестантовъ. Въ составъ IV отдѣленія входили члены, наблюдавшіе за порядкомъ въ тюрьмѣ и нравственностью арестантовъ во всѣхъ мѣстахъ заключенія. При этомъ отдѣленіи находился священникъ. V-е отдѣленіе завѣдывало заготовленіемъ и снабженіемъ отправляемыхъ въ Сибирь и пересыльныхъ въ другія мѣста арестантовъ одеждою и обувью. Въ VI отдѣленіи сосредотачивались дѣла по продовольствію пищею арестантовъ, содержавшихся при управѣ благочинія и въ частяхъ

---

[1]) Отчетъ общества попечит. о тюрьмахъ за 1831 г. стр. 4.

города при съѣзжихъ дворахъ. VII-е отдѣленіе завѣдывало поступающими въ пользу арестантовъ пожертвованіями, подаяніями и выкупомъ содержащихся за долги арестантовъ. Въ составъ VIII отдѣленія входили врачи, завѣдывающіе тюремными больницами и аптекою.

Такая организація въ завѣдываніи дѣлами комитета была выработана опытомъ и постепенно стала признаваться обязательною для каждаго, вновь открываемаго комитета [1]).

Находясь въ непосредственномъ личномъ управленіи президента общества, Петербургскій комитетъ весьма удачно использовалъ то общественное настроеніе религіознаго и филантропическаго направленія, которымъ характеризуется эпоха царствованія Александра I.

Въ число членовъ комитета записывались лучшіе люди, составляющіе цвѣтъ интеллигенціи того времени, а въ дѣятельности общества приняли участіе крупныя личности великосвѣтскаго міра [2]).

Съ 1826 года наступила для общества особо благопріятная эпоха: оно было принято подъ Высочайшее покровительство и оживляемое Всемилостивѣйшимъ вниманіемъ, начало крѣпнуть и быстро распространяться. Желающихъ работать было больше чѣмъ нужно. Въ комитетѣ состояло болѣе 40 членовъ вмѣсто 12 требуемыхъ правилами. Члены комитета принимали на себя обязанности, записываясь по отдѣленіямъ въ зависимости отъ склонности къ той или иной отрасли дѣятельности.

---

[1]) Отчетъ общества попеч. о тюрьмахъ 1831 г. указываетъ, что: «польза такого раздѣленія, принятаго многими другими тюремными комитетами, оправдана самимъ опытомъ: ему по всей справедливости приписывать можно то благоустройство С.-Петербургскаго тюремнаго замка, до коего оный нынѣ доведенъ общими стараніями и совокупными усиліями членовъ комитета.»

[2]) По отчету общества за 1831 г. хозяйственный комитетъ составляли: графъ Д. И. Хвостовъ, графъ Ѳ. А. Толстой, графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ, князь П. С. Мещерскій, С. С. Джунковскій, Ѳ. П. Львовъ, С. Ф. Гаевскій, П. П. Поміанъ-Пезаровіусъ, Д. П. Позняковъ. Въ первомъ отдѣленіи, завѣдывающими продовольствіемъ состояло 3 члена: В. Р. Гайманъ, В. Я. Ханыковъ и О. С. Артаповъ. Въ составъ II и III отдѣленій входило 10 членовъ, въ IV отдѣленіе, надзирающемъ за порядкомъ въ тюрьмѣ и нравственнымъ исправленіемъ арестантовъ, состояли члены: Е. Б. Адеркасъ, князь Н. И Дондуковъ-Корсаковъ, А. И. Красовскій, И. П. Мятловъ и А. С. Джунковскій. Въ V отдѣленіи было 8 членовъ; въ VI, VII и VIII семь членовъ, не считая докторовъ и аптекарей.

Развивая свою энергію, общество постепенно захватывало всѣ стороны тюремной жизни, не останавливаясь передъ сложностью предстоящей задачи. Уже черезъ 10 лѣтъ послѣ открытія Петербургскаго комитета, общество приняло совершенно иной колоритъ. Первоначальная задача, положенная въ основу данныхъ обществу въ 1819 году правилъ была комитетомъ кореннымъ образомъ измѣнена, а дѣятельность значительно расширена. Въ концѣ концовъ общество выработало свою программу, которая и была принята, какъ нѣчто законченное, подлежащее лишь выполненію повсемѣстно во всѣхъ мѣстахъ заключенія, на которыя общество распространяло свою дѣятельность.

Называя себя учрежденіемъ нравственно-исправительнымъ, С.-Петербургскій комитетъ объявилъ свою программу, указывая, что существенная цѣль всѣхъ заботъ и попеченій тюремныхъ комитетовъ должна заключаться въ томъ, чтобы „доставить заключеннымъ покойное и въ нравственномъ отношеніи удобное помѣщеніе, хорошую и здоровую пищу въ достаточномъ, но не излишнемъ количествѣ, снабдить нуждающихся одеждою, бѣльемъ и обувью, призрѣть въ болѣзни страждущихъ и слабыхъ; занять здоровою работою для отвращенія ихъ отъ праздности и пріученія къ правильному употребленію своего времени; при отправленіи арестантовъ по опредѣленію закона доставить имъ все нужное въ пути и, наконецъ, препятствуя дальнѣйшей порчи ихъ нравственности во время заключенія, съ помощью св. вѣры и евангельскаго ученія приводить къ раскаянію и исправленію“. Исполненіе этихъ обязанностей признавалось обязательнымъ для всѣхъ комитетовъ, которые должны были проводить ихъ „въ совершенномъ единствѣ“ [1]).

Отчеты общества свидѣтельствуютъ, что, осуществляя свою программу, С.-Петербургскій комитетъ уже къ 30 годамъ прошлаго столѣтія ввелъ благоустройство и порядокъ въ тюрьмахъ и весьма успѣшно использовалъ суммы, отпускаемыя правительствомъ на содержаніе арестантовъ. Расходуя бережно эти суммы, комитетъ не только удовлетворилъ всѣ потребности, но имѣлъ и остатки, которые вмѣстѣ съ частными пожертвованіями шли на

[1]) Отчетъ общества за 1831 годъ стр. 2.

улучшеніе мѣстъ заключенія и положеніе содержащихся въ нихъ арестантовъ.

Петербургскій комитетъ энергично проводилъ въ жизнь всевозможныя нововведенія, устанавливая порядокъ, чистоту и удобство въ размѣщеніи арестантовъ въ С.-Петербургскихъ мѣстахъ заключенія. Затрачивая свои собственныя средства, комитетъ производилъ пристройки и перестройки въ тюремныхъ помѣщеніяхъ, принимая мѣры къ освѣженію воздуха въ комнатахъ и корридорахъ устройствомъ большихъ оконъ и дверей въ верхней части своей съ откидными форточками. Во всѣхъ закоулкахъ тюремнаго двора устроены каменные плиточные тротуары и самый дворъ посыпался пескомъ. Хозяйственный дворъ получилъ благопристойный видъ и возможность къ соблюденію его въ чистотѣ и опрятности. Въ комнатахъ, занимаемыхъ арестантами, выкрашены вновь стѣны потолки и полы. Въ нѣкоторыхъ для уничтоженія сырости поставлены печи. Окна, двери, мебель поправлены и „не упущено никакихъ даже самыхъ малѣйшихъ улучшеній, относящихся къ удобству, чистотѣ и покойному помѣщенію заключенныхъ“. Мужская и женская больница, устроенная и прекрасно оборудованная комитетомъ, гарантировали тюрьму отъ распространенія заразныхъ болѣзней среди заключенныхъ [1]).

Члены комитета лично размѣщали арестантовъ по возрасту, роду и степени виновности, наблюдая, чтобы закоренѣлые въ буйствѣ и опытные не могли развращать и запутывать въ свои преступленія молодыхъ не опытныхъ. Отчетъ общества за 1831 годъ устанавливаетъ, что, по случаю происходившихъ въ томъ году холерныхъ безпорядковъ, прислано было для содержанія въ тюремный замокъ множество бродягъ, буйныхъ праздношатавшихся людей и комитетъ отдѣлилъ сихъ послѣднихъ не только отъ прочихъ, въ замкѣ находившихся, но и самихъ ихъ размѣстилъ по возрасту и степени вины.

Продовольствіемъ арестантовъ завѣдывали члены 1-го отдѣленія, соблюдая прочно установившійся порядокъ хозяйственнаго

---

[1]) Отчетъ общества за 1831 годъ стр. 13.

заготовленія и расходованія продуктовъ подъ личнымъ присмотромъ и распоряженіемъ своихъ членовъ. Съѣстные припасы покупались непосредственно членами комитета и сдавались для храненія особому эконому, подчиненному комитету.

Для достиженія чистоты и опрятности комитетъ выработалъ особаго покроя одежду, бѣлье и обувь, которая служила также цѣлямъ предосторожности на случай побѣговъ, ибо часовые у воротъ замка и тюремные служители могли легко распознавать арестантовъ отъ постороннихъ людей, бывающихъ въ тюрьмѣ по разнымъ дѣламъ. Одежда заготовлялась комитетомъ за собственный счетъ, такъ какъ казенной одежды арестантамъ не полагалось. Бѣлье мѣнялось каждую недѣлю, послѣ бани, а обувь по мѣрѣ надобности.

Члены III отдѣленія усердно занимались организаціей арестантскихъ работъ. Комитетомъ были открыты мастерскія: картонажная, переплетная, сапожная и столярная. Вмѣстѣ съ тѣмъ арестанты занимались плетеніемъ матовъ и разщипываніемъ каната [1]). Арестантскія издѣлія поступали въ особый магазинъ, находившійся въ вѣдѣніи членовъ III-го отдѣленія.

Особое вниманіе комитета было обращено на религіозно-нравственное состояніе заключенныхъ. Заботами членовъ IV-го отдѣленія была устроена въ тюремномъ замкѣ церковь, приспособленная къ разъединенію мужскаго отъ женскаго пола и преступниковъ разныхъ категорій. Благолѣпіе тюремной церкви и украшеніе ея приводило въ восторгъ заключенныхъ и доставляло имъ истинное молитвенное настроеніе. Всѣ арестанты, кромѣ больныхъ, выводились въ церковь во всѣ воскресные, праздничные и высокоторжественные дни. По установившемуся порядку каждый разъ по окончаніи литургіи священникъ тюремной церкви проповѣдывалъ арестантамъ слово Божіе, посѣщая также арестантовъ въ ихъ комнатахъ и бесѣдуя съ ними о правилахъ вѣры и доброй нравственности и раздавалъ нѣкоторымъ изъ нихъ для чтенія

---

[1]) Отчетъ общества за 1831 г. стр. 34. Въ 1831 г. сработано арестантами издѣлій на 6049 руб. 40 коп.

книги священнаго писанія и другія наставительныя духовно-нравственнаго содержанія [1]).

Не малое вниманіе комитета было обращено на несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Отдѣливъ этихъ мальчиковъ отъ взрослыхъ, члены IV отдѣленія путемъ личнаго общенія съ ними старались воздѣйствовать на ихъ воспитаніе [2]).

Члены комитета всегда лично присутствовали при отправленіи пересыльныхъ арестантовъ въ путь. Этапъ снаряжался подъ непосредственнымъ надзоромъ членовъ V-го отдѣленія, кои снабжали арестантовъ одеждою, бѣльемъ, обувью и всѣмъ нужнымъ для пути.

Однимъ словомъ, не было ни одной стороны жизни арестанта, куда бы не проникло отечественное попеченіе членовъ общества, лично вникавшихъ въ жизнь заключенныхъ. Послѣ той обстановки заброшеннаго въ грязь темницы человѣка, которая была присуща тюремному заключенію прежняго времени, конечно, новая обстановка тюремной жизни не могла не повліять на нравственный покой заключенныхъ и смягченіе дурной воли ихъ.

Подводя итоги своей дѣятельности за первое 10-ти-лѣтіе своего существованія, общество констатируетъ [3]) „что здоровая пища, даваемая арестантамъ, опрятная ихъ одежда, наблюденіе за чистотою и хорошимъ воздухомъ въ комнатахъ, строгое размѣщеніе ихъ по роду преступленія, полу и возрасту, занятіе полезными трудами и пріохочиваніе къ онымъ, бдительный присмотръ и усердное стараніе о страждущихъ въ болѣзняхъ, заботливость при отправленіи ихъ въ мѣста назначенія и осужденія—всѣ сіи предметы наружнаго порядка и попеченія о физическомъ положеніи арестантовъ имѣли самое благопріятное вліяніе на ихъ нравственность. Огражденные отъ всѣхъ нуждъ, они

---

[1]) По отчету общества за 1831 г. въ теченіе отчетнаго года 41 человѣкъ изъ самыхъ закоренѣлыхъ арестантовъ, возчувствовавъ свои заблужденія, обратились въ нѣдра церкви, къ утѣшенію вѣры и пріобщились св. тайнъ.

[2]) По отчету общества 1831 г. членъ комитета полковникъ князь Н. И. Дондуковъ-Корсаковъ, принявъ на себя особенное попеченіе о сихъ несовершеннолѣтнихъ, съ истино отеческою заботливостью и терпѣніемъ неутомимо старался объ исправленіи ихъ нравственности, ходатайствуя и о скорѣйшемъ окончаніи ихъ дѣлъ.

[3]) Отчетъ общества за 1831 г. стр. 24.

успокаивались духомъ и обращались къ самосознанію и убѣжденію въ порочной своей жизни и проступкахъ, откуда естественнымъ образомъ проистекало начало раскаянія и умягченіе закоренѣлой дурной воли".

Заботливость о нравственномъ состояніи арестанта, о разобщеніи ихъ по полу, возрасту и роду преступленій проводилось комитетомъ со всею строгостью даже въ мелочахъ. Въ отвращеніи непріятныхъ зрѣлищъ, вызываемыхъ препровожденіемъ арестантовъ изъ тюремнаго замка по городу въ разныя присутственныя мѣста, и изъ города до заставъ пересыльныхъ арестантовъ, комитетъ устроилъ въ 1831 г. 12 крытыхъ экипажей, находя такую мѣру весьма благодѣтельною для нравственности заключенныхъ. Экипажи эти [1]) имѣли видъ каретъ, окрашенныхъ темнозеленою краскою съ дверцами и окошками, изъ коихъ первыя снабжены замками, снаружи запирающимися, а послѣдніе желѣзными рѣшетками. Внутри они были раздѣлены прочною перегородкою на двѣ половины для размѣщенія арестантовъ по ихъ полу и роду преступленій. Изъ числа 12 экипажей шесть было лѣтнихъ и столько же зимнихъ, такъ что въ каждыхъ шести могло быть размѣщено и въ одинъ разъ отправлено до 60 человѣкъ.

Результаты дѣятельности общества были очевидны. Тюремная горячка (сыпной тифъ) — этотъ бичъ тюремной жизни, свирѣпствовавшій въ былыя времена въ дореформенныхъ тюрьмахъ, при новыхъ порядкахъ вовсе прекратился [2]).

Десятилѣтній опытъ С.-Петербургскаго комитета, выработавшій опредѣленную точку зрѣнія на постановку тюремнаго дѣла, въ согласованіи его съ основными принципами данныхъ обществу правилъ 1819 года, далъ весьма положительные результаты.

Принявъ дѣло, которое не имѣло еще никакой организаціи, если не считать отдѣльныхъ, крайне отрывочныхъ правительственныхъ распоряженій по вопросамъ тюремнаго управленія, общество попечительное о тюрьмахъ было поставлено силою

---

[1]) Отчетъ общества за 1831 г. стр. 58.

[2]) Тамъ же стр. 25.

вещей въ необходимость разрѣшить тюремный вопросъ, котораго въ сущности не существовало. Періодъ тюремнаго строительства, вызванный введеніемъ въ дѣйствіе учрежденія о губерніяхъ, отдѣльныя распоряженія о выдачѣ арестантамъ опредѣленнаго содержанія на пропитаніе, въ связи съ Сенатскимъ указомъ о разобщеніи содержащихся въ мѣстахъ заключенія по полу, возрасту, роду преступленій и состоянію, далеко еще не разрѣшалъ тюремнаго вопроса.

Ко времени учрежденія общества попечительнаго о тюрьмахъ систематическаго тюремнаго законодательства не существовало и тѣмъ болѣе не было системы тюремнаго заключенія [1]). Преступника ввергали въ тюремное помѣщеніе, охраняли его отъ побѣга, давая то скудное пропитаніе, которое ему полагалось по Высочайшему повелѣнію, и только этимъ опредѣлялось его положеніе. Женщины содержались вмѣстѣ съ мужчинами, несовершеннолѣтніе со взрослыми, больные вмѣстѣ съ здоровыми и никому до этого не было дѣла. О разобщеніи арестантовъ не могло быть и рѣчи до построенія новыхъ тюремныхъ помѣщеній взамѣнъ отживающаго свой вѣкъ старорусскаго острога или еще того хуже „колодничьей избы“ при городничествѣ, которая заставляла отворачиваться прохожаго отъ „вонючихъ онучь“ арестантовъ, портящихъ воздухъ возлѣ присутственныхъ мѣстъ.

Разрѣшая тюремный вопросъ по образцу Англійской системы въ духѣ религіозно-нравственнаго исправленія преступниковъ, авторъ записки, предшествовавшей данныхъ обществу въ 1819 году правилъ, англичанинъ Вальтеръ Венингъ затронулъ лишь общій вопросъ, не коснувшись общей организаціи дѣла.

Вполнѣ естественно, что вопросъ управленія и организаціи тюремнаго дѣла долженъ былъ исходить отъ правительства, а не частнаго тюремно-благотворительнаго союза съ опредѣленными гуманитарно-филантропическими задачами. Но въ данномъ случаѣ и правительство было поставлено въ крайне затруднительное положеніе. Не имѣя вовсе своего опыта, централизовавъ лишь не-

---

[1]) Первый уставъ о содержащихся подъ стражею былъ изданъ въ 1832 г. Уставъ о ссыльныхъ составленъ въ 1822 году.

задолго до открытія общества попечительнаго о тюрьмахъ тюремное управленіе во вновь учрежденномъ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, Правительство было лишено возможности опередить опытъ почти одновременно возникшаго тюремно благотворительнаго общества. Одухотворенное идейнымъ порывомъ филантропической дѣятельности, имѣя во главѣ президентомъ общества лицо, стоящее близко къ Государю, общество захватывало инціативу организаціи тюремнаго дѣла съ такой быстротой, что Министерству приходилось лишь пользоваться добытымъ обществомъ матеріаломъ и фиксировать проекты комитетовъ.

Выработанная С.-Петербургскимъ комитетомъ программа, принятая за основаніе въ дальнѣйшей дѣятельности общества послужила началомъ къ организаціи тюремнаго дѣла и разработкѣ его въ законодательномъ порядкѣ. Изданная Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ 9 апрѣля 1831 года инструкція смотрителю губернскаго тюремнаго замка—это первыя правила внутренняго распорядка въ мѣстахъ заключенія и тюремной жизни, есть не что иное, какъ дополненная и разработанная программа, объявленная С.-Петербургскимъ комитетомъ общества попечительнаго о тюрьмахъ въ 1830 году, при чёмъ и самая инструкція составлена министерствомъ при участіи общества попечительнаго о тюрьмахъ [1]).

„Утверждаясь все болѣе въ своемъ основаніи, совершенствуясь во внутреннемъ устройствѣ и проясняя самимъ дѣломъ и опытомъ цѣль своего установленія“, общество однако не оставляло своей задачи распространять кругъ дѣйствій на губернскіе и уѣздные города [2]). Со времени своего основанія до 1826 года общество открыло 7 губернскихъ комитетовъ. Съ 1826 года

---

[1]) «Инструкція сія составлена въ Совѣтѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, пополнена и исправлена замѣчаніями С.-Петербургскаго комитета общества попечительнаго о тюрьмахъ и въ видѣ проекта разослана ко всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ отъ 9 апрѣля 1831 года, съ порученіемъ учинить надлежащее распоряженіе къ приведенію въ дѣйствіе изложенныхъ въ ней правилъ, принявъ оныя къ руководству по части тюремнаго устройства и въ уѣздныхъ городахъ, сколько мѣстныя обстоятельства и способы то позволятъ» (прилож. къ ст. 28 учрежд. и уст. о сод. подъ стражею изд. 1832 года).

[2]) Отчетъ общества за 1836 г, стр. 1.

вліяніе общества стало быстро распространяться и въ результатѣ въ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ начали открываться мѣстные комитеты. Съ 1826 г. по 1837 г. вновь открыто 38 губернскихъ комитетовъ, при чемъ въ теченіе одного только 1836 года утверждено 7 комитетовъ [1]). Въ 1840 г. общество попечительное о тюрьмахъ состояло уже изъ 42 губернскихъ и 115 уѣздныхъ комитетовъ [2]), а къ 25-тилѣтію существованія общества (1844 г.) было 49 губернскихъ и 217 уѣздныхъ комитетовъ [3]).

Губернскіе комитеты во всемъ подчинялись С.-Петербургскому комитету, получая отъ него нужныя указанія и разъясненія и слѣдуя ему въ направленіи своей дѣятельности безъ всякихъ измѣненій.

Отступивъ отъ первоначально данныхъ обществу правилъ, преслѣдовавшихъ исключительно филантропическія задачи, общество тѣмъ не менѣе строго послѣдовательно проводило въ жизнь основную цѣль духовно-нравственнаго исправленія заключенныхъ. Добиваясь расширенія правъ, захватывая въ свои руки хозяйственныя функціи и денежныя средства казны, ассигнуемыя на содержаніе арестантовъ, общество было далеко отъ мысли властвовать во что бы то ни стало. Принявъ не организованное дѣло, не имѣвшее никакихъ устоевъ, общество признало фактически невозможнымъ осуществить первоначально намѣченную правилами задачу узко филантропической дѣятельности. Только благопріятная обстановка, правильное хозяйство, чистота и опрятность могли, по мнѣнію общества, создать условія для плодотворной работы. Хозяйственная дѣятельность, распоряженіе средствами и право иниціативы въ тюремномъ дѣлѣ служили лишь средствомъ къ осуществленію основной цѣли общества. Захвативъ въ свои руки все тюремное хозяйство, получивъ право руководства постановкою тюремнаго дѣла, исчерпавъ своею программою

---

[1]) Въ губернскихъ городахъ: Митавѣ, Кишиневѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Житомірѣ, Тобольскѣ, Ригѣ и Ревелѣ (отчетъ общ.-ства за 1836 г. стр. 2).

[2]) Отчетъ общества за 1840 г.

[3]) Отчетъ общества за 1844 г.

всѣ вопросы тюремнаго дѣла, общество тѣмъ не менѣе не отклонялось отъ своей главной задачи.

Приглашая губернскія администраціи озаботиться открытіемъ въ губернскихъ городахъ тюремные комитеты, общество, разъясняя цѣль своего установленія, вовсе не касается предѣловъ власти и компетенціи комитетовъ; скромно упоминая о попечительныхъ мѣрахъ правительства о заключенныхъ, президентъ общества князь Трубецкой, прося Черниговскаго губернатора Жукова открыть въ Черниговѣ тюремный комитетъ, пишетъ: „цѣль сего общества, основанная въ точности на правилахъ св. нашей вѣры и евангельскаго ученія, состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ постояннаго наблюденія и надзора за содержащимися въ тюрьмахъ и другихъ мѣстахъ заключенія преступниками, посредствомъ наставленія ихъ въ Законѣ Божіемъ и нравственности, посредствомъ труда и занятій, при сострадательномъ и человѣколюбивомъ съ ними обхожденіи стараться дать симъ заблудившимся возчувствовать свои проступки, великость наказанія и милосердія Божія и попечительныя объ нихъ мѣры правительства, и симъ средствомъ наклонять и приводить ихъ къ раскаянію, устраняя между тѣмъ всѣ таковые случаи, при которыхъ поколебавшаяся и поврежденная уже ихъ нравственность могла бы еще болѣе испортиться.

Съ сею то благотворительною цѣлію учреждено общество попечительное о тюрьмахъ, которому и даны въ руководство правила, Высочайше утвержденныя 19 іюня 1819 года“ [1]).

Перечисляя уже затѣмъ главнѣйшія обязанности каждаго комитета, приглашеніе это содержитъ въ себѣ всю программу общества съ указаніемъ на предоставленное обществу право распоряжаться отпускаемыми казною средстами на содержаніе заключенныхъ и другія преимущества, дающія обществу право непосредственнаго завѣдыванія тюрьмами и руководства въ тюремномъ дѣлѣ.

Губернскіе тюремные комитеты составлялись изъ людей, из-

---

[1]) Арх. дѣло № 3—1841 года Черниговскаго губ. комитета. Отношеніе 18 февраля 1831 года за № 62.

вѣстныхъ въ обществѣ своею нравственностью и человѣколюбіемъ какъ изъ дворянъ, такъ и почетнаго купечества.

Губернскіе комитеты открывались и получали свое существованіе по утвержденіи Государемъ его членовъ и Высочайшаго соизволенія на открытіе такого комитета, при чемъ обязательнымъ условіемъ для открытія комитета ставилась необходимость положить въ основаніе капиталъ, хотя и небольшой, но достаточный для поддержанія первоначальныхъ дѣйствій комитета. Капиталъ этотъ составлялся изъ добровольныхъ приношеній какъ со стороны членовъ, такъ и другихъ благотворительныхъ людей. Списокъ денежныхъ пожертвованій постоянныхъ и единовременныхъ сообщался вмѣстѣ съ представленіемъ на утвержденіе членовъ комитета. Губернскіе комитеты во всемъ подчинялись С.-Петербургскому комитету и въ своей дѣятельности и организаціи старались придерживаться шаблону Петербургскаго комитета, отступая лишь въ томъ отношеніи, что учреждали меньше по сравненію съ Петербургскимъ комитетомъ отдѣленій или вовсе таковыхъ не учреждали, а ограничивались распредѣленіемъ обязанностей между отдѣльными членами, придерживаясь лишь группировки обязанностей, установленныхъ для каждаго отдѣленія Петербургскаго комитета [1]).

Губернскіе комитеты съ успѣхомъ развивали свою дѣятельность и въ короткое время достигли весьма положительныхъ результатовъ, но, къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ губернскіе комитеты далеко не могли выполнить поставленную обществомъ программу; въ особенности трудно достигалась основная задача систематическаго подраздѣленія заключенныхъ по полу, возрасту и роду преступленій [2]), потому, что тюремные замки въ многихъ губернскихъ городахъ, устроенные въ прежнее время и на другихъ началахъ, представляли мало удобства и даже возможности къ правильному размѣщенію арестантовъ. Отчеты свидѣтельствуютъ, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, по ходатайству

---

[1]) По отчету общества за 1831 годъ въ Вологодскомъ губернскомъ комитетѣ было всего 4 отдѣленія при 20 членахъ. Въ Архангельскомъ комитетѣ отдѣленій не было вовсе, а обязанности были распредѣлены между отдѣльными членами.

[2]) Отчетъ общества за 1836 годъ стр. 7.

президента общества, усердно содѣйствовалъ къ приведенію мѣстъ заключенія въ надлежащее устройство и уже въ 1836 году вопросъ тюремнаго строительства составлялъ предметъ особыхъ заботъ правительства. Тѣмъ не менѣе затрудненіе было большое и не смотря на то, что тюремные комитеты производили ежегодно изъ своихъ собственныхъ средствъ сравнительно большія затраты [1]) на перестройки въ тюремныхъ зданіяхъ, основная задача комитета за небольшимъ исключеніемъ оставалась невыполненной. Правда, въ большихъ центрахъ и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ оказывались одухотворенные новыми началами благотворители, жертвовавшіе большія суммы на тюремное дѣло, мѣстные комитеты достигали весьма положительныхъ результатовъ.

Въ значительной степени успѣхъ дѣла зависѣлъ, конечно, отъ энергіи отдѣльныхъ членовъ и господствующаго настроенія въ обществѣ. Въ то время, когда въ столичныхъ комитетахъ жертвовались огромныя суммы на улучшеніе быта заключенныхъ, въ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетахъ пожертвованія насчитывались лишь небольшими суммами [2]). Количество членовъ по отдѣльнымъ губернскимъ комитетамъ также было различно. Въ большинствѣ комитетовъ, а въ томъ числѣ и столичныхъ, число членовъ колебалось въ предѣлахъ отъ 20 до 50, а въ нѣкоторыхъ даже сравнительно большихъ центрахъ, какъ напримѣръ Кишиневскомъ, Херсонскомъ число членовъ не превышало 8-10 [3]).

Во всякомъ случаѣ общество, распространяя постепенно кругъ своей дѣятельности на всѣ города Россійской Имперіи, настойчиво проводило новую идею человѣколюбія и заботу о за-

---

[1]) Въ теченіе 1836 года комитетами употреблено на сей предметъ изъ собственныхъ суммъ 30530 руб. 28 коп. (отчетъ). Въ 1840 году израсходовано ими 9336 р. 49 к. (отчетъ). Въ 1843 году—16350 руб. 17 коп. (отчетъ).

[2]) По отчету общества 1831 года стр. 74, въ теченіе отчетнаго года въ С.-Петербургскій комитетъ поступило пожертвованій единовременно 3181 р. 11 к. и записано ежегодныхъ пожертвованій на сумму 9629 р. По Московскому комитету единовременно поступило 14573 р. 45 к. и на ежегодныя пожертвованія записано 7515 р. По Калужскому комитету всего пожертвованій поступило 271 р., по Вологодскому 210 р., по Кронштадтскому, по отчету 1836 г., всего 13 р. 85 к., по Одесскому 271 р. 32 к., въ то время, какъ въ Казанскій и Тамбовскій комитеты поступило: по первому—7110 р. 69 к. и по второму—5462 р. 30 к.

[3]) Отчеты общества за 1836, 1840 и 1843 г.г.

ключенныхъ. Придерживаясь программы общества, санкціонированной уже къ тому времени правительствомъ изданіемъ 7 апрѣля 1831 года инструкціи смотрителю губернскаго тюремнаго замка, губернскіе комитеты проводили въ жизнь, если не полностью, то хотя въ части новую организацію тюремнаго дѣла, устанавливая, если не однообразіе въ тюремныхъ порядкахъ, то во всякомъ случаѣ единство во взглядѣ на новое дѣло. Слѣдуя вездѣ, гдѣ только можно было, нововведеніямъ въ тюремномъ дѣлѣ, о которыхъ широко оповѣщалось въ отчетахъ общества и въ отдѣльныхъ разъясненіяхъ и указаніяхъ Петербургскаго комитета, губернскіе комитеты содѣйствовали введенію новыхъ началъ въ тюремномъ дѣлѣ [1]).

Въ совершенно иное положеніе стали тюремные комитеты въ уѣздныхъ городахъ. Первое учрежденіе уѣздныхъ комитетовъ [2]) послѣдовало въ 1834 году по С.-Петербургской и Вологодской губерніямъ и съ того времени до 1836 года ихъ было открыто 30 въ разныхъ губерніяхъ. Въ теченіе же одного 1836 года учреждено еще 21 комитетъ въ губерніяхъ: Петербургской, Тульской, Воронежской, Смоленской, Витебской и Пермской [3]), послѣ чего уже стали открываться такіе же комитеты и въ другихъ губерніяхъ.

Съ самаго начала учрежденія уѣздныхъ комитетовъ стало яснымъ, что эта организація завѣдыванія мѣстами заключенія къ уѣздной жизни мало примѣнима. Жизнь уѣздныхъ городовъ, похожая больше на сельскую, чѣмъ городскую, при отсутствіи на мѣстахъ интеллигентнаго класса населенія и помѣщиковъ, которые бывали въ городѣ лишь наѣздами, живя постоянно въ своихъ помѣстьяхъ, лишало возможности не только найти достаточное число состоятельныхъ людей, могущихъ посвятить себя благотворительной дѣятельности, но и набрать необходимое количество членовъ для образованія комитета. Постоянными жителями уѣздныхъ городовъ являлись лишь одни служащіе, занимающіе

---

[1]) Черниговскій губернскій комитетъ открытъ 27 марта 1838 года.

[2]) Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи уѣздныхъ комитетовъ послѣдовало 17 мая 1834 года (арх. дѣло № 3—1841 г. Черниг. губ. комитета стр. 12).

[3]) Отчетъ общества за 1836 годъ.

штатныя мѣста государственной службы, которые только и могли поддержать это новое учрежденіе.

Уже самые ранніе изъ открытыхъ въ уѣздахъ комитетовъ встрѣчали въ этомъ отношеніи большія затрудненія. Количество членовъ въ уѣздныхъ комитетахъ съ самаго начала не превышало въ большинствѣ случаевъ 5-8 человѣкъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ ихъ бывало больше и въ видѣ особаго исключенія количество ихъ достигало нормы губернскихъ комитетовъ [1]). Это обстоятельство отражалось не только на постановкѣ самаго дѣла, но затрудняло и открытіе повсемѣстно уѣздныхъ комитетовъ. Посколько сначала стали быстро открываться уѣздные комитеты, постольку въ послѣдующіе годы открытіе ихъ шло вяло. Такъ, съ 1834 года по 1837 годъ было открыто 73 комитета въ уѣздахъ, при чемъ въ одномъ только 1836 году ихъ открыто 21. Между тѣмъ въ послѣдующіе четыре года, т. е. до 1841 года, во всей Россіи ихъ открылось едва 42 [2]). Стало очевиднымъ, что организація уѣздныхъ комитетовъ пройдетъ далеко не повсюду и что филантропическое настроеніе въ провинціи вовсе не то, что было въ столицѣ въ началѣ при возникновеніи общества и губернскихъ комитетовъ.

Вообще къ сороковымъ годамъ прошлаго столѣтія, т. е. ко времени учрежденій уѣздныхъ комитетовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, въ общественномъ настроеніи произошла значительная перемѣна. Господство филантропическаго настроенія стало замѣтно ослабѣвать. Уже того подъема настроенія, которое соединяло гуманно настроенныхъ благотворителей въ дѣлѣ попеченія о тюрьмахъ не было.

---

[1]) По отчету общества за 1836 годъ въ каждомъ изъ 7-ми уѣздныхъ комитетовъ Тульской губерніи входило 6 членовъ; въ 7 уѣздныхъ комитетахъ Воронежской губерніи количество членовъ было: въ 3-хъ уѣздахъ по 5 членовъ, въ 2-хъ по 7-ми, въ одномъ—8 и только въ Павловскомъ ихъ было 12; изъ 11 уѣздныхъ комитетовъ Тамбовской губерніи въ двухъ уѣздахъ было по 6 членовъ, въ трехъ по 8, въ одномъ 9, затѣмъ въ 3-хъ 11, 12 и 13 и только въ двухъ—Моршанскомъ и Шацкомъ ихъ было въ первомъ—17, а во второмъ—18. Почти такое же положеніе было во всѣхъ уѣздныхъ комитетахъ и только какъ рѣдкое исключеніе встрѣчались уѣзды, гдѣ комитеты состояли изъ многочисленныхъ членовъ. Отчеты послѣдующихъ лѣтъ даютъ такія же данныя.

[2]) Отчетъ общества за 1840 годъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ общественный интересъ къ положенію заключенныхъ, проявившійся съ такой силой въ началѣ, постепенно сталъ угасать и въ дѣятельности самихъ членовъ общества появилась нѣкоторая апатія или скорѣе утомленіе въ дѣлѣ, требующемъ постояннаго напряженія. Въ общественномъ сознаніи начала укладываться мысль непосильной задачи осуществить намѣченную обществомъ высокую цѣль нравственнаго воздѣйствія на массу постоянно смѣняющихся въ тюрьмахъ отбросовъ человѣческаго общества. Ежедневное соприкосновеніе съ тюремными сидѣльцами, общеніе съ пьяными, нищими, бродягами въ грязной обстановкѣ тюремной жизни, конечно, требовало большого подъема настроенія и высокихъ гуманныхъ чувствъ. Искреннее желаніе добра своему ближнему и исполненіе евангелическаго ученія, доставлявшее чувство удовольствія въ періодъ общественнаго подъема настроенія въ царствованіе Александра I, обратилось съ теченіемъ времени въ обязанность или подвигъ, доступный далеко не всѣмъ. Попеченіе о тюрьмахъ съ различными многосложными обязанностями, требующими ежедневныхъ и постоянныхъ заботъ, показали обществу, что управленіе столь сложнымъ дѣломъ требуетъ громадной затраты энергіи и силъ отдѣльныхъ членовъ съ обязательнымъ выполненіемъ каждымъ изъ нихъ весьма серіозныхъ обязанностей. Стало очевиднымъ, что принятыя на себя обществомъ обязанности могутъ быть выполнены лишь при условіи обязательнаго исполненія каждымъ изъ членовъ своего долга. Попеченіе о нравственномъ положеніи заключеннаго съ основной задачей исправленія преступника, конечно, могло быть осуществимо въ большей или меньшей степени въ зависимости отъ общаго настроенія членовъ комитета, но хозяйственная дѣятельность, которую захватило общество въ полномъ объемѣ, требовала обязательной и постоянной дѣятельности членовъ общества. Почетное званіе члена общества возлагало весьма сложныя обязанности, отъ которыхъ отказаться было невозможно.

Такимъ образомъ, съ прекращеніемъ господства филантропическаго настроенія, дѣятельность общества, въ силу фактической необходимости, сосредоточилась главнымъ образомъ на хозяйственныхъ распорядкахъ въ тюрьмахъ, но и въ этомъ отно-

шеніи стали наблюдаться случаи полной апатіи къ дѣлу и стремленіе членовъ общества передать эти заботы тюремной администраціи.

Въ связи съ упадкомъ дѣятельности центральнаго комитета ослабѣла дѣятельность и губернскихъ комитетовъ.

Вступая при такихъ условіяхъ въ должность послѣ смерти въ 1841 году президента общества князя Трубецкого, новый президентъ общества графъ Бенкендорфъ [1]) сознавалъ, что существующей организаціи необходимо придать болѣе опредѣленный характеръ и ввести въ составъ управленія мѣстами заключенія элементъ, болѣе обезпечивающій правильную постановку дѣла.

Въ своемъ первомъ отчетѣ Государю о дѣятельности общества графъ Бенкендорфъ подробно излагаетъ тѣ основанія, которыя, по его мнѣнію, должны дать прочную организацію частному обществу, принявшему на себя столь сложное и отвѣтственное дѣло на пространствѣ всей Россіи: [2]) „При вступленіи моемъ въ указанное мнѣ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ поприще человѣколюбія, въ званіи предсѣдателя общества, пригласивъ первоприсутствующихъ въ губернскихъ комитетахъ и сочленовъ ихъ, единодушно мнѣ содѣйствовать въ достиженіи предназначенной обществу попечительному о тюрьмахъ цѣли, я предложилъ имъ для лучшаго въ томъ успѣха постановить непремѣннымъ правиломъ:

а) Дабы приглашаемы были въ члены какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ комитетовъ, предводители дворянства, старшія духовныя особы и начальствующіе разныхъ отраслей управленія въ губернскихъ городахъ и уѣздахъ лица, кои находятся въ постоянномъ сношеніи съ тюремными комитетами, а потому въ званіи члена ощутительно могутъ содѣйствовать на пользу арестантовъ.

б) Озаботиться приглашеніемъ въ члены, какъ изъ дворянъ, такъ и изъ купеческаго сословія людей, пользующихся общимъ

---

[1]) Указъ о назначеніи предсѣдателемъ общества графа Бенкендорфа послѣдовалъ 27 февраля 1841 года.

[2]) Отчетъ общества за 1841 годъ стр. 4.

уваженіемъ и могущихъ или значительными пожертвованіями, или, при маловажныхъ взносахъ, дѣятельнымъ участіемъ въ занятіяхъ комитета принесть существенную пользу.

в) По примѣру С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ распредѣлить между членами предметы занятій, учредивъ для каждаго особое отдѣленіе, которое бы за свою часть отвѣтствовало.

г) Пригласить уѣздныхъ предводителей дворянства къ открытію въ каждомъ уѣздномъ городѣ тюремнаго комитета".

Проводя въ жизнь эту новую идею, президентъ общества графъ Бенкендорфъ обратился ко всѣмъ вице-президентамъ губернскихъ комитетовъ, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ комитетовъ еще не было, къ гражданскимъ и военнымъ губернаторамъ, съ разъясненіемъ, которымъ ставилось безусловно обязательнымъ приглашать въ члены губернскихъ комитетовъ: губернскаго предводителя дворянства, епархіальнаго архіерея, совѣстнаго судью, губернскаго прокурора, предсѣдателей гражданской и уголовной палатъ, уѣзднаго предводителя дворянства, управляющихъ палатою государственныхъ имуществъ и удѣльною конторою, жандармскаго штабъ-офицера, старшаго врача и градскаго главу, а въ члены уѣздныхъ комитетовъ: уѣзднаго предводителя дворянства, коему и надлежало быть предсѣдательствующимъ, уѣзднаго судью, земскаго исправника, старшее духовное лицо въ городѣ, окружнаго начальника казенныхъ крестьянъ, удѣльнаго депутата, стряпчаго, уѣзднаго врача и городского голову.

Приглашая [1]) вице-президента Черниговскаго губернскаго комитета высокопреосвященнѣйшаго Павла архіепископа Черниговскаго и Нѣжинскаго и сочленовъ его „совокупными силами подвизаться на поприщѣ человѣколюбія, дабы вообще всѣ части и всѣ дѣйствія попечительнаго о тюрьмахъ общества постепенно совершенствовались и достигали вполнѣ предначертанной оному дѣлу", президентъ общества графъ Бенкендорфъ, ссылаясь на то, что попечительные о тюрьмахъ комитеты учредились почти во всѣхъ губернскихъ городахъ и только въ нѣкоторыхъ уѣзд-

---

[1]) Арх. дѣло № 3—1841 г. Черниг. губ. комитета. Отношеніе графа Бенкендорфа на имя архіепископа Черниговскаго и Нѣжинскаго 17 марта 1841 года за № 84.

ныхъ городахъ, указываетъ на необходимость открыть комитеты и во всѣхъ уѣздахъ. Для болѣе успѣшнаго открытія уѣздныхъ комитетовъ было рѣшено пригласить уѣздныхъ предводителей дворянства принять на себя заботы и хлопоты къ открытію въ каждомъ уѣздномъ городѣ комитета.

Эта мѣра дала блестящіе результаты. Президентъ графъ Бенкендорфъ свидѣтельствуетъ въ отчетѣ 1841 года, что въ теченіе десяти мѣсяцевъ послѣ этого распоряженія, благодаря энергіи уѣздныхъ предводителей дворянства, вновь открыто 23 уѣздныхъ комитета, а существующіе губернскіе и уѣздные комитеты пріобрѣли новыхъ членовъ изъ начальствующихъ лицъ, постоянно живущихъ на мѣстахъ и по должности своей находившихся въ постоянныхъ соотношеніяхъ съ тюремными комитетами.

Дѣятельность комитетовъ оживилась. Общество пріобрѣло прочныхъ членовъ изъ надежнаго элемента правительственныхъ чиновниковъ, что представлялось особенно важнымъ въ виду передачи въ безконтрольное распоряженіе общества громадныхъ казенныхъ суммъ на содержаніе арестантовъ. Общество сразу какъ бы окрѣпло и стало въ меньшую зависимость отъ случайнаго состава частныхъ благотворителей, отвѣтственность которыхъ за состояніе дѣла ничѣмъ не обезпечивалась.

Въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ подчасъ вовсе не оказывалось лицъ, желавшихъ подвизаться на почвѣ человѣколюбія и принимать участіе въ управленіи и завѣдываніи тюрьмами, новая организація дала прекрасный выходъ изъ затруднительнаго положенія. Уѣздные комитеты получили вполнѣ опредѣленную организацію. Предводители дворянства, на которыхъ были возложены всѣ заботы по открытію въ каждомъ уѣздномъ городѣ тюремнаго комитета, являлись предсѣдательствующими, а всѣ уѣздныя должностныя лица — членами комитетовъ.

Организація въ высшей степени простая, облегчавшая до крайности открытіе повсемѣстно уѣздныхъ комитетовъ.

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ оставалось только озаботиться открытіемъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ комитетовъ и организація тюремнаго дѣла, построенная на началахъ, данныхъ обществу 19 іюня 1819 года правилъ, получила бы реальное осуществленіе, имѣя во главѣ управленія тюремнымъ дѣломъ

хотя и частное общество, но состоящее въ большей части изъ лицъ, занимающихъ оффиціальное и служебное положеніе. Однако эта новая организація дала видимые результаты лишь въ самомъ началѣ. Если въ первые десять мѣсяцевъ послѣ введенія этихъ новыхъ началъ, какъ свидѣтельствуетъ отчетъ общества за 1841 годъ, открылись сразу комитеты въ 23 уѣздахъ, то въ послѣдующее время, не смотря на весьма энергичныя требованія президента общества и настойчивыя убѣжденія губернскихъ комитетовъ, тюремные комитеты въ уѣздныхъ городахъ открывались весьма вяло [1]). Причины были вездѣ одинаковыя и станутъ ясными только тогда, если прослѣдить послѣдовательное открытіе уѣздныхъ комитетовъ на пространствѣ большого района мѣстности, оставляя въ сторонѣ тѣ немногочисленные уѣздные города, гдѣ особыя условія мѣстной жизни создавали благопріятную почву для возникновенія тюремно-благотворительнаго общества.

Черниговская губернія, съ ея пятнадцатью уѣздами [2]), убѣдительно показываетъ съ какой трудностью проводилась въ жизнь организація въ уѣздахъ тюремныхъ комитетовъ и сколько времени и энергіи потребовалось, чтобы закончить положенную въ основу тюремнаго дѣла организацію тюремно-благотворительнаго управленія на мѣстахъ, облегченную даже введеніемъ въ составъ общества должностныхъ лицъ, постоянно живущихъ въ уѣздныхъ городахъ.

Первоначальное предложеніе открыть тюремные комитеты въ уѣздныхъ городахъ Черниговской губерніи послѣдовало еще въ 1838 году въ письмѣ президента общества князя В. Трубецкого на имя Черниговскаго губернатора Н. И. Жукова [3]).

Президентъ выражалъ увѣренность, что губернскій комитетъ не оставитъ употребить стараніе о приглашеніи жителей уѣздныхъ городовъ къ составленію уѣздныхъ тюремныхъ комитетовъ.

---

[1]) Въ 1843 г. тюремные комитеты открылись въ 24 уѣздныхъ городахъ, въ 1844 г.—10, въ 1845 г.—11, въ 1847 г.—21 (смотри отчеты соотвѣтствующихъ годовъ).

[2]) Борзенскій, Глуховскій, Городнянскій, Козелецкій, Конотопскій, Кролевецкій, Мглинскій, Новгородъ-Сѣверскій, Новозыбковскій, Нѣжинскій, Остерскій, Сосницкій, Стародубскій, Суражскій и Черниговскій.

[3]) Арх. дѣло № 3—1841 г. Черниг. губ. комитета. Письмо 31 марта 1838 г. за № 166.

Губернскій комитетъ, которому было передано это письмо президента, тѣмъ не менѣе никакихъ распоряженій не сдѣлалъ и никакихъ мѣръ не предпринималъ вплоть до послѣдовавшаго въ 1841 году распоряженія новаго президента общества графа Бенкендорфа о приглашеніи уѣздныхъ предводителей дворянства къ составленію въ каждомъ уѣздѣ тюремныхъ комитетовъ.

Исполняя настойчивое требованіе президента общества, губернскій комитетъ, на который были возложены заботы по открытію уѣздныхъ комитетовъ, обратился 28 августа 1841 года ко всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства „дабы благоволили учинить распоряженіе объ открытіи уѣздныхъ тюремныхъ комитетовъ“. Подробно выясняя цѣль учрежденія, организацію его и обязанности членовъ, губернскій комитетъ разъяснилъ предводителямъ дворянства, что для открытія тюремныхъ комитетовъ прежде всего требуется положить въ основаніе капиталъ хотя небольшой, но достаточный для поддержанія первыхъ дѣйствій на пользу заключенныхъ. Затѣмъ списокъ лицъ, изъявившихъ согласіе быть членами комитетовъ съ обозначеніемъ назначенныхъ ими денежныхъ пожертвованій какъ единовременныхъ, такъ и постоянныхъ, долженъ быть доставленъ въ губернскій комитетъ для представленія чрезъ президента общества на утвержденіе Государя, послѣ чего комитетъ уже можетъ получить свое существованіе [1]).

Предложеніе губернскаго комитета было принято уѣздными предводителями дворянства съ большимъ вниманіемъ, а нѣкоторые изъ нихъ проявили въ этомъ отношеніи громадную энергію. Такъ, Суражскій предводитель дворянства дѣйствительный статскій совѣтникъ Искрицкій торопился сообщить губернскому комитету [2]), что онъ выпустилъ воззваніе къ помѣщикамъ и чиновникамъ и „питаетъ надежду, что дворяне предводимаго имъ уѣзда всегда готовые по мѣрѣ возможности своей споспѣшествовать человѣколюбивымъ намѣреніямъ Августѣйшаго Монарха“, отзо-

---

[1]) Арх. дѣло № 3—1841 года Черниг. губ. комитета. Письмо президента общества на имя Н. И. Жукова 18 февраля 1831 года за № 62 и журналъ губ. комитета 30 іюня 1841 г.

[2]) Арх. дѣло № 1—1848—1868 г. Черниг. губ. ком. Отношеніе 4 февр. 1842 г. № 66.

вутся на благую цѣль учрежденія тюремнаго комитета. Свое воззваніе къ дворянамъ онъ заключаетъ: „. . . . . отстанемъ ли мы отъ общаго по благотворительности стремленія“.

Благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ Искрицкаго, пользовавшагося, очевидно, большой извѣстностью въ уѣздѣ, подписка на образованіе нужнаго капитала пошла быстро. Уже 2 іюня 1842 года [1]) Искрицкій сообщаетъ губернскому комитету, что имъ по подпискѣ собрано 242 руб. 53 к. серебромъ, но затѣмъ объясняетъ [2]), что вся эта подписка состоитъ изъ единовременныхъ взносовъ, а на ежегодныя пожертвованія „никто не отзывается“. Представляя въ томъ же году [3]) списокъ лицъ, сдѣлавшихъ пожертвованія на открытіе комитета, Искрицкій удостовѣряетъ, что никто не желаетъ записаться на постоянныя пожертвованія и просилъ указаній,—какъ быть. Получивъ разъясненіе, что лица, сдѣлавшія единовременныя пожертвованія, именуются лишь членами благотворителями, а для открытія комитета необходимо имѣть постоянныхъ членовъ, т. е. лицъ, обязавшихся ежегодными пожертвованіями и что уѣздныя должностныя лица „ни почему не могутъ отказываться быть членами комитета“, предводитель дворянства Искрицкій принялъ энергичныя мѣры и уже 25 февраля 1843 года [4]) представилъ въ губернскій комитетъ списокъ должностныхъ лицъ, обязавшихся быть членами комитета и дѣлать ежегодныя пожертвованія пока будутъ состоять въ должностяхъ. Такимъ образомъ составился первый въ Черниговской губерніи уѣздный комитетъ, въ члены котораго вошли: предводитель дворянства, уѣздный судья, старшій священникъ, окружный начальникъ, уѣздный стряпчій, уѣздный врачъ и городской голова, обязавшіеся дѣлать ежегодныя пожертвованія всѣ въ общей сложности 12 рублей 15 копѣекъ. Частныхъ лицъ, пожелавшихъ быть членами не оказалось.

Всего Искрицкимъ было собрано единовременныхъ пожертвованій 301 руб. 67 6/7 коп. и ежегодныхъ взносовъ 12 р. 15 к.

---

[1]) Арх. дѣло № 1—1848—1868 г. Черниг. губ. ком. Отношеніе 2 іюня 1842 г. № 330.
[2]) Тамъ же. Отношеніе 6 іюня 1842 г. № 336.
[3]) Тамъ же. Отношеніе отъ 24 августа 1842 г. № 479.
[4]) Арх. дѣло № 1—1848—1868 г. Черниг. губ. комитета. Отношеніе № 142.

Признавъ эти суммы достаточными для первоначальныхъ дѣйствій комитета, губернскій комитетъ постановилъ представить объ этомъ президенту общества графу Бенкендорфу и просить утвержденія означенныхъ въ спискѣ лицъ членами комитета для открытія дѣйствій Суражскаго уѣзднаго тюремнаго комитета.

11 мая 1843 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на открытіе перваго въ Черниговской губерніи уѣзднаго тюремнаго комитета съ утвержденіемъ указанныхъ выше лицъ въ званіи членовъ Суражскаго комитета. Суражскій уѣздъ въ этомъ отношеніи представляетъ исключеніе. Благодаря вліянію предводителя дворянства Искрицкаго послѣднему удалось составить капиталъ и открыть комитетъ.

Въ другихъ уѣздахъ положеніе было совершенно иное. Воззванія, выпущенныя предводителями дворянства къ помѣщикамъ, гражданамъ и духовенству, съ приглашеніемъ вступить въ члены комитета, никакихъ результатовъ не дали. Лицъ, пожелавшихъ подвизаться на поприщѣ человѣколюбія и интересующихся судьбою заключенныхъ въ уѣздахъ не оказалось. Открытая предводителями дворянства подписка на составленіе капитала хотя и небольшого, но достаточнаго для первоначальныхъ дѣйствій комитета была принята обществомъ до крайности пассивно и большинство ограничивалось незначительными единовременными взносами съ отказомъ записаться на ежегодныя пожертвованія. Въ большинствѣ же случаевъ приглашенія къ пожертвованіямъ оставлялись безъ всякаго отвѣта или сопровождались положительнымъ отказомъ.

Съ неменьшей пассивностью отнеслись къ воззванію и должностныя лица уѣзда, или вовсе не отвѣчая на приглашеніе, или ограничиваясь небольшимъ пожертвованіемъ на открытіе комитета.

Выходя изъ затруднительнаго положенія, нѣкоторые предводители дворянства устраивали совѣщанія изъ должностныхъ лицъ, которыхъ было предписано приглашать въ члены комитета, но и совѣщанія эти существенной пользы дѣлу не принесли. Члены совѣщанія ограничивались незначительной подпиской между собою, причемъ и здѣсь желающихъ подписаться на ежегодные взносы не оказывалось.

На повторныя требованія губернскаго комитета объ ускореніи открытія комитетовъ въ уѣздныхъ городахъ предводители дворянства представляли въ губернскій комитетъ весьма не утѣшительныя свѣдѣнія.

Остерскій предводитель дворянства удостовѣрялъ [1]), что въ г. Острѣ купечества нѣтъ, городъ расположенъ въ сторонѣ отъ путей, жители бѣдны, что „не въ состояніи даже ветхихъ крышъ на своихъ строеніяхъ исправить и ежели сломать оные подобно другимъ городамъ, то едва ли останется въ городѣ домиковъ 40. Дворяне въ уѣздѣ живутъ самые бѣдные, что можно видѣть изъ того, что въ уѣздѣ состоитъ до 5000 душъ помѣщичьихъ крестьянъ, изъ коихъ 2500 душъ принадлежатъ дворянамъ другихъ уѣздовъ. Остальные мелкопомѣстные дворяне сами нуждаются въ пропитаніи“, а потому собрать капиталъ хотя бы и небольшой на открытіе комитета положительно невозможно.

По Сосницкому уѣзду предводитель дворянства Скоропадскій писалъ въ губернскій комитетъ [2]), что онъ отнесся къ 15 дворянамъ, прося ихъ принять званіе членовъ уѣзднаго комитета, а должностныхъ лицъ, коихъ надлежало пригласить ко вступленію въ члены, просилъ прибыть въ засѣданіе, но такъ какъ первые даже не отвѣтили, а вторые вовсе не явились въ засѣданіе, то онъ не видитъ возможности открыть комитетъ. Затѣмъ нѣкоторое время спустя на запросъ губернскаго комитета Скоропадскій пишетъ, что вновь обратился съ убѣдительной просьбой къ дворянамъ съ приглашеніемъ пожертвовать на открытіе комитета и ему удалось собрать 18 руб. 5 к. серебромъ и мѣдными 40 копѣекъ Что же касается чиновниковъ (исправника, судьи, духовнаго лица, стряпчаго, городского головы и т. д.), то на приглашеніе вступить въ члены комитета они вовсе не „отзываются“ и „онъ вновь отнесся къ нимъ“.

Мглинской предводитель дворянства сообщаетъ 28 марта 1842 года [3]), что онъ выпустилъ воззваніе къ дворянамъ и куп-

---

[1]) Арх. дѣло № 1—1848—1868 г. Черниг. губ. комит Отношеніе 7 мая 1843 г. № 259.

[2]) Тамъ же. Отношеніе отъ 9 февраля 1842 г. № 112.

[3]) Арх. дѣло № 1—1848—1868 г. Черниг. губ. ком. Отношеніе 28 марта 1842 г. № 170.

цамъ и пригласилъ къ вступленію въ члены комитета указанныхъ въ разъясненіи должностныхъ лицъ, которые уже изъявили готовность вступить въ члены, сдѣлавъ между собою подписку, которая въ подлинникѣ препровождается. Оказалось, что подписка эта состояла лишь изъ единовременныхъ пожертвованій въ слѣдующихъ суммахъ:

Предводитель дворянства .	1	руб.	— коп.
Уѣздный судья . . .	3	„	50 „
Земскій исправникъ . .	2	„	— „
Уѣздный стряпчій . . .	1	„	50 „
Уѣздный врачъ . . .	1	„	50 „
Протоіерей	1	„	$42^{6}/_{7}$ „
Городской голова . . .	1	„	— „
Всего . . .	11	руб.	$92^{6}/_{7}$ коп.

Разъясняя, что для открытія комитета необходимо имѣть членовъ, обязавшихся на ежегодныя пожертвованія, губернскій комитетъ просилъ предводителя дворянства предложить этимъ чиновникамъ записаться на ежегодныя пожертвованія, принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ мѣры къ умноженію капитала до 300 рублей, какъ это признано достаточнымъ для открытія Суражскаго комитета.

Положеніе во всѣхъ уѣздахъ было одинаковое. Наибольшее затрудненіе состояло въ составленіи путемъ пожертвованій капитала для первоначальныхъ дѣйствій комитета, безъ чего не могъ быть открытъ и самый комитетъ. Минимальною суммою признавалось по примѣру собранныхъ Суражскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Искрицкимъ 300 рублей, подписку на которые требовалъ губернскій комитетъ во что-бы то ни стало.

Губернскій комитетъ, сознавая всю безцѣльность дальнѣйшихъ настояній, вовсе пересталъ настаивать на открытіи уѣздныхъ комитетовъ и пріостановился даже перепискою по этому вопросу.

Этотъ моментъ совпадаетъ вообще съ упадкомъ дѣятельности и въ губернскомъ комитетѣ. Принявшіе на себя при открытіи губернскаго комитета различныя обязанности члены комитета постепенно стали обнаруживать полную апатію къ дѣлу.

Еще въ 1843 году завѣдывающій арестантскими работами графъ Милорадовичъ отказался отъ завѣдыванія работами, послѣ послѣдовавшаго изъ Петербурга разъясненія, что графу надлежитъ самому вести дѣло, а не возлагать распоряженій по работамъ и продажѣ издѣлій на смотрителя тюремнаго замка, ибо смотритель не можетъ соединять въ одномъ лицѣ полицейскую власть и завѣдывать какою нибудь отраслью хозяйства, которое должно лежать только на членахъ комитета [1]). Въ 1846 году завѣдывавшій до того времени продовольствіемъ арестантовъ членъ комитета Глѣбовъ также отказался отъ своихъ обязанностей и комитетъ, не найдя другого выхода, постановилъ сдать продовольствіе арестантовъ съ подряда поставщикамъ, но съ тѣмъ, чтобы смотритель тюремнаго замка выдавалъ имъ квитанціи на доставленный продуктъ, по которымъ губернскій комитетъ и производилъ бы оплату поставки [2]). Журналами комитета 1846 года устанавливается, что вообще всѣ тѣ лица, между которыми были распредѣлены обязанности по тюрьмѣ, не исполняютъ своихъ обязанностей и даже священникъ Стефановскій пересталъ посѣщать арестантовъ. Нѣсколько позже губернскій комитетъ вынужденъ былъ разсматривать въ засѣданіи ревизію губернскаго прокурора [3]) который устанавливаетъ, что въ губернской тюрьмѣ арестанты распредѣляются по камерамъ не по роду преступленій, „споднее платье арестантовъ никогда не вымывается, а находится на арестантахъ безъ перемѣны до тѣхъ поръ, пока не придетъ въ рубище“ между тѣмъ какъ при тюрьмѣ кромѣ трехъ служителей находится еще двѣ кухарки, нанимаемыя изъ собственныхъ суммъ комитета, которыя въ свободное время могли бы мыть бѣлье; казенная одежда хранится небрежно; нужныя мѣста и дворъ содержатся въ полномъ безпорядкѣ; одежда въ книгу не записана; въ книгу подаяній не записывались пожертвованныя деньги; провизія выдается на кухню не въ полномъ количествѣ; арестанты

---

[1]) Журналъ губ. комитета 1 февраля 1843 года.

[2]) Журналъ комитета 14 января 1846 года.

[3]) Журналъ губ. комитета 20 іюня 1849 г.

для слушанія божественныхъ литургій никогда въ церковь не выводятся и т. д..

Послѣдовавшая въ 1844 году кончина президента общества графа Бенкендорфа внесла еще большій упадокъ въ дѣятельность общества, которая, вѣроятно, вовсе прекратилась бы, если бы не энергичный запросъ, послѣдовавшій въ 1845 году новаго президента общества графа Орлова о томъ, что сдѣлано во исполненіе Высочайшей воли, изложенной въ циркулярномъ предписаніи бывшаго президента общества графа Бенкендорфа отъ 17 марта 1841 года за № 84 объ открытіи въ каждомъ уѣздномъ городѣ попечительныхъ о тюрьмахъ комитетовъ.

Какъ бы очнувшись, губернскій комитетъ, усмотрѣвъ, что дѣло вовсе заглохло, посылаетъ предводителямъ дворянства цѣлый рядъ подтвержденій, что бы они „приняли на себя заботливость и личное соучастіе къ достиженію всевозможности открыть уѣздные тюремные комитеты“.

Воззваніе это, какъ и первое приглашеніе, дало одинаковые результаты: отвѣтовъ или вовсе не послѣдовало или повторялись удостовѣренія въ невозможности собрать достаточный капиталъ на открытіе комитета.

Впрочемъ и въ данномъ случаѣ было исключеніе. Новозыбковскій уѣздный предводитель дворянства успѣлъ организовать комитетъ, открытіе котораго послѣдовало 4 марта 1846 года.

Такое неопредѣленное положеніе продолжалось до 1848 года, когда ставшій во главѣ губернскаго комитета, въ качествѣ вице-президента общества, Черниговскій губернаторъ Гессе началъ настойчиво добиваться открытія уѣздныхъ комитетовъ, указывая, что учрежденіе въ уѣздахъ тюремныхъ комитетовъ есть воля Государя.

Настаивая на скорѣйшемъ открытіи уѣздныхъ комитетовъ, вице-президентъ разъяснялъ, что положительныхъ правилъ о томъ, сколько именно нужно собрать благотворительныхъ суммъ для испрошенія на открытіе комитетовъ не установлено, но при открытіи въ Суражѣ и Новозыбковѣ попечительныхъ о тюрьмахъ комитетовъ было собрано до 300 рублей и Государь Императоръ

изъявилъ свое согласіе на открытіе этихъ комитетовъ [1]), при этомъ губернаторъ указывалъ, что составленіе этой суммы теперь значительно облегчено, такъ какъ деньги, которыя отпускаются изъ казны на продовольствіе арестантовъ, за открытіемъ въ городахъ комитетовъ уже не могутъ поступать въ распоряженіе городскихъ полицій, а будутъ выдаваться въ непосредственное вѣдѣніе комитетовъ и если при соблюденіи экономіи будутъ оставаться сбереженія, то они должны причисляться къ общему капиталу, собранному для поддержанія первоначальныхъ дѣйствій комитетовъ [2]).

Не останавливаясь въ рѣшительныхъ мѣрахъ къ настойчивымъ требованіямъ открыть въ уѣздахъ тюремные комитеты, вице-президентъ губернскаго комитета не скупился на подтвержденія, проявляя въ этомъ отношеніи необыкновенную энергію.

Тѣмъ не менѣе вѣсти изъ уѣздовъ получались далеко не благопріятныя.

Глуховскій предводитель [3]) возобновилъ свою заботливость къ достиженію возможности открыть попечительный о тюрьмахъ комитетъ, но такъ какъ собранный по подпискѣ до того времени капиталъ недостаточенъ даже для поддержанія „самомалѣйшихъ“ первоначальныхъ дѣйствій комитета въ пользу заключенныхъ и больше пожертвованій не поступаетъ, то онъ не предвидитъ болѣе никакихъ средствъ къ открытію комитета.

Козелецкій предводитель дворянства [4]) вновь приглашалъ дворянъ письменными къ нимъ отзывами, а купцовъ и мѣщанъ личными убѣжденіями, но никто изъ нихъ согласія не изъявилъ.

На приглашеніе Нѣжинскаго предводитель дворянства [5]) никто изъ помѣщиковъ, гражданъ и духовенства не согласился всту-

---

[1]) Журналъ губ. комитета 8 ноября 1848 г.

[2]) Высочайшее повелѣніе о предоставленіи комитетамъ права обращать въ экономическія суммы остатки отъ суммъ, отпускаемыхъ казною на продовольствіе арестантовъ распубликовано 3 сентября 1843 года.

[3]) Арх. дѣло № 1—Губ. коммтета 1848—1868 г г. стр. 15.

[4]) Арх. дѣло № 1—губ. комитета 1848—1868 г.г. стр. 69.

[5]) Арх. дѣло № 1—губ. комитета отношеніе 29 августа 1848 г. за № 550 и 29 октября 1848 г. за № 817.

пить въ члены комитета. Пожертвованій собрано недостаточно. Предводитель дворянства обращался къ архимандриту Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря и городскому головѣ о содѣйствіи ему, но удовлетворительныхъ отвѣтовъ и отъ нихъ не получилъ.

Конотопскій предводитель дворянства Костенецкій сообщалъ [1]) въ губернскій комитетъ, что онъ сдѣлалъ представленіе губернскому предводителю дворянства объ испрошеніи разрѣшенія на созывъ дворянскаго собранія для изысканія средствъ на составленіе суммы, необходимой на открытіе въ Конотопѣ тюремнаго комитета.

Получивъ отказъ, предводитель дворянства увѣдомилъ губернскій комитетъ, что онъ все же думаетъ воспользоваться предстоящимъ по какому-нибудь случаю дворянскимъ собраніемъ, а пока послалъ „отзывы исправнику, окружному начальнику и городскому головѣ, дабы они приняли соучастіе на приглашеніе лицъ на денежное пожертвованіе“.

Кролевецкій предводитель дворянства сообщаетъ въ губернскій комитетъ [2]) 8 декабря 1848 года, что со времени открытія въ 1842 г. подписки на составленіе капитала для открытія тюремнаго комитета при всѣхъ его стараніяхъ такой суммы состоитъ не болѣе 20 руб. серебромъ, а потому онъ вновь обратился къ помѣщикамъ и другимъ лицамъ съ приглашеніемъ ихъ участвовать въ пожертвованіи и быть членами комитета. Затѣмъ 18 апрѣля 1849 года онъ пишетъ, что разсчитываетъ дать благопріятный отвѣтъ послѣ предстоящаго 28-го апрѣля съѣзда дворянства для выборовъ кандидата на должность межевого судьи и „что о послѣдствіяхъ его въ этомъ разѣ предположеній съ стремленіемъ споспѣшествовать благому намѣренію правительства онъ неумедлитъ увѣдомить губернскій комитетъ“. Но уже 27 іюня 1849 года онъ увѣдомляетъ, что приглашалъ и дворянъ и купечество и лично, и письменно, однако до настоящаго времени пожертвованной суммы составляется не болѣе 30 руб. серебромъ,

---

[1]) Арх. дѣло № 1—1848—1868 г. губ. комитета стр. 19 и 83.

[2]) Арх. дѣло № 1—1848—1868 г. губ. комитета стр. 5, 33 и 45.

да остаточныхъ отъ содержанія арестантовъ прежнихъ лѣтъ имѣется 112 руб. 92 коп.

Мглинскій предводитель дворянства Покорскій-Жоравка сообщаетъ 21 апрѣля 1849 года списокъ поступившихъ съ 1843 по 1849 г. [1]) пожертвованій въ суммѣ 104 руб. 50 коп., а затѣмъ, побуждаемый вице-президентомъ губернскаго комитета, 28-го октября 1849 года увѣдомляетъ, что собралъ еще 307 руб. 55 к., что съ прежними составитъ 412 руб. 05 коп., при чемъ онъ лично обязуется жертвовать ежегодно изъ своей экономіи 50 пудовъ ржаной муки, да кромѣ того отъ колежскаго регистратора Ѳ. Нозры послѣдовало ежегодное пожертвованіе—5 пуд. ржаной муки и колежскаго ассесора Тишкова 10 пудовъ ржаной муки.

Стародубскій уѣздный предводитель дворянства Лайкевичъ увѣдомилъ губернскій комитетъ [2]), что, вслѣдствіе послѣдовавшаго на его имя въ 1841 году отношенія объ открытіи тюремнаго комитета, онъ приглашалъ помѣщиковъ и купечество изъ почетнѣйшихъ лицъ принять участіе въ этомъ благотворительномъ дѣлѣ, но на отзывы его никто изъ помѣщиковъ не изъявилъ согласія принять на себя званіе членовъ комитета, а только нѣкоторые сдѣлали денежное пожертвованіе, составляющее вообще 42 руб. 85 коп. серебромъ. „Пріемля въ соображеніе, что капиталъ сей едва ли будетъ достаточенъ и для первоначальныхъ дѣйствій, онъ не приступаетъ къ открытію комитета и долгомъ считаетъ предварительно донести о сихъ обстоятельствахъ на благоусмотрѣніе губернскаго комитета и ожидать его разрѣшенія“.

Каждое такое сообщеніе изъ уѣзда подробно разсматривалось губернскимъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора какъ вице-президента комитета и тотчасъ посылались разъясненія съ настойчивыми убѣжденіями „неоставить позаботиться объ изысканіи другихъ всевозможныхъ способовъ къ умноженію капитала, имѣя при этомъ въ виду, что на основаніи правилъ уѣздный комитетъ долженъ составиться кромѣ

---

[1]) Арх. дѣло № 1—1848—1868 г. губ. комитета стр. 35 и 74.

[2]) Арх. дѣло № 1—1848—1868 г. губ. комитета стр. 8.

членовъ изъ частныхъ лицъ, дѣлающихъ постоянныя пожертвованія, изъ членовъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства: уѣзднаго судьи, городничаго, земскаго исправника, окружнаго начальника государственныхъ имуществъ, уѣзднаго стряпчаго, городового и уѣзднаго врачей, старшаго въ городѣ духовнаго лица и городского головы, такъ какъ всѣ таковыя лица всегда готовыя способствовать исполненію Высочайшей воли, обязаны каждый изъ нихъ объявить отъ себя ежегодное денежное пожертвованіе".

Однако чиновники записывались въ члены [1]) комитетовъ неохотно и на личныя убѣжденія предводителя дворянства старались ограничиться единовременными взносами, избѣгая принимать на себя записку на ежегодныя пожертвованія.

Въ большей же части чиновники или вовсе отказывались принять участіе въ дѣятельности комитетовъ или прямо не отвѣчали на посылаемые имъ запросы. Сосницкій предводитель дворянства пишетъ 29 іюля 1849 года [2]), что земскій исправникъ и окружный начальникъ изъявили готовность быть членами комитета и дѣлать ежегодныя пожертвованія сколько будетъ установлено, но отъ другихъ должностныхъ лицъ ни отъ одного отзывовъ удовлетворительныхъ и по настоящее время не получено. Затѣмъ 8 ноября 1849 года онъ же сообщаетъ, что еще согласились быть членами городовой и уѣздный врачи, да уѣздный стряпчій, отъ другихъ же лицъ, долженствующихъ составить тюремный комитетъ, какъ-то: засѣдателей уѣзднаго и земскаго судовъ да старшаго въ городѣ духовнаго лица, то отъ таковыхъ и до настоящаго времени отвѣтовъ не получено, не смотря на третичное напоминаніе.

Мглинской предводитель дворянства жаловался [3]), что земскій исправникъ Бруевичъ, который былъ приглашенъ сдѣлать пожертвованіе въ пользу Мглинскаго тюремнаго комитета отзы-

---

[1]) Арх. дѣло № 1—1848—1868 г. губ. комитета стр. 41 и журналъ губ. комитета 13 іюня 1849 г.

[2]) Арх. дѣло губ. комитета № 1 1848—1868 г. стр. 55, 78.

[3]) Арх. дѣло губ. комитета № 1 1848—1868 г. стр. 81.

вался, что онъ по неимѣнію недвижимаго имѣнія въ Мглинскомъ уѣздѣ и по обремененію его большимъ семействомъ не въ состояніи сдѣлать никакого пожертвованія.

Нѣжинскій благочинный жаловался губернатору, что съ него неправильно взыскиваютъ 10 рублей за два года, такъ какъ онъ вовсе не хотѣлъ быть членомъ комитета, а его записалъ письмоводитель дворянства и онъ вовсе не старшее лицо въ городѣ.

Видя безпомощное положеніе, уѣздныхъ предводителей дворянства и побуждаемый президентомъ общества графомъ Орловымъ, торопиться открытіемъ въ уѣздныхъ городахъ тюремныхъ комитетовъ, гражданскій губернаторъ Гессе рѣшилъ помочь предводителямъ и привлекъ къ содѣйствію въ дѣлѣ сбора пожертвованій на открытіе комитетовъ должностныхъ лицъ уѣзднаго стряпчаго и городского голову [1]) съ тѣмъ, чтобы они съ своей стороны употребили всевозможное стараніе къ приглашенію лицъ къ благотворительнымъ пожертвованіямъ, имѣя въ виду, что учрежденіе тюремныхъ комитетовъ есть воля Государя Императора, пекущагося какъ о благѣ всѣхъ вѣрноподданныхъ, поступавшихъ по пути истины и добрыхъ дѣлъ, такъ и объ исправленіи нравственности заключенныхъ въ тюрьмахъ.

Распоряженіе это, однако, дѣлу не помогло; если предводитель дворянства, самое вліятельное лицо въ уѣздѣ, оказался безсильнымъ склонить общество къ проявленію благотворительности въ тюремномъ дѣлѣ, то естественно участіе стряпчаго и головы не могло помочь дѣлу.

Въ особенности затрудняла предводителей дворянства установившаяся какъ то сама собою система подписки на пожертвованіе. Губернскій комитетъ устанавливаетъ какъ общее явленіе, что деньги по подписному листу только значились, но въ дѣйствительности не поступали. Еще въ 1845 году комитетъ обратилъ вниманіе предводителей дворянства на это обстоятельство и просилъ принять мѣры ко взысканію съ подписчиковъ записанныхъ ими къ пожертвованію суммъ. Въ 1846 году президентъ

---

[3]) Арх. дѣло губ. комитета № 1 1848—1868 г. стр. 6.

общества графъ Орловъ обратилъ на это вниманіе, предлагая озаботиться выясненіемъ подписанной жертвователями, но не внесенной, суммы и взыскать ее. По выясненіи этихъ недоимокъ, оказалось, что и сами члены губернскаго комитета не внесли записанныя ими пожертвованія съ самаго начала открытія губернскаго комитета [1]).

Тѣмъ не менѣе съ 1849 года губернскій комитетъ началъ принимать энергичныя мѣры ко взысканію черезъ полицію и даже судомъ подписанныхъ разными лицами суммъ и разъяснилъ предводителямъ дворянства, что все количество денегъ, какое значится за подписчиками, слѣдуетъ взыскать съ нихъ за всѣ прежніе годы, начиная съ 1842 года, потому, что означенныя лица обязались вносить ежегодно пожертвованіе; на случай же таковыя лица уже умерли или изъ должностей выбыли, то сказанныя деньги слѣдуетъ взыскать съ имѣнія умершихъ по день смерти, а съ уволенныхъ по день выбытія [2]).

Новгородсѣверскій и Остерскій предводители дворянства были поставлены въ этомъ отношеніи въ особо тяжелыя условія. Первый потому, что изъ 28 лицъ, подписавшихся на подписномъ листѣ, ходившемъ по рукамъ съ 1842 по 1849 г. наиболѣе крупные жертвователи умерли, а семь человѣкъ выбыли на жительство въ другія мѣста [3]), второй потому, что подписка дѣлалась лицами лишь наѣзжавшими въ уѣздъ, но жившими въ другихъ губерніяхъ [4]).

Мглинскій предводитель дворянства представилъ на утвержденіе списокъ лицъ, обязавшихся ежегодно жертвовать въ пользу заключенныхъ:

Предводитель дворянства . .	5 руб.	— к.
Уѣздный судья	2 „	— „
Земскій исправникъ . . .	2 „	— „

---

[1]) Журналъ губ. комитета 20 декабря 1846 г.

[2]) Арх. дѣло губ. комитета № 1 1848—1868 г. стр. 26. Отношеніе губерн. комитета 29 марта 1849 года за № 76.

[3]) Арх. дѣло губ. комитета № 1 1848—1868 г. стр. 90.

[4]) Арх. дѣло губ. комитета № 1 1848—1868 г.

Благочинный	1 руб. 50 к.
Уѣздный стряпчій . . .	1 „ — „
Уѣадный врачъ	1 „ 25 „
Городской голова . . .	— „ 10 „
	12 руб. 85 к. [1]).

Но оказалось что никто изъ нихъ денегъ не вносилъ съ самаго начала открытія подписки.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ объ учрежденіи тюремныхъ комитетовъ въ уѣздныхъ городахъ Черниговской губерніи вплоть до изданія 7 ноября 1851 года устава общества.

Впрочемъ 27 августа 1850 года благодаря стараніямъ Мглинскаго предводителя дворянства Покорскаго-Жоравко послѣдовало Высочайшее соизволеніе на учрежденіе въ городѣ Мглинѣ попечительнаго о тюрьмахъ комитета съ утвержденіемъ въ званіи членовъ онаго: предводителя дворянства, судьи уѣзднаго суда, городничаго, протоіерея Успенскаго собора, городового врача, уѣзднаго врача, князя Львова, штабъ-ротмистра Мишина и и. д. письмоводителя канцеляріи предводителя дворянства Бѣлофастова.

Интересно, что губернскій комитетъ, увѣдомляя предводителя дворянства объ открытіи Мглинскаго комитета, просилъ его озаботиться учрежденіемъ въ семъ комитетѣ, по примѣру Петербургскаго комитета установленнаго числа отдѣленій, которыя бы, отвѣтствуя каждый членъ за свою часть, завѣдывали различными обязанностями по тюрьмѣ.

Такимъ образомъ въ теченіе цѣлаго десятилѣтія, т. е. съ 1841 по 1851 г. при постоянныхъ заботахъ президента общества объ учрежденіи въ каждомъ изъ уѣздовъ тюремнаго комитета, открыто въ 15-ти уѣздахъ Черниговской губерніи лишь три уѣздныхъ комитета.

Между тѣмъ добившись передачи въ свое вѣдѣніе почти всей организаціи тюремнаго дѣла и получивъ въ свое распоряженіе казенныя суммы на содержаніе арестантовъ, общество рас-

---

[1]) Арх. дѣло губ. комитета № 1 1848—1868 г. стр. 91.

ширило кругъ своихъ дѣйствій до такихъ предѣловъ, что стало необходимымъ озаботиться передать это дѣло въ надежныя руки. Правительство не могло не видѣть тѣхъ затрудненій, которыя испытываетъ общество въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, напрягая всѣ усилія, чтобы привлечь частную благотворительность и мѣстное населеніе къ участію въ тюремномъ дѣлѣ. Становилось болѣе чѣмъ очевиднымъ, что общество, оставаясь частнымъ союзомъ, не будетъ въ состояніи справиться съ задачею, которая казалась столь простой въ началѣ при общемъ подъемѣ филантропическаго настроенія. Добровольное участіе благотворителей, какъ частныхъ лицъ въ дѣлѣ, развившемся до степени отдѣльной отрасли государственнаго управленія, весьма мало обезпечивало не только правильную постановку дѣла, но и самую возможность веденія его. Громадныя суммы, поступающія въ распоряженіе общества, при отсутствіи лицъ, обязанныхъ или желающихъ принять на себя отвѣтственность за нихъ, ставили общество въ крайне затруднительное положеніе. Безотвѣтственность частныхъ благотворителей за невыполненіе ими принятыхъ на себя обязанностей еще болѣе усугубляло положеніе.

Почетное званіе члена комитета, не налагая обязательства служить дѣлу во что-бы то ни стало, лишало общество возможности подобрать составъ активныхъ дѣятелей (работниковъ), желающихъ принять на себя весьма обременительныя обязанности хозяйственнаго или денежнаго характера.

Если въ такихъ крупныхъ центрахъ, какъ въ обѣихъ столицахъ, не было недостатка въ активныхъ дѣятеляхъ, то общество не находило ихъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ.

Обстоятельство это было подмѣчено слишкомъ поздно. Общество успѣло уже сосредоточить въ своихъ рукахъ громадное дѣло, съ которымъ нужно было справиться во что-бы то ни стало.

Президентъ общества графъ Бенкендорфъ, при вступленіи своемъ въ 1841 году въ должность, казалось нашелъ выходъ изъ этого положенія, предложивъ на мѣстахъ пополнить ряды недостающихъ работниковъ изъ числа служащихъ правительству лицъ, занимающихъ отвѣтственныя должности и возложивъ въ уѣздахъ

всю отвѣтственность за положеніе дѣла на уѣздныхъ предводителей дворянства.

Эта новая организація несомнѣнно укрѣпила положеніе общества. Благодаря вліятельности въ уѣздахъ предводителей дворянства, а въ губернскихъ городахъ вице-президентовъ, общество пріобрѣло цѣлый рядъ новыхъ членовъ изъ служебныхъ лицъ, которыя и приняли на себя наиболѣ отвѣтственныя обязанности по тюремному хозяйству. Если не прямая отвѣтственность передъ частнымъ обществомъ, то во всякомъ случаѣ косвенная отвѣтственность новыхъ членовъ по долгу государственной службы вполнѣ обезпечила принятыя на себя обществомъ функціи тюремнаго управленія въ государствѣ.

Постепенно всѣ мѣстные комитеты стали обезпечивать себя членами изъ служебнаго персонала и къ 1851 году, какъ свидѣтельствуютъ отчеты, почти всѣ комитеты были составлены на мѣстахъ изъ лицъ, занимающихъ должности въ судебныхъ и присутственныхъ мѣстахъ [1]).

Такимъ образомъ новая организація мѣстныхъ комитетовъ по системѣ президента общества графа Бенкендорфа дала весьма положительные результаты. Оставалось только сдѣлать обязательнымъ участіе чиновниковъ въ обществѣ и комитеты навсегда были бы обезпечены надлежащимъ числомъ активныхъ дѣятелей. Это обстоятельство, въ связи съ расширеніемъ круга дѣйствій общества и накопленіемъ громаднаго матеріала изданныхъ со времени учрежденія въ 1819 г. общества узаконеній, разъясненій и правилъ по тюремной части, привело правительство къ заключенію въ необходимости систематизировать матеріалъ, дать болѣе опредѣленную организацію обществу и обезпечить самое существованіе его.

Съ этою цѣлью министерство приступило къ разработкѣ новаго устава общества попечительнаго о тюрьмахъ, который былъ законченъ въ 1851 году и, будучи разсмотрѣнъ въ Государственномъ Совѣтѣ, получилъ Высочайшее утвержденіе 7 ноября того-же года.

---

[1]) Отчетъ общества за 1851 г. стр. 1.

Уставъ общества 7 ноября 1851 года по существу своему не представлялъ изъ себя ничего новаго. Въ основу его положены правила данныя обществу 9 іюля 1819 года, видоизмѣненныя всѣми послѣдующими завоеваніями общества въ области хозяйственной и административной жизни тюремнаго дѣла. Существенное нововведеніе представляетъ лишь организація самаго общества, но и въ данномъ случаѣ въ основаніе новой конструкціи положена проведенная въ жизнь система президента общества графа Бенкендорфа, обезпечивающая составъ мѣстныхъ комитетовъ надежнымъ элементомъ служащихъ въ провинціи должностныхъ лицъ.

Вся реформа была направлена къ тому, чтобы создать прочную организацію комитетовъ и найти постоянныхъ членовъ, которые могли бы нести на мѣстахъ отвѣтственныя обязанности, возлагаемыя обществомъ на своихъ членовъ. Десятилѣтній опытъ примѣненія организаціи данной обществу въ частномъ порядкѣ графомъ Бенкендорфомъ показалъ, что система эта вполнѣ обезпечиваетъ составъ комитетовъ и разрѣшаетъ вопросъ самаго бытія общества.

Признавая обязательнымъ участіе должностныхъ лицъ въ дѣятельности общества, уставъ 1851 года тѣмъ не менѣе, предусматривая обремененность чиновниковъ и безъ того многочисленными обязанностями по исполненію своихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей, весьма удачно вышелъ изъ этого положенія, устанавливая штаты наемныхъ служащихъ съ канцеляріями при комитетахъ, съ отвѣтственностью лицъ, состоящихъ въ штатѣ за упущенія по службѣ по представленіямъ вице-президентовъ комитетовъ [1]).

Устанавливая по штатамъ классы и разряды должностей секретарей, казначеевъ, производителей дѣлъ, канцелярскихъ служащихъ, экономовъ и т. п. чиновниковъ, признаваемыхъ состоящими на государственной службѣ, общество получило отвѣтственныхъ лицъ, на которыхъ можно было опереться въ производ-

---

[1]) Примѣчаніе 5 къ ст. 2 штатовъ. Приложеніе къ уставу 1851 года.

ствѣ столь сложныхъ дѣлъ всесторонняго завѣдыванія тюремными дѣлами.

Имѣя въ прошломъ опытъ крайнихъ затрудненій въ осуществленіи установленнаго порядка завѣдыванія тюрьмами при полномъ упадкѣ общественнаго интереса къ вышедшему изъ моды тюремно-благотворительному дѣлу, правительство, повидимому, вынуждено было вовсе оставить въ сторонѣ при разработкѣ новаго устава отжившую идею сантиментально-гуманитарнаго направленія въ тюремномъ дѣлѣ и сосредоточить все свое вниманіе на разработкѣ прочной и систематической постановки врученнаго обществу управленія тюремнымъ дѣломъ.

Не исключая возможности проявленія въ тюремномъ дѣлѣ частноблаготворительныхъ стремленій и полагая въ основу юридическую доктрину нравственнаго исправленія преступниковъ, уставъ 1851 года опредѣляетъ прежде всего роль общества въ управленіи тюремнымъ дѣломъ и даетъ ему вполнѣ опредѣленную организацію, преслѣдуя главнымъ образомъ цѣль обезпечить обязательное исполненіе обществомъ возложеннаго на него правительствомъ управленія тюремнымъ дѣломъ въ государствѣ.

Предоставивъ обществу руководительство и завѣдываніе цѣлымъ отдѣломъ государственнаго управленія, правительство вполнѣ естественно должно было озаботиться придать обществу характеръ оффиціальнаго въ государствѣ учрежденія съ отвѣтственностью его органовъ предъ правительствомъ и установленіемъ правительственнаго контроля надъ дѣятельностью общества.

Уставъ 1851 года, признавъ за обществомъ руководящую роль въ завѣдываніи тюремнымъ дѣломъ, оставилъ за нимъ также и распоряженіе всѣми суммами, отпускаемыми казной на содержаніе тюремъ и заключенныхъ въ нихъ, но это привело къ полному подчиненію общества правительственной регламентаціи, обратившей общество въ органъ административной власти.

Управленію общества уставъ придалъ бюрократическій характеръ съ примѣненіемъ системы назначенія и утвержденія Высочайшею властью должностныхъ лицъ общества.

Активными органами общества по уставу являлись губернскіе комитеты въ столичныхъ и губернскихъ городахъ и отдѣ-

ленія—въ уѣздныхъ городахъ, объединенные въ лицѣ президента общества, назначаемаго Высочайшей властью.

Во главѣ губернскихъ комитетовъ поставлены вице-президенты, утверждаемые въ этихъ званіяхъ Государемъ, а дѣлами уѣздныхъ отдѣленій управляли предсѣдательствующіе директоры, избираемые въ сихъ званіяхъ вице-президентами губернскихъ комитетовъ.

Свободный доступъ въ составъ членовъ общества былъ сокращенъ. Установленный правилами 1819 года порядокъ, согласно которому всякій, дѣлающій подписку на ежегодныя приношенія, признавался членомъ общества, былъ отмѣненъ. Самый составъ членовъ ограничивался сословнымъ цензомъ. Комитеты и отдѣленія образованы изъ членовъ „благороднаго, духовнаго и купеческаго званія", избираемыхъ вице-президентами и предсѣдательствующими директорами и представляемыхъ ими чрезъ президента общества на утвержденіе Государя Императора.

Уставомъ было точно опредѣлено число вице-президентовъ и директоровъ съ указаніемъ должностныхъ лицъ, обязанныхъ по должности входить въ составъ директоровъ комитетовъ и отдѣленій [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлена и минимальная сумма обязательнаго ежегоднаго пожертвованія, связанная съ полученіемъ званія директора комитета и отдѣленія [2]).

Такимъ образомъ реформа 1851 года, подходя къ разрѣшенію вопроса тюремнаго управленія, создала какъ бы междувѣдомственное управленіе мѣстами заключенія, предоставляя вмѣстѣ съ тѣмъ много мѣста элементу благотворительности.

Обязательное участіе въ дѣятельности общества чиновниковъ

---

[1]) Примѣч. 1 къ § 9 уст. Въ званіе вице-президентовъ комитета постоянно поступаютъ: главный начальникъ губерніи, гдѣ таковой состоитъ, епархіальный архіерей и начальникъ губерніи и въ директоры: губернскій предводитель дворянства, вице-губернаторъ, совѣстный судья, предсѣдатели губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, губернскій прокуроръ, инспекторъ врачебной управы и городской голова и въ уѣздныя отдѣленія: уѣздный предводитель дворянства, судья, стряпчій, окружный начальникъ государственныхъ имуществъ, уѣздный врачъ, благочинный и городской голова.

[2]) Прим. 5 къ § 9. Въ столичныхъ комитетахъ не менѣе 15 руб., въ губернскихъ 10 р. и въ уѣздныхъ отдѣленіяхъ—5 руб. сер. въ годъ.

различныхъ вѣдомствъ, а также представителей сословныхъ и общественныхъ организацій, превратило частный союзъ, какимъ было до того времени общество, въ учрежденіе оффиціозно-бюрократическое, поставленное въ прямую зависимость отъ административныхъ властей, т. е. генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, какъ вице-президентовъ общества.

Эта организація стала еще яснѣе, когда въ 1855 году правительство присоединило общество къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, при чемъ Министру было присвоено званіе президента общества.

Реформа 1851 года, обезпечивая составъ органовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ обязательными директорами изъ состава служащихъ лицъ, сосредоточило въ рукахъ органовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ почти всѣ функціи тюремнаго управленія. Компетенція органовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ охватываетъ по уставу 1851 года не только всѣ отрасли тюремнаго хозяйства, но и простирается на внутренній распорядокъ въ тюрьмѣ включительно до наблюденія за правильностью размѣщенія арестантовъ по камерамъ и наказанія арестантовъ карцеромъ и одиночнымъ заключеніемъ.

Даже служебный персоналъ зависѣлъ отъ органовъ общества, такъ какъ смотритель тюрьмы и надзиратели назначались мѣстнымъ начальствомъ не иначе, какъ по сношеніи съ комитетами и отдѣленіями. На полицію были возложены лишь чисто полицейскія функціи и исполнительная часть по содержанію арестантовъ и приведенію приговоровъ во исполненіе; во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ она была подчинена комитетамъ и отдѣленіямъ [1]).

Распубликованный указомъ Правительствующаго Сената отъ 19 декабря 1851 года „для приведенія во всеобщую извѣстность и въ потребномъ случаѣ, въ чемъ до кого касаться будетъ, испол-

---

[1]) Уставъ 1851 г. съ нѣкоторыми измѣненіями дѣйствуетъ и до настоящаго времени (уст. сод. подъ страж. ст. 64—123 по изд. 1890 г. и по прод.) и содержитъ въ себѣ многія постановленія, уже отмѣненныя послѣдующими узаконеніями, но не исключенныя еще въ послѣднемъ изданіи.

ненія", уставъ 1851 года застаетъ на мѣстахъ совершенное отсутствіе интереса къ тюремному дѣлу и въ виду тождественности его съ предпринятыми ранѣе мѣрами не произвелъ никакого впечатлѣнія.

Предводители дворянства продолжали отписываться, съ ссылкою на крайнія затрудненія составить необходимый капиталъ на первоначальныя дѣйствія отдѣленія.

Борзенскій предводитель на предложеніе губернатора поторопиться открытіемъ, согласно новому уставу общества, уѣзднаго отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ, сообщаетъ 16 сентября 1852 г. [1]) что имъ посланы отзывы къ помѣщикамъ и членамъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ къ пожертвованіямъ, дабы оказать содѣйствіе къ скорѣйшему открытію отдѣленія общества, но никто изъ нихъ желанія къ пожертвованію не изъявилъ, черезъ что представляется невозможнымъ открыть въ г. Борзнѣ означеннаго комитета.

20 февраля и 23 декабря 1853 года [2]) онъ сообщаетъ, что до сихъ поръ отвѣта не получилъ даже отъ членовъ присутственныхъ мѣстъ и только 6 мая 1854 года представляетъ списокъ должностныхъ лицъ, подписавшихся на установленныя въ уставѣ ежегодныя пожертвованія, присовокупивъ, что ни отъ кого изъ дворянъ отвѣта онъ не получилъ.

Нѣжинскій предводитель своеобразно понялъ сообщенный ему новый уставъ общества и не замедлилъ сообщить губернатору, что, собравъ въ засѣданіе опредѣляемыхъ уставомъ директоровъ отдѣленія, онъ открылъ въ Нѣжинѣ отдѣленіе и о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ сего отдѣленія какъ равно и о пожертвованіяхъ будетъ сообщено дополнительно [3]). Получивъ разъясненіе, что отдѣленіе можетъ быть открыто не иначе какъ съ Высочайшаго соизволенія, для чего необходимо составить хотя бы и небольшія, но достаточныя средства для первоначальныхъ дѣйствій на пользу заключенныхъ, предводитель дворянства сталъ въ такое же положеніе, какъ было и въ другихъ уѣздахъ.

---

[1]) Арх. дѣло № 1 губ. комитета 1848—1868 г. стр. 127.

[2]) Арх. дѣло № 1 губ. комитета 1848—1868 г. стр. 133, 159 и 193.

[3]) Арх. дѣло № 1 губ. комитета 1848—1968 г.

Уже 20 іюня 1853 года [1]) онъ сообщаетъ губернатору, что нѣкоторые изъ входящихъ по уставу въ составъ директоровъ члены уѣзднаго отдѣленія пожертвовали незначительныя суммы, такъ что итогъ ихъ составляетъ только 21 руб. серебромъ, другія же пожертвованій своихъ не прислали.

Нѣкоторое время спустя на предложеніе губернатора Нѣжинскій предводитель увѣдомляетъ комитетъ, что кромѣ окружнаго начальника, исправника и городского головы, никто своихъ пожертвованій не прислалъ.

9 ноября 1853 года [2]) онъ пишетъ, что съ трудомъ имъ собрана сумма въ 32 руб. 75 коп. сер. „по малочисленности которой не можно приступить уѣздному отдѣленію ни къ какому дѣйствію и что увеличить сумму надежды не предвидится, потому, что даже и по собственному его приглашенію нѣтъ желающихъ принять на себя обязанность сотрудниковъ и приносить пожертвованія“.

17 іюня и 26 іюля 1854 года, отвѣчая на настойчивыя подтвержденія губернатора, Нѣжинскій предводитель дворянства увѣдомляетъ, что вновь послалъ всѣмъ членамъ присутствій и дворянамъ отзывы, но изъ послѣднихъ никто не отвѣчаетъ, а изъ подписавшихся на пожертвованія членовъ присутствій нѣкоторые до сихъ поръ не внесли подписанной суммы.

Только 26 сентября 1855 года [3]) предводителю дворянства удалось закончить подготовительныя дѣйствія къ открытію отдѣленія и представить на утвержденіе директоровъ для испрошенія Высочайшаго соизволенія на открытіе отдѣленія.

Въ другихъ уѣздахъ положеніе было одинаковое. Новый уставъ общества оказалъ лишь свое дѣйствіе въ Глуховскомъ уѣздѣ, гдѣ уже 28 октября 1852 года уѣздное отдѣленіе получило Высочайшее утвержденіе.

Въ четырехъ уѣздахъ: Борзенскомъ, Городнянскомъ, Нѣжин-

---

[1]) Арх. дѣло № 1 губ. комитета 1848—1868 г. стр. 143.
[2]) Арх дѣло № 1 губ. комитета 1848—1868 г. стр. 153.
[3]) Арх. д. № 1 губ. комит. 1848—1868 г. стр. 302.

скомъ и Конотопскомъ отдѣленія были открыты въ 1855 году [1]) послѣ продолжительныхъ настояній Черниговскаго губернатора.

Учрежденіе уѣздныхъ отдѣленій общества попечительнаго о тюрьмахъ въ остальныхъ 6-ти уѣздахъ Черниговской губерніи продолжалось еще долгое время и не смотря на то, что за дѣло взялся уже лично губернаторъ, обращаясь и отъ своего имени и отъ лица губернскаго комитета къ мѣстнымъ властямъ съ предложеніемъ оказать содѣйствіе предводителямъ дворянства къ скорѣйшему открытію установленныхъ закономъ мѣстныхъ органовъ тюремнаго управленія, съ указаніемъ, что всѣ указанныя въ уставѣ должностныя лица не могутъ отказываться отъ званія директоровъ и обязаны подписываться на ежегодныя пожертвованія по 5 рублей серебромъ.

Понуждался исправникъ, стряпчій, городской голова и даже окружный начальникъ. Всѣ они, выражая готовность платить за себя ежегодно по пяти рублей серебромъ, утверждали, что лицъ, желающихъ принять участіе въ дѣятельности обществъ и готовыхъ подписаться на пожертвованіе въ уѣздѣ не находится.

Становилось очевиднымъ, что поставленное въ непремѣнное условіе для открытія отдѣленія образованіе благотворительнаго капитала въ 300 рублей затянетъ дѣло до безконечности и потому губернскій комитетъ уже въ 1857 году сталъ дѣлать отступленія отъ первоначальнаго условія. Губернскій комитетъ призналъ возможнымъ представить президенту общества объ открытіи уѣздныхъ отдѣленій въ г. Сосницѣ и Кролевцѣ при наличности лишь въ первомъ 134 рублей, а во второмъ—160 рублей 80 копѣекъ благотворительнаго капитала [2]). Высочайшее соизволеніе на открытіе этихъ отдѣленій съ утвержденіемъ директоровъ послѣдовало 4 января 1858 года.

Открытіе отдѣленій въ городахъ: Козельцѣ, Острѣ, Новгородсѣверскѣ и Стародубѣ задержалось еще на долгое время.

---

[1]) Высочайшее соизволеніе на открытіе этихъ отдѣленій послѣдовало: Борзенскаго—29 января, Городнянскаго—27 іюня, Нѣжинскаго—11 ноября, Конотопскаго—23 декабря 1855 г. (д. № 1—1848—1868 г. губ комитета).

[2]) Арх. дѣло № 1 губ. комитета 1848—1868 г. стр. 366 и 377.

Стародубскій предводитель дворянства не могъ долго собрать болѣе 72 руб. 85 коп. и вышелъ изъ затруднительнаго положенія только въ 1861 году, послѣ полученія отъ городничаго увѣдомленія, что за послѣдніе годы отъ продовольствія арестантовъ Стародубской тюрьмы у него осталось свободныхъ остатковъ 398 руб. 64½ коп., которые могутъ быть пріобщены къ экономическому капиталу, который теперь составитъ достаточную сумму для открытія отдѣленія [1]). Это обстоятельство и дало возможность сдѣлать представленіе объ открытіи уѣзднаго отдѣленія, которое получило санкцію 22 ноября 1863 года.

Новгородсѣверскій уѣздный предводитель дворянства созывалъ неоднократно совѣщанія изъ должностныхъ лицъ, входящихъ по уставу въ директора отдѣленія и обсуждая совмѣстно затрудненія въ образованіи нужнаго для открытія отдѣленія капитала, предложилъ установить сборъ черезъ волостное правленіе съ государственныхъ поселянъ, снабдивъ волостныя правленія шнуровыми книгами и прося окружнаго начальника завѣдывать этимъ сборомъ. Впослѣдствіи казенная палата отмѣнила этотъ сборъ и сообщила о незаконныхъ дѣйствіяхъ окружнаго начальника губернатору [2]).

Наконецъ общими усиліями мѣстныхъ властей, 17 марта 1864 г., предводитель дворянства князь Голицынъ, собравъ 120 р., представляя на Высочайшее утвержденіе списокъ должностныхъ лицъ, возбудилъ ходатайство объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на открытіе въ Новгородсѣверскѣ уѣзднаго отдѣленія, которое было открыто 1 мая 1864 г. [3]).

Остерскому предводителю дворянства удалось собрать съ самаго начала открытія подписки, т. е. съ 1841 по 1864 г. всего 119 руб. 46 коп., признанныхъ въ концѣ концовъ достаточнымъ капиталомъ для открытія отдѣленія [4]), при чемъ и здѣсь любопытно отношеніе общества къ вводимому въ уѣздѣ учрежденію благотворительнаго комитета: судья уѣзднаго суда и городской

---

[1]) Арх. дѣло № 1 губ. комитета 1848—1868 г. стр. 442.
[2]) Арх. дѣло № 1 губ. комитета 1848—1868 г. стр. 436.
[3]) Арх. дѣло № 1 губ. комитета 1848—1868 г. стр. 485.
[4]) Арх. дѣло № 1 губ. комитета 1848—1868 г. стр. 481.

голова положительно отказались отвѣчать на приглашеніе предводителя дворянства и обязались дѣлать свои 5-ти рублевые взносы только послѣ преподаннаго имъ губернаторомъ разъясненія. Остерское уѣздное отдѣленіе было открыто 3 апрѣля 1864 года.

Наибольшія затрудненія встрѣтились при открытіи послѣдняго въ губерніи уѣзднаго отдѣленія въ уѣздномъ городѣ Козельцѣ, гдѣ губернатору пришлось принять рѣшительныя мѣры съ предложеніемъ уѣздному стряпчему озаботиться немедленнымъ исполненіемъ всѣхъ требованій уѣзднаго предводителя дворянства съ истребованіемъ членскихъ взносовъ отъ должностныхъ лицъ, по закону входящихъ въ составъ директоровъ уѣзднаго отдѣленія [1]).

Высочайшее соизволеніе на открытіе Козелецкаго уѣзднаго отдѣленія послѣдовало 12 августа 1866 года.

Исторія учрежденій въ уѣздныхъ городахъ Черниговской губерніи отдѣленій общества попечительнаго о тюрьмахъ не представляетъ исключенія изъ общаго положенія дѣла. Если по Черниговской губерніи потребовалось около 30 лѣтъ для проведенія въ жизнь общественной организаціи тюремнаго управленія, то съ такою же медленностью или даже болѣе продолжительное время вводилась эта организація въ другихъ губерніяхъ.

Въ Орловской губерніи, въ которой уже въ 1836 году были открыты уѣздные комитеты—Сѣвскій и Болховскій, уѣздное отдѣленіе въ г. Трубчевскѣ открылось только въ 1854 году. Въ Кіевской губерніи еще въ 1853 году открывались уѣздныя отдѣленія (Каневъ, Умань). Въ Полтавской губерніи въ Пирятинѣ, Золотоношѣ, и Ромнахъ уѣздныя отдѣленія открыты въ 1853 г. Въ Харьковской губерніи Богодуховское отдѣленіе открыто лишь въ 1859 году. Въ Таврической губерніи открытіе уѣздныхъ отдѣленій въ Бердянскѣ, Перекопѣ, Мелитополѣ, Ѳеодосіи послѣдовало въ 1852 году (см. отчеты общества за эти годы).

Открытіе комитетовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ продолжалось и значительно позже. Въ 1887 году открытъ комитетъ въ г. Севастополѣ и отдѣленіе въ Самаркандской области.

---

[1]) Арх. дѣло № 1 губернскаго комитета 1848—1868 г. стр. 455.

Въ 1885 году открыты уѣздныя отдѣленія въ г.г. Батумѣ, Сухумѣ и Поти (отчеты Главнаго Тюремнаго Управленія).

Реформа 1851 года, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ не оправдала надеждъ, возлагаемыхъ уставомъ на обязательныхъ директоровъ. Чиновники, обремененные своими прямыми обязанностями службы, шли неохотно въ директора отдѣленій и съ такою же неохотою занимались дѣлами комитетовъ и отдѣленій.

Новая организація достигла только одной цѣли: она подчинила общество вліянію и надзору правительства и придала прочность организаціи тюремнаго управленія, обезпечивъ веденіе тюремнаго дѣла обязательными директорами при отсутствіи желающихъ работать въ качествѣ благотворителей.

Благотворителей оказалось мало. Фактически губернскіе комитеты и уѣздныя отдѣленія составились изъ должностныхъ лицъ правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ службъ.

Новая организація не оживила дѣятельность общества и не упорядочила тюремнаго дѣла. Отсутствіе интереса къ дѣлу, обязанность участвовать по долгу службы въ дѣлѣ, возлагавшемъ довольно серіозныя обязанности, побуждала директоровъ избѣгать излишнихъ заботъ и въ результатѣ наиболѣе отвѣтственныя обязанности выпадали на долю тѣхъ изъ обязательныхъ директоровъ, которые состояли по службѣ въ большей зависимости отъ начальствующихъ лицъ. Засѣданія посѣщались неохотно. Уже отчеты первыхъ лѣтъ свидѣтельствуютъ, что директора манкируютъ выполненіемъ возложенныхъ на нихъ обязанностей и даже не посѣщаютъ мѣста заключенія. При такихъ условіяхъ постепенно коллегіальное управленіе комитетовъ и отдѣленій обратилось въ единоличное управленіе въ уѣздахъ предсѣдательствующихъ директоровъ (предводителей дворянства), а въ губернскихъ городахъ губернаторовъ, какъ вице-президентовъ общества, возложившихъ веденіе дѣла на свои канцеляріи и непосредственно подчиненныхъ имъ чиновниковъ.

Озабоченные такимъ положеніемъ дѣла президенты общества многократно пытались поднять и усилить дѣятельность органовъ общества, но эти попытки успѣха не имѣли.

Уже въ 1859 году президентъ общества, поставляя на видъ

невниманіе комитетовъ и отдѣленій къ христіанскому попеченію о тюрьмахъ и заключенныхъ [1]), объясняетъ, что изъ поступающихъ къ нему свѣдѣній отъ г.г. сенаторовъ, ревизовавшихъ губерніи и изъ донесеній отъ командируемыхъ чиновниковъ усматривается, „что во многихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ тюремные комитеты и отдѣленія почти совсѣмъ не исполняютъ своихъ обязанностей и черезъ то мѣста заключенія остаются безъ всякаго попечительнаго надзора со стороны г.г. директоровъ; продовольствіе арестантовъ въ рукахъ смотрителей, заключенные не имѣютъ достаточной одежды, бѣлья не имѣется, ихъ рѣдко водятъ въ баню, не занимаютъ работами, а религіозное назиданіе арестантовъ заключается лишь только въ томъ, что по камерамъ розданы книги духовнаго содержанія, никогда ими не читаемыя. Все это происходитъ отъ того, что комитеты и отдѣленія вовсе не собираются, обязанности между директорами не раздѣлены и дѣйствія ихъ ограничиваются перепискою однажды составленныхъ по формѣ годовыхъ отчетовъ“.

Данныя сенатской ревизіи, характеризующія положеніе дѣла въ общихъ чертахъ весьма ярко вырисовываются въ деталяхъ по отчетамъ губернскихъ и уѣздныхъ органовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ.

Разсматривая отчеты уѣздныхъ отдѣленій за 1859 годъ, Черниговскій губернскій комитетъ устанавливаетъ, напримѣръ, что по Мглинскому уѣздному отдѣленію, за выбытіемъ окружнаго начальника и городового врача, уѣздное отдѣленіе состояло всего изъ двухъ директоровъ: Мглинскаго предводителя дворянства Покорскаго-Жоравко и письмоводителя его Бѣлофастова, а затѣмъ по выбытіи изъ должности г. Покорскаго остался только одинъ директоръ Бѣлофастовъ. Членовъ благотворителей вовсе не имѣлось.

Отчетъ Бѣлофастовъ представилъ неправильный и хозяйственныя его распоряженія признаны безуспѣшными, такъ какъ никакой экономіи имъ не извлечено [2]).

---

[1]) Циркуляръ президента общества 22 ноября 1859 г. № 557. Журналъ губернскаго комитета 31 декабря 1859 года.

[2]) Журналъ губернскаго комитета 24 октября 1860 года.

По разсмотрѣніи отчетовъ за 1856 годъ губернскій комитетъ устанавливаетъ, что почти по всѣмъ отдѣленіямъ директорскіе взносы не поступаютъ, число директоровъ недостаточное, членовъ общества, т. е. благотворителей, вовсе не имѣется. Продовольствіемъ завѣдываютъ смотрители тюремъ черезъ подрядчиковъ, экономіи отъ хозяйства не получается и напротивъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ допущенъ перерасходъ противъ нормальнаго отпуска казною денегъ и т. д. [1]).

Вполнѣ естественно, что при такомъ неопредѣленномъ управленіи мѣстами заключенія тюремное дѣло пришло въ совершенный упадокъ и самое завѣдываніе тюрьмами фактически перешло во власть стоящихъ далеко не на высотѣ служебнаго положенія тюремныхъ смотрителей, которые почти безконтрольно распоряжались тюремными порядками.

Уже въ 1862 году Министръ Внутреннихъ Дѣлъ [2]) обращаетъ вниманіе губернаторовъ, что до министерства постоянно доходятъ свѣдѣнія о разныхъ безпорядкахъ въ тюрьмахъ, что по соображеніи всѣхъ этихъ свѣдѣній оказывается, что благотворительная цѣль устава попечительнаго о тюрьмахъ общества не достигается. „Ежели прежде неудовлетворительное состояніе нѣкоторыхъ тюремъ приводило къ необходимости терпѣть въ извѣстной степени безпорядки, то въ настоящее время причина эта не можетъ уже служить оправданіемъ, такъ какъ, на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ нормальныхъ проектовъ, новыя тюрьмы устраиваются сообразно требованіямъ закона". Министръ предлагаетъ обратить вниманіе начальниковъ губерній „на директоровъ комитетовъ и отдѣленій, особенно изъ купцовъ, которые, пользуясь этимъ почетнымъ званіемъ, сопряженнымъ съ значительными преимуществами, ограничиваютъ по большей части всю свою дѣятельность ежегоднымъ взносомъ нѣсколькихъ рублей".

Указывая затѣмъ на усиленіе матеріальныхъ средствъ къ успѣшнѣйшему достиженію усовершенствованія мѣстъ заключенія

---

[1]) Журналъ губернскаго комитета 23 ноября 1857 года.

[2]) Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 23 января 1862 года за № 11. (Журналъ губернскаго комитета 13 февраля 1862 года).

и содержащихся въ нихъ арестантовъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ считастъ полезнымъ обратиться къ содѣйствію общества и возбудить въ немъ участіе къ столь полезному дѣлу, разъясняя, что суммы комитетовъ могутъ быть увеличиваемы такими же способами, которые принимаются при поддержкѣ дѣтскихъ пріютовъ и другихъ благотворительныхъ учрежденій.

Это разъясненіе представляетъ въ исторіи тюремнаго дѣла выдающійся интересъ, такъ какъ въ немъ послѣдній разъ высказывается взглядъ правительства на тюремное дѣло, какъ на учрежденіе благотворительнаго характера.

Въ томъ же году на Всеподданнѣйшемъ рапортѣ командира отдѣльнаго корпуса внутренней стражи о неудовлетворительномъ состояніи тюремныхъ замковъ и дурномъ содержаніи арестантовъ, а также о нерадивомъ исполненіи тюремными смотрителями своихъ обязанностей и неблагонамѣренности ихъ, послѣдовала собственноручная Его Императорскаго Величества резолюція: „Требую чтобы о распоряженіяхъ по сему предмету было также доводимо до Моего свѣдѣнія каждые полгода“ [1]).

Вниманіе Государя послужило началомъ рѣзкой перемѣны правительственной тенденціи въ направленіи тюремнаго вопроса. Благотворительная постановка дѣла была признана отжившей. Долголѣтній опытъ наглядно доказалъ, что частная благотворительность, столь щедрая въ эпоху Александра I, утратила свое значеніе и обратилась въ тюремномъ дѣлѣ въ своеобразную форму выслуживанія почетнаго званія и служебныхъ отличій [2]).

Участіе общества попечительнаго о тюрьмахъ въ тюремномъ управленіи принесло пользу лишь въ то отдаленное время, когда суровость тюремнаго режима требовала смягченія ея заботами частныхъ благотворителей. Стало яснымъ, что тюремныя учрежденія страдали не чрезмѣрною тяжестью условій лишенія свободы, а напротивъ отсутствіемъ внутренняго порядка и всякаго понятія о карательно-исправительной дисциплинѣ.

---

[1]) Предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ 15 апрѣля 1862 г, № 10 на имя начальника губерніи. (Журналъ губернскаго комитета 13 февраля 1862 года).

[2]) Русское Уголовное Право. Н. С. Таганцева, изд. 1902 г., стр. 1036.

„Признавъ необходимымъ приступить къ своевременному изслѣдованію этой важной отрасли государственнаго благочинія и организаціи тюремнаго дѣла на началахъ единообразныхъ и соотвѣтствующихъ времени и способамъ государства", Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, запрашивая начальниковъ губерній по разнымъ вопросамъ тюремнаго управленія, ясно изображаетъ постановку тюремнаго дѣла въ началѣ шестидесятыхъ годовъ [1]): „По уставу о содержащихся подъ стражею у насъ существуютъ тюремные замки, рабочіе и смирительные дома и другія мѣста исправленія. Всѣ эти заведенія устраивались въ разное время и подъ вліяніемъ разныхъ началъ, безъ общаго плана и системы; самое управленіе и завѣдываніе ими разъединено между многими вѣдомствами и отдѣльными начальствами, и въ пріемахъ къ исправленію преступниковъ не соблюдается никакой опредѣленной системы. Неудовлетворительное состояніе ихъ постоянно обращаетъ на себя особое вниманіе высшаго правительства, но всѣ принимаемыя въ семъ отношеніи мѣры не привели къ желательнымъ результатамъ; съ теченіемъ же времени существованія неудобства, сдѣлали еще болѣе ощутительными и убѣждаютъ въ необходимости коренныхъ преобразованій".

Матеріалы, собранные по свѣдѣніямъ, доставленнымъ отъ начальниковъ губерній [2]) послужили основаніемъ началу работъ по преобразованіи тюремной части въ Россіи.

Сначала работа шла медленно, ощупью въ виду массы матеріала, въ которомъ нужно было разобраться, изслѣдовать его и установить опредѣленную систему.

Былъ образованъ цѣлый рядъ комиссій, продолжительныя работы которыхъ привели къ заключенію въ необходимости сосредоточить завѣдываніе тюрьмами въ одномъ учрежденіи. Практическимъ послѣдствіемъ работъ этихъ комиссій было изданіе закона 27 февраля 1879 года, образовавшемъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Главное Тюремное Управленіе.

---

[1]) Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ 12 апрѣля 1862 г. № 47 (журналъ губернскаго комитета 16 мая того же года).

[2]) Матеріалы по вопросу о преобразованіи тюремной части въ Россіи изданы министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1865 году.

Учрежденіе Главнаго Тюремнаго Управленія открываетъ собою новую эпоху въ тюремномъ дѣлѣ, которая вмѣстѣ съ ея коренными преобразованіями должна служить началомъ новаго періода въ исторіи тюремныхъ учрежденій, характеризующихъ современное состояніе тюремнаго вопроса въ государствѣ.

Преобразованія, предпринятыя Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ, какъ равно и начала, положенныя въ основу всей дѣятельности этого новаго учрежденія служили и продолжаютъ служить предметомъ современныхъ изслѣдованій, составляющихъ богатую литературу и матеріалъ, выясняющіе постановку тюремнаго вопроса въ этомъ новомъ періодѣ историческаго развитія тюремнаго дѣла [1]).

Въ программу нашего изслѣдованія входитъ лишь разсмотрѣніе исторіи учрежденія общества попечительнаго о тюрьмахъ, поэтому, не развивая вопроса о положеніи тюремнаго дѣла въ этомъ послѣднемъ періодѣ историческаго развитія тюремнаго законодательства, мы коснемся лишь того положенія, которое заняло въ новѣйшее время общество попечительное о тюрьмахъ.

Съ самаго начала дѣятельности Главнаго Тюремнаго Управленія роль общества попечительнаго о тюрьмахъ въ общей системѣ тюремнаго управленія отходитъ на второй планъ, уступая мѣсто органамъ правительственной власти тюремнаго вѣдомства.

Принявъ въ свое вѣдѣніе дѣло, пришедшее въ хаотическое состояніе, Главное Тюремное Управленіе было поставлено въ необходимость прежде всего опредѣлить, кто же является на мѣстахъ отвѣтственнымъ передъ правительствомъ за безпорядки въ тюрьмахъ и на кого возложить непосредственное управленіе мѣстами заключенія.

Долголѣтній опытъ наглядно доказалъ, что участіе попечительнаго о тюрьмахъ общества въ непосредственномъ управленіи мѣстами заключенія не служитъ гарантіей правильной постановки

---

[1]) Работы законодательныхъ комиссій, относящихся къ исторіи учрежденія Главнаго Тюремнаго Управленія и намѣтившихъ путь къ переустройству нашей тюремной системы, весьма подробно изложены въ изданіи Главнаго Тюремнаго Управленія 1905 года «Тюремное преобразованіе» (Высочайше утвержденная особая комиссія для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія).

дѣла. Отсутствіе благотворительныхъ стремленій въ обществѣ, упадокъ филантропическихъ началъ и равнодушіе къ судьбѣ преступниковъ, заполняющихъ мѣста заключенія, убѣдительно показали, что управленіе тюремнымъ дѣломъ на началахъ благотворительности или общественнаго призрѣнія желаемой цѣли не достигнетъ.

Не выжидая окончанія предпринятыхъ цѣлымъ рядомъ спеціально образованныхъ комиссій законодательныхъ работъ по вопросамъ тюремнаго преобразованія [1]), Главное Тюремное Управленіе, по уполномочію комитета министровъ [2]), признало необходимымъ разъяснить на мѣстахъ, что въ порядкѣ мѣстнаго управленія право непосредственнаго распоряженія въ тюрьмахъ принадлежитъ губернаторамъ, а также подъ наблюденіемъ и отвѣтственностью ихъ, полиціймейстерамъ и уѣзднымъ исправникамъ, при чемъ смотрители тюремныхъ замковъ и иныхъ тюремныхъ учрежденій, какъ ближайшіе распорядители сихъ мѣстъ, должны руководствоваться въ отношеніи завѣдыванія ими исключительно точнымъ смысломъ дѣйствующаго закона и распоряженіями, исходящими отъ означенныхъ властей.

Предѣлы власти прочихъ органовъ, участвующихъ въ завѣдываніи мѣстами заключенія должны всецѣло ограничиваться лишь тѣми предметами, которые по точному смыслу закона составляютъ кругъ вѣдомства этихъ органовъ [3]).

Такимъ образомъ съ учрежденіемъ Главнаго Тюремнаго Управленія завѣдываніе мѣстами заключенія получаетъ сразу вполнѣ опредѣленную организацію. Непосредственное завѣдываніе тюрьмами переходитъ въ компетенцію мѣстныхъ полицейскихъ органовъ, которые должны наблюдать за дѣятельностью смотрителей тюремъ [4]).

---

[1]) Циркуляръ Главнаго Тюремн. Управленія 24 іюля 1879 г. № 1204.

[2]) Полож. Комитета Министровъ 8 декабря 1878 года.

[3]) Циркуляръ Главнаго Тюремнаго Управленія 24 іюля 1879 г. № 1204.

[4]) Смотрители тюремъ, на основаніи 21 ст. XIV т. уст. о сод. подъ стр. изд. 1857 г., назначались изъ полицейскихъ чиновниковъ и сравнены съ должностями помощниковъ полиціймейстеровъ и уѣздныхъ исправниковъ, а потому имъ была присвоена форма полицейская (циркуляръ департамента полиціи исполн. 22 февраля 1873 г. № 30).

Опредѣляя затѣмъ участіе въ тюремномъ управленіи чиновъ прокурорскаго надзора и чиновъ жандармской полиціи, Главное Тюремное Управленіе вовсе умалчиваетъ о предѣлахъ компетенціи органовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ.

Въ этомъ отношеніи Главное Тюремное Управленіе оставляетъ вопросъ какъ бы открытымъ. Между тѣмъ уставъ 1851 г., санкціонируя компетенцію органовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ до предѣловъ почти самостоятельнаго управленія мѣстами заключенія, ввѣряетъ органамъ общества попечительнаго о тюрьмахъ внутреннее устройство мѣстъ заключенія, ближайшее наблюденіе за распорядкомъ въ тюрьмахъ, всѣ хозяйственно-операціонныя функціи и даже самый надзоръ за дѣятельностью смотрителей и поведеніемъ арестантовъ.

Получилось какъ бы двоевластіе въ управленіи мѣстами заключенія. Съ одной стороны мѣстная полицейская власть, являясь отвѣтственной за порядки въ тюрьмахъ, съ другой весьма широкая компетенція органовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, съ одинаковыми правами внутренняго распорядка въ мѣстахъ заключенія создавали противорѣчія, давая пищу постояннымъ столкновеніямъ между обществомъ и тюремною администраціею, взаимныя отношенія которыхъ были вовсе не опредѣлены.

Конечно, при полномъ отсутствіи почти повсемѣстно интереса къ тюремному дѣлу органы общества попечительнаго о тюрьмахъ не возражали противъ установившагося въ тюрьмахъ господства полицейской власти и охотно ограничили свою дѣятельность распоряженіемъ денежными суммами, отпускаемыми казною на содержаніе тюремъ и арестантовъ.

Сложивъ отвѣтственность общества попечительнаго о тюрьмахъ за состояніе мѣстъ заключенія, Главное Тюремное Управленіе тѣмъ не менѣе вовсе не отстраняло комитеты и отдѣленія отъ завѣдыванія мѣстами заключенія. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣятельность ихъ развивалась подъ руководствомъ энергичныхъ членовъ общества, интересующихся тюремнымъ дѣломъ или проникнутыхъ идеей тюремно-благотворительнаго направленія, обществу была предоставлена возможность дѣйствовать и приносить большую пользу.

И въ этомъ отношеніи, нужно отдать справедливость, нѣкоторые комитеты и отдѣленія стояли на должной высотѣ и оказывали правительству весьма существенное содѣйствіе къ наилучшей постановкѣ тюремнаго дѣла.

Къ сожалѣнію, такое отношеніе къ дѣлу наблюдалось какъ исключеніе или во всякомъ случаѣ въ довольно рѣдкихъ случаяхъ. Огромное большинство комитетовъ и отдѣленій бездѣйствовали и ограничивались формальнымъ отношеніемъ къ распоряженію тюремными кредитами, отдавая ихъ въ распоряженіе смотрителей тюремъ или отдѣльныхъ членовъ, принявшихъ на себя завѣдываніе хозяйственными операціями по тюрьмамъ.

Между тѣмъ тюремное дѣло, объединяясь въ центральномъ управленіи и осложняясь нововведеніями какъ въ хозяйственномъ отношеніи, такъ и въ карательной системѣ, расширяющими постепенно и самое дѣло, требовало проявленія на мѣстахъ особой энергіи и спеціальныхъ знаній для проведенія въ жизнь новыхъ началъ.

Постепенно во взглядахъ правительства все больше укоренялось сознаніе необходимости устранить вовсе диллетантизмъ въ дѣлѣ и возложить управленіе всѣми сторонами тюремнаго дѣла на обязанность и полную отвѣтственность людей, получившихъ спеціальную подготовку въ этой отрасли государственнаго управленія. Хотя разныя причины, главнымъ образомъ недостаточность денежныхъ средствъ, препятствовали послѣдовательному проведенію въ жизнь тюремной реформы и заставили правительство продолжать пользоваться въ тюремномъ управленіи содѣйствіемъ органовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, тѣмъ не менѣе общій характеръ мѣропріятій правительства, поскольку онѣ касались названнаго общества, успѣлъ вполнѣ выясниться. Руководящимъ началомъ правительственной дѣятельности въ тюремномъ управленіи являлось расширеніе правъ тюремной администраціи и ограниченіе функцій общества попечительнаго о тюрьмахъ. Постепенно изъ вѣдѣнія общества попечительнаго о тюрьмахъ были изъяты отдѣльныя отрасли тюремнаго дѣла и цѣлыя категоріи мѣстъ заключенія. Наконецъ въ обѣихъ столицахъ органы общества попечительнаго о тюрьмахъ утратили всякое значеніе

и были преобразованы въ учрежденія чисто благотворительныя. Этимъ былъ окончательно намѣченъ тотъ путь, по которому должно пойти преобразованіе комитетовъ и отдѣленія въ другихъ мѣстностяхъ.

Пока еще губернскіе комитеты и уѣздныя отдѣленія продолжаютъ существовать, но положеніе ихъ до крайности неопредѣленное. Цѣлый рядъ правительственныхъ распоряженій, изданныхъ послѣдовательно какъ въ законодательномъ порядкѣ, такъ и въ порядкѣ административныхъ указаній, совершенно измѣнили первоначальную компетенцію губернскихъ комитетовъ и уѣздныхъ отдѣленій и поставили ихъ въ зависимое положеніе.

Съ введеніемъ въ дѣйствіе 15 іюня 1887 года новаго положенія объ управленіи мѣстами заключенія и въ особенности съ учрежденіемъ 21 марта 1890 года Губернскихъ Тюремныхъ Инспекцій компетенція общества попечительнаго о тюрьмахъ была значительно ограничена и на мѣстахъ. Внутренній распорядокъ въ тюрьмахъ ввѣрялся административнымъ лицамъ тюремнаго вѣдомства. Послѣдовали разъясненія, что комитеты и отдѣленія для начальниковъ тюремъ начальствующихъ инстанцій не составляютъ. Уничтожено даже право комитетовъ и отдѣленій требовать объясненіе отъ начальниковъ тюремъ и предварительное сношеніе съ тюремными комитетами и отдѣленіями о назначеніи начальниковъ тюремъ и ихъ помощниковъ отмѣнено [1]). Постепенно комитеты и отдѣленія освобождались и отъ заботъ по завѣдыванію различными хозяйственными операціями. Отпускъ изъ казны денегъ въ распоряженіе органовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ на содержаніе тюремъ, отопленіе и освѣщеніе ихъ, на постройку одежды, бѣлья и обуви исподволь прекратился. Распоряженіе всѣми ассигнуемыми по смѣтѣ тюремнаго вѣдомства кредитами сосредоточилось въ тюремномъ отдѣленіи губернскаго правленія. Всѣ хозяйственно-операціонныя функціи переходятъ въ вѣдѣніе тюремнаго инспектора, который, подъ непосредственнымъ руководствомъ губернатора, завѣдываетъ тюремною частью въ губер-

---

[1]) Тюремный вѣстникъ 1898 г. № 4, стр. 195. Циркуляръ Главнаго Тюремнаго Управленія 17 апрѣля 1898 г. № 8.

ніи. Изъ хозяйственно-операціонныхъ функцій въ вѣдѣніе комитетовъ и уѣздныхъ отдѣленій до настоящаго времени остались лишь заботы по продовольствію арестантовъ и леченію ихъ.

Съ сокращеніемъ функцій комитетовъ и уѣздныхъ отдѣленій и съ постепеннымъ освобожденіемъ ихъ отъ хозяйственныхъ операцій, въ вѣдѣніи органовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ остаются тѣмъ не менѣе и по настоящее время сложныя обязанности, имѣющія большое значеніе въ общемъ управленіи мѣстами заключенія.

Попеченіе объ улучшеніи духовно-нравственнаго положенія заключенныхъ, заботы по сооруженію церквей въ тюрьмахъ и содержанію ихъ, составленіе библіотекъ для заключенныхъ, организація чтеній и собесѣдованій съ арестантами, попеченіе о тюремныхъ больницахъ и содержаніе ихъ за счетъ экономическихъ суммъ комитетовъ и отдѣленій составляютъ непремѣнную обязанность органовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, такъ какъ казна на эту тюремную надобность средствъ не отпускаетъ.

Казалось бы, что эта задача органовъ общества могла быть съ успѣхомъ осуществлена и служить большимъ подспорьемъ въ правительственныхъ заботахъ о тюрьмахъ, но дѣйствительность показываетъ иное. Современная постановка дѣла въ губернскихъ комитетахъ и уѣздныхъ ихъ отдѣленіяхъ, за рѣдкими исключеніями, остается въ томъ же положеніи, что было и въ дореформенное время. Благотворительный элементъ отсутствуетъ, за исключеніемъ небольшого числа лицъ, добивающихся почетнаго званія члена общества, предоставляющаго нѣкоторыя права и преимущества служебнаго положенія. Составъ комитетовъ и отдѣленій пополняютъ обязательные директора, числящіеся въ комитетахъ и отдѣленіяхъ по долгу государственной службы, а масса собственнаго дѣла лишаетъ ихъ возможности удѣлять время интересамъ мѣстной тюрьмы. Засѣданія въ большинствѣ случаевъ посѣщаются неохотно или вовсе не составляются и фактически губернскіе комитеты и уѣздныя отдѣленія обратились въ органъ административной власти съ единоличнымъ распоряженіемъ дѣломъ въ губерніяхъ губернаторовъ, какъ вице-президентовъ губернскихъ комитетовъ, а въ уѣздахъ предводителей дворянства, въ

канцеляріяхъ которыхъ сосредоточены дѣла уѣздныхъ отдѣленій. Въ большинствѣ случаевъ губернскіе комитеты и уѣздныя отдѣленія ограничиваются заботами по продовольствію арестантовъ, не проявляя своей дѣятельности въ другихъ отношеніяхъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы имѣемъ даже примѣры передачи всего дѣла уѣзднымъ исправникамъ.

Еще въ худшемъ положеніи находятся уѣздные города, гдѣ отсутствуетъ продолжительное время предводитель дворянства. Обезпечивая тюрьму поставкою продуктовъ, уѣздное отдѣленіе обыкновенно сдаетъ огуломъ продовольствіе арестантовъ поставщикамъ-торговцамъ, которые являются безконтрольными хозяевами положенія.

Въ такихъ случаяхъ отдѣленія въ сущности не функціонируютъ и существуютъ лишь документально [1]), представляя передаточную инстанцію въ отпускаемыхъ на содержаніе заключенныхъ и тюремъ деньги.

Весьма существеннымъ затрудненіемъ для органовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ въ современномъ его положеніи нужно признать финансовое его положеніе. Въ прежнее время общество имѣло громадные остатки отъ передаваемыхъ въ распоряженіе общества казенныхъ ассигнованій на хозяйственныя надобности тюремъ. Теперь съ ограниченіемъ хозяйственныхъ функцій однимъ лишь продовольствіемъ и леченіемъ арестантовъ, остатки эти естественно уменьшились и составляютъ единственный источникъ, поддерживающій оскудѣвающія за послѣднее время экономическія средства.

Поступленія директорскихъ взносовъ и денежныхъ пожертвованій по комитетамъ и отдѣленіямъ за послѣднее время настолько уменьшились, что ихъ не хватаетъ даже на покрытіе половины всѣхъ расходовъ по содержанію канцелярій означенныхъ учрежденій [2]).

---

[1]) По Черниговской губерніи губернскій комитетъ за послѣдніе 10 лѣтъ вовсе не имѣетъ засѣданій и въ составъ его входитъ одинъ лишь необязательный директоръ г. Маркельсъ, состоящій въ этой должности съ 1879 г. Въ уѣздныхъ городахъ: Сосницѣ, Городнѣ, Острѣ и Борзнѣ весьма долгое время дѣло уѣздныхъ отдѣленій сосредоточивалось въ рукахъ исправниковъ, а продовольствіе арестантовъ было возложено на торговцевъ-поставщиковъ.

[2]) Объясненіе къ отчету по Главному Тюр. Управл. за 1909 г. ч. I стр. 148.

Таково въ общихъ чертахъ положеніе общества попечительнаго о тюрьмахъ въ настоящее время.

Приближаясь къ столѣтію своего существованія и какъ-бы замирая въ своей дѣятельности, общество попечительное о тюрьмахъ тѣмъ не менѣе продолжаетъ функціонировать почти на всемъ пространствѣ Русскаго государства, сохранивъ по закону право широкаго участія въ тюремномъ управленіи [1]).

Это ненормальное положеніе сознается уже давно и можно сказать съ увѣренностью, что общество къ своему столѣтію стоитъ наканунѣ или совершеннаго упраздненія или преобразованія его въ учрежденіе филантропическаго характера. Весьма сложное управленіе обширнымъ хозяйствомъ тюремной части въ государствѣ въ связи съ неменѣе сложной задачей примѣненія современной пенитенціарной системы въ мѣстахъ заключенія, не можетъ оставаться въ вѣдѣніи хотя бы и полуоффиціальныхъ учрежденій губернскихъ комитетовъ и уѣздныхъ отдѣленій, состоящихъ изъ благотворителей и должностныхъ лицъ разныхъ вѣдомствъ, въ большей части вовсе не знакомыхъ съ постановкою тюремнаго дѣла и общимъ направленіемъ въ системѣ тюремнаго заключенію. Спеціальныя знанія, необходимыя въ настоящее время въ столь крупномъ дѣлѣ, а также полное согласованіе дѣятельности всѣхъ должностныхъ лицъ тюремнаго управленія, совершенно исключаютъ возможность проявленія диллитантизма въ дѣлѣ. И это несомнѣнно признается и самымъ обществомъ. Не смотря на то, что право отъѣльныхъ членовъ общества распоряжаться въ тюрьмахъ не отмѣнено, въ дѣйствительности никогда никакихъ столкновеній съ тюремной администраціей у членовъ общества не происходитъ.

Почти столѣтнее существованіе обшества попечительнаго о тюрьмахъ тѣмъ не менѣе должно быть отмѣчено въ исторіи тюремнаго дѣла какъ выдающійся моментъ историческаго развитія тюремнаго вопроса и въ этомъ отношеніи общество имѣетъ въ своемъ прошломъ громадныя заслуги.

---

[1]) Уставъ о сод. подъ страж. изд. 1890 г.

Помимо общаго значенія, которое общество имѣло въ то отдаленное время, когда суровость тюремнаго режима требовала смягченія заботами частныхъ благотворителей, общество попечительное о тюрьмахъ дало опытъ въ тюремномъ дѣлѣ, опредѣлившій первоначальное направленіе, по которому затѣмъ шла реформаціонная дѣятельность въ области тюремнаго дѣла.

Явившись первымъ учрежденіемъ, ставшимъ во главѣ тюремнаго дѣла, общество выработало свой опытъ путемъ близкаго знакомства съ условіями жизни заключенныхъ, установивъ впервые опредѣленный взглядъ на тотъ порядокъ, который надлежало ввести въ мѣстахъ заключенія.

Имѣя личное общеніе съ заключенными, посѣщая во всякое время тюрьмы и всматриваясь постепенно въ тюремную обстановку общество попечительное о тюрьмахъ накопляло громадный и цѣнный матеріалъ, послужившій впослѣдствіи къ разработкѣ его законодательнымъ порядкомъ.

Открывая въ 1819 году свои дѣйствія общество попечительное о тюрьмахъ не имѣло ничего кромѣ отрывочныхъ законодательныхъ актовъ по тюремнымъ вопросамъ и данныхъ обществу правилъ, построенныхъ на новыхъ началахъ филантропіи, изложенныхъ въ самыхъ общихъ чертахъ.

Приступая къ дѣлу, которое не имѣло не только никакой организаціи, но и было мало знакомо правительству, которое лишь незадолго до этого сосредоточило тюремныя дѣла во вновь учрежденномъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, общество попечительное о тюрьмахъ столкнулось съ тюремною жизнью въ томъ видѣ, какъ она сложилась сама по себѣ. Обществу предстояла нелегкая задача разобраться въ невѣдомомъ дѣлѣ и примѣнить новыя начала данныхъ обществу правилъ и постепенно намѣтить тотъ путь, который привелъ бы къ установленію нѣкоторой системы въ тюремномъ вопросѣ. Устанавливая опытнымъ путемъ тѣ улучшенія, которыя были необходимы съ точки зрѣнія здраваго смысла, чтобы создать лучшія условія тюремнаго заключенія, общество попечительное о тюрьмахъ постепенно выработало правила внутренняго распорядка въ тюрьмѣ и систему въ организаціи самаго дѣла.

Десятилѣтній опытъ далъ, наконецъ, обществу возможность объявить выработанную годами программу дѣятельности общества и объединить общими правилами тюремный режимъ повсемѣстно. Система эта, получившая въ 1831 году санкцію правительства, издана въ видѣ проекта инструкціи смотрителю тюремнаго замка, вошедшая приложеніемъ къ т. XIV Св. Зак. уст. сод. подъ страж. изд. 1832 г.

Инструкція эта выработана при участіи Петербургскаго комитета общества попечительнаго о тюрьмахъ [1]) и представляетъ первый опытъ систематической разработки правилъ внутренняго распорядка въ мѣстахъ заключенія.

Предшествуя первому изданію устава о содержащихся подъ стражей 1832 года, инструкція смотрителю губернскаго тюремнаго замка даетъ, стало быть, первую организацію тюремнаго дѣла, регулируя и объединяя постановку тюремнаго дѣла одинаковую во всѣхъ мѣстахъ заключенія.

Это фундаментъ, который служилъ до самаго послѣдняго времени основаніемъ установленія внутренняго распорядка въ тюрьмѣ [2]) и вкоренился въ наше законодательство, какъ руководящее начало въ разработкѣ правилъ тюремнаго режима.

Если обществу не удалось осуществить широкія задачи тюремнаго управленія, то въ разработкѣ и изслѣдованіи тюремнаго вопроса заслуга его велика. Изучивъ практически тюремную жизнь, общество внесло въ тюремное дѣло систему, объединившую тюремное дѣло, не имѣвшее до того ничего опредѣленнаго.

Инструкція смотрителю губернскаго тюремнаго замка имѣла громадное значеніе еще и по той простой причинѣ, что изданный въ 1832 году уст. о сод. подъ страж., по краткости своихъ постановленій, намѣчаетъ лишь общія постановленія закона, не опредѣляя практическое примѣненіе установленныхъ закономъ нормъ. Инструкція — это правила внутренняго распорядка въ тюрьмѣ, которыхъ уставъ почти не касается.

---

[1]) Отчетъ общества попечительнаго о тюрьмахъ за 1854 г. стр. 4.

[2]) Инструкція 9 апрѣля 1831 г. съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями была въ силѣ до самаго послѣдняго времени и только съ 1 марта 1912 года она замѣнена изданной Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ новою тюремною инструкціею.

Въ свое время общество попечительное о тюрьмахъ сыграло видную роль и въ тюремномъ законодательствѣ. Добившись права иниціативы въ тюремномъ дѣлѣ, общество не останавливалось въ своихъ предположеніяхъ объ измѣненіи законовъ и въ составленіи законодательныхъ проектовъ [1]).

Не малое значеніе общество попечительное о тюрьмахъ имѣло и въ тюремномъ строительствѣ, настойчиво ходатайствуя предъ правительствомъ о приведеніи тюремъ въ надлежащее устройство. И въ этомъ отношеніи общество достигло положительныхъ результатовъ поскольку, конечно, государственное казначейство могло идти навстрѣчу обществу. По крайней мѣрѣ отчетъ общества за 1836 г. свидѣтельствуетъ, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, по ходатайству президента общества, усердно содѣйствовалъ всѣми зависящими отъ него мѣрами къ приведенію мѣстъ заключенія въ надлежащее устройство.

Итакъ, сыгравъ въ своемъ историческомъ прошломъ весьма видную роль въ организаціи тюремнаго дѣла и заканчивая свое существованіе, вслѣдствіе измѣнившихся условій общественной и государственной жизни, общество попечительное о тюрьмахъ стоитъ наканунѣ преобразованія его въ учрежденіе филантропическаго характера.

Нынѣ Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ уже подготовлены проекты реформъ общества попечительнаго о тюрьмахъ и, нужно полагать, столѣтіе существованія общества ознаменуется признаніемъ крупныхъ заслугъ общества въ его прошломъ и въ совершенной безжизненности его въ настоящее время.

Д. Краинскій.

---

[1]) Еще въ 1854 г. изъ числа представленныхъ обществомъ предположеній остались не разсмотрѣнными въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ еще слѣдующія: а) о наказаніяхъ чиновниковъ, удаленныхъ отъ службы безъ лишенія чиновъ и поэтому сдѣлавшихся самими вредными членами обществъ, въ коихъ они проживаютъ, б) о бродягахъ, безпаспортныхъ или съ просроченными видами и, наконецъ. в) несовершеннолѣтнихъ и престарѣлыхъ, подвергшихся суду за проступки или преступленія. «Важность введенія сихъ предположеній, объясняетъ отчетъ общества за 1854 г. стр. 5-я, можетъ быть ощутительна лишь для тѣхъ, кому близко извѣстны тюрьмы и характеръ въ нихъ арестантовъ».

ИСТОЧНИКИ.

1. Дѣла Центральнаго Архива Черниговскаго Губернскаго Правленія
   а) Дѣла Черниговской Губернской Строительной и Дорожной Комиссіи съ 1781 по 1797 года.
   б) Дѣла Черниговской Губернской Строительной и Дорожной Комиссіи: 1797 г. №№ 28, 6, 27, 53 и 23. 1798 г. № 37. 1799 г. № 53. 1800 г. № 66. 1801 г. № 78, 1803 г. № 103, 1804 г. № 136, 1806—1814 г. № 250, 1805—1820 г. № 225, 1812 г. № 467, 1829—1832 г. № 1075, 1838 г. № 1621, 1846—1850 г. № 2996.
2. Полное собраніе законовъ.
3. Очеркъ науки полицейскаго права И. Т. Тарасова.
4. Государственное право Н. О. Куплевасскаго—мѣстныя учрежденія.
5. Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ И. Я. Фойницкаго.
6. Русское уголовное право, общая часть Н. Д. Сергѣевскаго.
7. Русское уголовное право лекціи Н. С. Таганцева.
8. Тюремное преобразованіе, изданіе Гл. Т. Упр. 1905 г. (Высочайше утвержденная особая комиссія для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія).
9. Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи вып. 24.—Остатки Якутскаго острога Н. В. Султанова.
10. Тюремный Вѣстникъ.

11. Дѣла Центральнаго Архива Черниговскаго Губернскаго Правленія.
    а) Дѣла Черниговскаго Губернскаго Комитета общества попечительнаго о тюрьмахъ №№ 1—1848—1868 г. и 3—1841—1846 г.
    б) Журналъ Черниговскаго Губернскаго Комитета общества попечительнаго о тюрьмахъ съ 1843 года.
12. Дѣла архива Мглинской уѣздной тюрьмы съ 1841 г.
13. Отчеты общества попечительн. о тюрьмахъ съ 1831 г.
14. Отчеты Главнаго Тюремнаго Управленія.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00023753831